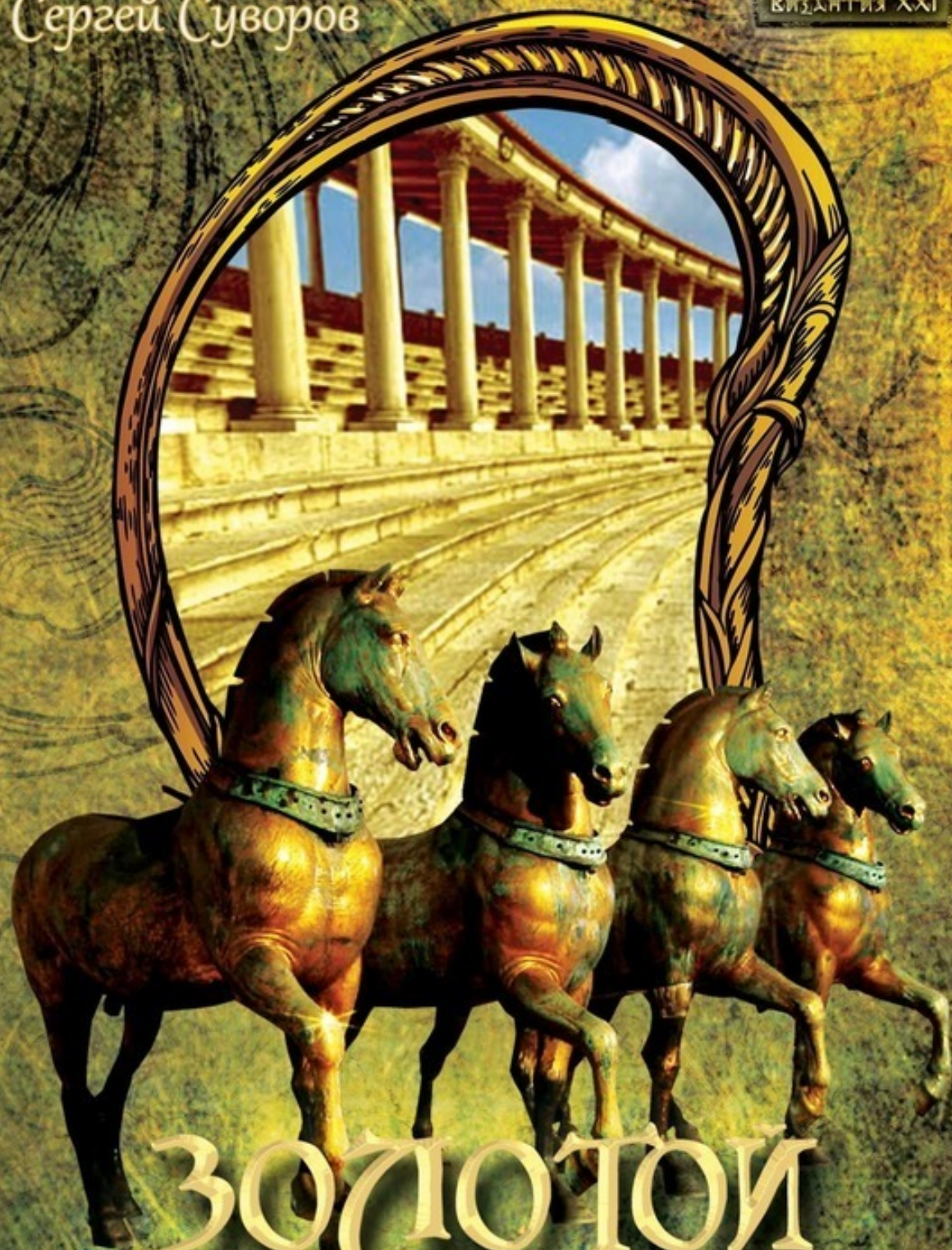

Кассия Сенина
Сергей Суворов

ЗОЛОТОЙ ИШПОДРОМ

Кассия Сенина
Золотой Ипподром

«Издательские решения»

Сенина К.

Золотой Ипподром / К. Сенина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966406-8

Византийская Империя, 2010 год. Император Константин XXI хочет вернуть сокровища, награбленные крестоносцами, и устроить помолвку дочери. Для этого пришло удобное время: мировая элита съехалась в Константинополь на семидневный Золотой Ипподром — знаменитые колесничные бега. Но пока император плетет политические интриги, его жена внезапно увлекается ректором Афинской Академии, а митрополит Ираклийский, недовольный падением авторитета церкви в обществе, строит козни, чтобы сорвать Ипподром...

ISBN 978-5-44-966406-8

© Сенина К.

© Издательские решения

Содержание

День накануне	7
День первый	34
День второй	65
День третий	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Золотой Ипподром

Кассия Сенина
Сергей Суворов
Серия «ВИЗАНТИЯ XXI»

Дизайнер обложки Юлия Меньшикова

© Кассия Сенина, 2019
© Сергей Суворов, 2019
© Юлия Меньшикова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-6406-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Византия XXI» – серия романов в жанре альтернативной истории, рассказывающих о мире, где Византийская Империя не пала в 1453 году, но существует до нашего времени – как и прежде, на зависть всем.

Сайт серии в Интернете: <http://byzantium-21.blogspot.ru>

Сообщество серии в Фейсбуке:
www.facebook.com/groups/Byzantium.XXI

Кассия Сенина
Сергей Суворов

ЗОЛОТОЙ ИППОДРОМ

Кассия Сенина
Сергей Суворов

Золотой Ипподром: роман / Т. А. Сенина (монахиня Кассия), С. А. Суворов. – Издание 2-е. – 2019. – Серия «Византия XXI».

Византийская Империя, 2010 год. Император Константин XXI хочет вернуть сокровища, награбленные крестоносцами, и устроить помолвку дочери. Для этого пришло удобное время: мировая элита съехалась в Константинополь на семидневный Золотой Ипподром – знаменитые колесничные бега. Но пока император плетет политические интриги, его жена внезапно увлекается ректором Афинской Академии, а митрополит Ираклийский, недовольный падением авторитета церкви в обществе, строит козни, чтобы сорвать Ипподром...

*Я еду, я еду, подобная стрелке
Скорее отведать с нездешней тарелки
Скорее пригубить из тамошней кружки
Навстречу бессменной двухмерной подружке
В невиданных мною досель зеркалах
Неси меня, Будда, Иисусе, Аллах
В цветном колесе Твоего ипподрома —*

Я дома.
(*Анна Герасимова*)

День накануне

Императрица никак не могла решить, какие серьги и ожерелье больше подойдут к ее платью из серебристого шелка. Белое золото с бриллиантами или сапфиры, темно-синие, как ее глаза?.. За спиной Евдокии в зеркале отражалась широкая арка, за которой начиналась терраса. Платаны, едва дотягиваясь верхушками до перил балкона, приветливо шевелили темной листвой.

Августа медленно отвернулась от зеркала и в задумчивости сделала несколько шагов в сторону террасы. Открывавшийся отсюда вид никогда не мог наскучить. Серебристо-голубая искрящаяся морская поверхность, усеянная рыбацкими лодками и кораблями, размытый в утреннем мареве Халкидон, далекие белесые холмы с гребенками небоскребов, иглами труб и телевышек... Деревья сбегали вниз по холму древнего Акрополя к буроватым морским стенам, что отделяли дворцовый парк от сверкавшей на солнце Пропонтиды. В воздухе носились крики чаек и пряные ароматы сада, с которыми спорил морской бриз, пахнувший водорослями, свежей рыбой и, едва уловимо, парходными дымками.

Наверное, если бы не эта картина, Евдокии трудно было бы привыкнуть к белому дворцу, построенному почти столетие назад. Он выглядел достаточно старомодно со своей лепниной на высоченных потолках, темноватыми альковами и бронзовыми люстрами. Но что делать! Прошли времена, когда каждая августа могла себе позволить перестроить жилище по собственному вкусу. Впрочем, труднее всего было выносить тишину этого уединенного уголка, куда почти не проникал шум огромного Города – за исключением, конечно, вездесущих чаек и сирен громадных кораблей, входящих в Босфор. Покой Евдокии не особенно любила, в отличие от мужа. Но, хвала Создателю, супруга василевса имела много способов делать свою жизнь интересной и насыщенной событиями.

Она бросила взгляд на часы в углу, и опять шагнула к зеркалу. Тень досады скользнула по ее лицу: осталось полчаса до встречи с синклитиками и прибывшими гостями, а она все еще не готова! Конечно, без божественной августы прием не начнут, но ей и самой не терпится увидеть всех – осталось лишь полдня, чтобы сделать ставки и заключить пари. Проэдр Синклита точно будет за зеленых: на этот раз возница – его племянник. Молодой Нотарас, безусловно, уже достаточно опытен, но точно ли можно надеяться на его успех? Дочь в последнее время твердит о Феотоки, но это, скорее, от увлечения. Вряд ли Василий выиграет, он ведь позже всех подал заявку на участие и был допущен к тренировкам. Хотя с лошадьми он и правда управляется отлично! Пожалуй, Нотарасу не уступит... Но, в любом случае, выиграть в заездах одного или двух дней это одно, а получить Великий приз Ипподрома – совсем другое.

Евдокия чуть нахмурилась. Похоже, дочь не на шутку увлеклась Феотоки, а это совсем некстати! Впрочем, скорее всего, просто блажь, которая скоро пройдет! Они с ним так отличаются по воспитанию и устремлениям... Разве что у Феотоки зажигательный нрав? Тогда, конечно, увлечение Катерины понятно – кое-какими чертами характера она слишком напоминала мать... В очередной раз застегнув на шее бриллиантовое ожерелье, императрица опустила руки и несколько мгновений смотрела в зеркало невидящим взглядом. По ее губам промелькнула печально-ироническая улыбка: хотя выходка ее юности, когда она, неудачно пошутив на балу, едва не лишилась царского венца, была страшной глупостью, плодом минутного увлечения, августа подозревала, что муж долго не мог забыть тот случай. Хорошо бы все-таки, если б у Катерины обошлось без подобных проделок!

Снова оглянувшись на сверкающее море, императрица, наконец, остановила выбор на алмазах. Подойдя совсем близко к зеркалу, она пристально всмотрелась в свое отражение. Тридцать пять лет! Времени почти не удалось оставить следов на «августейшем теле», как шутливо выражался царственный супруг: любая девушка могла бы позавидовать гладкой коже,

покрывшейся за лето ровным персиковым загаром, свежему румянцу, розовым губам, чудесным густым волосам шоколадного оттенка... Но все же дочь уже почти взрослая! А давно ли восемнадцатилетняя эфесянка прилетела в этот Город, чтобы участвовать в смотринах, устроенных для выбора невесты императорскому сыну?..

Августа вздохнула и, в последний раз оглядев себя в зеркале со всех сторон, чуть вздернула подбородок и вышла из покоев. До начала приема оставалось всего несколько минут, и она рисковала опоздать, даже несмотря на бегущие дорожки.

Она обожала лошадиные бега, особенно Золотой Ипподром, который устраивался трижды в год – на день основания Константинополя, на праздник Спаса Нерукотворного и на Рождество Христово. На эти бега съезжался весь мировой бомонд, «Византий-аэро» пускал дополнительные рейсы, но и тогда самолетам порой случалось ожидать разрешения на посадку, кружа над Пропонтидой. Помимо самих колесничных бегов, публику ожидали цирковые представления, званые обеды, балы, круиз по Босфору, театральные постановки, ночные фейерверки и еще много всего веселого и интересного.

Несмотря на неформальную атмосферу, во время этих празднеств происходило множество деловых знакомств, нередко приводивших к выгодным контрактам. Но этим занимались в основном мужчины, а женщины развлекались – и, к счастью, для них хватало кавалеров, которым не нужно было решать слишком много серьезных вопросов: Ипподром собирал самых умных, самых блестящих и остроумных людей со всего света – знаменитых ученых и писателей, ректоров университетов и академий, лауреатов Константиновской премии... Здесь всегда было, с кем поговорить, кого послушать, с кем посостязаться в остроловии – и августа расцветала в дни Ипподрома, как никогда.

«Феодор уже должен быть здесь», – подходя к большой приемной зале Магнавры, подумала Евдокия: постоянно обновляющийся список прибывших гостей в ее ноутбуке еще час назад показал, что великий ритор получил ключ от номера в гостевом дворце Кариан. Как жаль, что она так долго ничего не знала о творчестве Киннама и едва не пропустила такие прекрасные романы! Даже неудобно перед автором – они общаются на каждом Ипподроме, он всегда так блестяще развлекает ее... Поистине, в искусстве слова с ним мало кто сравнится даже из самых красноречивых здешних гостей! А он, оказывается, по-своему скромен – ни разу не обмолвился о своем творчестве. Но уж теперь она непременно поговорит с ним о его романах и попросит в подарок новый!

* * *

Григорий лежал на диване, закинув на его спинку длинные ноги в линялых штанах неопределенного цвета, и смотрел, как сестра вертится перед зеркалом, выясняя, хорошо ли на ней сидит новая ярко-красная блузка. Окна крохотной квартирки смотрели точно на запад, и, хотя дом находился в одном из самых престижных районов – на берегу Босфора и притом на второй линии от моря, – видом на пролив они любоваться не могли. Мало того, дневной свет заслоняла соседняя многоэтажка, поэтому в комнатах почти всегда горели белые лампы. В их свете Елизавета казалась вызывающе ярко одетой.

– Ну, как я тебе? – Она обернулась к брату с довольной улыбкой.

– Великолепна, неотразима, изумительна! Только что это ты такой цвет выбрала?

– Хороший цвет, чем тебе не нравится?!

– Слишком напоминает «Мега-Никс»! На работе насмотришься на эту красноту, аж в глазах рябит, да еще дома ты сверкаешь...

– Ну вот, вечно ты чем-то недоволен! – Елизавета капризно наморщила нос. – Что же мне теперь вообще не носить ничего красного? А если ты перейдешь на работу в «Рыбульку», как хотел, то прикажешь не носить голубое? Мой любимый цвет!

– Не, в «Рыбульку» не пойду. Работы там почти столько же, а платят меньше. Да «Мега» скоро ее забьет тут совсем или к Золотому Рогу вытеснит... во Влахерны куда-нибудь и туда дальше, за стену. Там народу поменьше, да и победнее, а тут у нас бойко, только и успевай подвозить рыбу и все прочее!

– Ну да, бойко, а как Ипподром начнется, так будешь ныть каждый день про толпы понаехавших варваров!

– Издержки производства! – Молодой человек пожал плечами. – Ты тоже ноешь про своих клиентов, что они то торопят, то тупят, и это далеко не три недели в году, как ною я, а раза три еженедельно. Так что будь эээ... снисходительна и все такое. Кстати, ты уже решила, на кого поставишь?

– На красных!

– А, вот почему ты такой цвет выбрала! – Григорий засмеялся. – Ну и глупо! Василь срежется, он же только год тренируется, а у зеленых и синих возницы опытные!

– Он выиграет, спорим?

– Да что с тобой спорить, Лизи? – Он лениво потянулся, одним рывком сел на диване и поглядел на сестру нежно и чуть насмешливо. – Жалко тебя даже, проиграешь...

– Ну, а что тебе-то, Грига? Я проиграю, а не ты! Ну как, спорим?

Лизи была странно возбуждена, и Григорий посмотрел на нее с любопытством.

– На что спорим-то? – спросил он.

– Если я выиграю, ты купишь мне кофемолку... которую мы видели у того старьевщика в Халкидоне, помнишь?

– Ха! Далась тебе эта кофемолка! Ну, ладно, а если проиграешь, тогда купишь мне подсвечник, который мы там же видели, помнишь, с драконами...

– Это с теми страшными мордами? Зачем он тебе?

– Устраивать романтические ужины!

– Романтические?! С поклонницами вампиров?

– Например!

– О-о... И с кем бы это? Погоди, я угадаю...

– Не угадаешь, ты ее не знаешь, мы с ней только недавно познакомились на ипподроме в Мамантовом.

– И ты ничего мне не сказал? Вот хитрец! Познакомишь меня с ней, ага? Посмотрю на твою новую пассию... Надолго ли?

– Отстань!

– Да у тебя ж больше трех месяцев любовь не длится! Ладно, не злись! Твое дело, что уж... Только ты всё равно проиграешь! Кофемолочка моя!

– Размечталась! Не выиграет твой Василь! Зря ты вообще по нему сохнуть вздумала. Подумаешь, пару раз цветы подарил! Я слышал, на него положила глаз сама принцесса, а если он выиграет, тебе же хуже – его пригласят на императорский обед и на бал, и вот там-то она его и заарканит...

– Замолчи! – Лизи чуть покраснела. – Он принцессе не пара, ее сосватают за парня из высшего света, вот увидишь! Помнишь фильм «Все могут короли», как там принцу воспитатель говорил: «Ни один король не может жениться по любви!»

– Это раньше было так, а теперь, вон, в Европе принцессы за кого только не выходят! Одна за тренера, другая за бармена...

– Так это в Европе, а у нас-то!

– А у нас зато бывает выбор невесты! Правда, принцесса – не парень, для нее такого не устроят... Слушай, а было бы прикольно! – Григорий оживился. – Выбор жениха для принцессы, смотрины, самые красивые молодые люди Империи...

– Да, и тебя бы непременно туда взяли! – съязвила Лизи. – Не, я не хочу сказать, что ты лицом не вышел, но, сам понимаешь, кто они и кто мы... Нас туда никогда не позовут!

– Вот же как ты всё выворачиваешь сразу! – возмутился Григорий. – Да мне не нужна эта принцесса! Она фу-ты ну-ты какая умная! Лекса же с ней в одном классе учился, так говорит: всегда чувствовал себя туповатым рядом с ней. А я себя рядом с ним туповатым чувствую, так что... Мне с ней, небось, и поговорить не о чем будет!

– Да ладно тебе, никакой ты не туповатый! Нормальный парень... Ну, диссертаций мы с тобой не пишем, да, но не всем же их писать! По-моему научная степень вообще дурно влияет на ее носителя. Вон, у нас в «Гелиосе» Бирсис как защитился, так сразу такой важный стал, и не подходи! «Вы не умеете правильно выразить свою мысль, потому что у вас не развито пространственное мышление, поэтому я не в состоянии вас понять...» Ага-ага, а у него пространственное мышление развито! То-то он на той неделе так напорол со схемами и подключением! И главное, я ему ведь всё объяснила, написала, нормальным греческим языком... А кто виноват оказался? Доктор наук с развитым пространственным мышлением? Ничего подобного – его соседки, которые, оказывается, слишком громко обсуждали «посторонние вопросы» и мешали ему сосредоточиться! Фу, терпеть не могу, когда начинают так раздуваться! Можно подумать, свидетельство о защите это такая волшебная бумажка, которая враз делает ее обладателя на порядок умней простых смертных!

– Да черт с ними, с диссертациями! Я вообще не об этом хотел, а о том, что принцесса, говорят, девчонка еще та, с характером, и если ей что-то в голову втемяшится, она так сразу не отступится. В общем смотри, Лизи, соперница у тебя ого-го какая!

– Ничего, зато у меня есть... – Елизавета взяла со стула сумочку, вытащила оттуда две карточки цвета морской волны, на которых золотисто блеснуло изображение четверки коней, запряженных в колесницу, и помахала перед носом брата. – Два билета, тебе и мне, на все заезды!

– Ничего себе! Откуда?!

– Василь подарил! И сказал, чтоб я за него болела! Ну что, съел? А ты говоришь – принцесса!

– Н-ну... Что ж, неплохо, признаю! Но смотри, этот забег только начинается, повернуться по-всякому может...

– Ничего, вот и поглядим, чья возьмет!

* * *

Стоя в освещенной голубоватым светом крипте перед большой мозаичной иконой Богородицы «Живоносный Источник», Благодарья смотрела на золотых рыбок, медленно плавающих по мраморному бассейну, и размышляла. Со дня прилета в Константинополь она вообще только и делала, что удивлялась и размышляла, размышляла и удивлялась. Здесь все настолько отличалось от той жизни, к которой она привыкла на родине, что если б ей до приезда сюда кто-нибудь рассказал о подобном, она бы приняла это за фантастику.

Чудеса начались уже в аэропорту, где ее встретила улыбчивая рыжеволосая девушка, одетая по-светски, хоть и в длинной юбке, к тому же без платка на голове и коротко подстриженная. Благодарья оторопела, когда она представилась послушницей Иларией, «а лучше просто Лари». За рулем автомобиля, куда погрузили саму гостью и ее нехитрый багаж, сидела сероглазая худенькая монашка, которая тоже радостно заулыбалась ей, представилась Амфилохией, спросила, как прошел полет, удивилась:

– Какое имя у вас... интересное. – Она наверняка подумала: «странное». – А можно мы будем звать вас просто Дарьей? или Дари?

– Дари, Дари! – Илария захлопала в ладоши. – Этак удобней и веселей! Матушка Фило всегда хорошо имена сокращает! Ты будешь Дари, а я Лари, вот как здорово!

– А нас не перепутают? – Благодарья несмело улыбнулась, с непривычки медленно выговаривая греческие слова.

– Не-е, я же рыжая! – Илария рассмеялась. – А если и перепутают, так это еще веселее!

Вот что сразу поражало: здесь веселость совершенно не считалась чем-то греховным, неподобающим монаху – все выглядели радостными, приветливыми, шутили, в том числе сама игуменья мать Феофано, не было ни нарочитой чопорности, ни постоянно опущенных глаз, ни постных лиц. В первые дни Благодарью даже часто спрашивали, не случилось ли у нее чего-нибудь, а когда она отвечала «нет», весело удивлялись: «Прости, Дари, просто я смотрю – ты такая унылая стоишь!» Они называли это унынием, а в той обители под Хабаровском, где она подвизалась, такой настрой считался «спасительной печалью по Боге»... Когда она рассказала об этом Иларии, которая с первого дня стала ее гидом – показывала все в монастыре, рассказывала об их жизни, отвечала на вопросы, – та страшно удивилась:

– Чего ж тут спасительного – ходить дуться на всех и все?! На унылого поглядишь – и самому грустно станет, а с радостным поговоришь и сам духом воспрянешь! Нас матушка учит, что перед Богом надо наедине плакать и печалиться, для того и келейная молитва, а на людях нельзя быть мрачным! А отец Никодим всегда говорит: «Мы такому великому Царю служим, как же нам грустить? Надо радоваться, что Он сподобил нас служить Ему!» У нас мрачных даже и не приняли бы вовсе в монастырь! К нам ведь сюда всякие люди ходят, паломники, интересующиеся монашеством... Если мы все будем угрюмые ходить, так они посмотрят и подумают: ну, монашество это что-то вроде тюрьмы, – да и не придут сюда больше. Это же грех – людей от обители отпугивать!

– Не знаю! – Благодарья вздохнула. – Я тебя слушаю, Лари, и вроде ты права... Но у нас там совсем всё не так! Я вот тут у вас живу, и мне так легко, так радостно... А у нас так не принято! Если бы ты... или вообще любая ваша сестра к нам приехала, вам бы наверняка у нас тяжело показалось. Ты вот все время смеешься, и другие сестры часто, и мать игуменья, а наши бы смутились: как это монахини такие веселые?

– Почему?!

– Ну, путают у нас угрюмость с благочестием... Им кажется, радоваться – это несерьезно, недуховно. А уж смеяться – вообще чуть ли не нарушение обетов!

Лари весело засмеялась, а потом вдруг посерьезнела и спросила:

– Но как это так можно жить без радости?

«А вот так, – думала Благодарья. – Живут и даже не помышляют, что можно жить иначе и спастись!»

До приезда в Империю она не могла и вообразить, что монастырь может быть таким... демократичным. Послушницы тут ходили в мирской одежде, без головных уборов, только в храме стояли в платках, посильно участвовали в богослужении и в работах, но могли при желании отлучаться домой к родным, а некоторые продолжали учиться в институтах или писать диссертации. По словам Иларии, никто здесь не торопил с постригом и он не являлся наградой за «выслугу лет»: в обители позволялось жить сколь угодно долго, пока окончательно не определишься внутренне, хочешь ли посвятить себя монашеству; если же послушница понимала, что у нее нет твердого настроя на эту жизнь, и уходила, никто не смотрел косо и не осуждал за греховность и недуховность.

– Я вот тут два года уже, – сказала Лари, – но пока не знаю, останусь ли... Я послушания-то всякие люблю и службы тоже очень, а вот молиться по ночам... духу не хватает!

Еженочная келейная молитва, предстояние Богу один на один, была обязанностью каждой постриженной сестры, главным стержнем всей жизни: именно это становилось пробой духовного настроя, а не бесконечные послушания, работа, поклоны и внешнее смиренничанье.

Здесь никого не ставили на какое-либо послушание «в наказание», никто не имел особых привилегий. В трапезной, например, все ели одно и то же, хоть игуменья, хоть служащие иеромонахи, хоть епископы: приехавший на Преображение в обитель Никейский владыка ел те же самые рис, овощи и рыбу, что и прочие сестры, а огромный пирог с вишней, принесенный кем-то из паломников, разделили поровну на всех, не исключая самых молодых послушниц. Еду накладывали сами, кому сколько нужно. В качестве питья на трапезе обычно подавался чай, соки или компот, а в пост – только вода; в дни ослабления поста ее разбавляли хорошим вином, но на послушаниях сестры всегда могли сварить себе кофе. Матушки, занимавшиеся переводами, например, пили кофе со сладостями в течение всего рабочего дня, но были и такие, кто ничего не вкушал помимо трапезы – однако при этом никто ни за кем не следил и никто ничему не удивлялся.

Занятия монахинь еще больше поразили Дари – через неделю пребывания в монастыре Живоносного Источника она уже привыкла к новому варианту имени. Большинство сестер имели высшее образование, многие знали по несколько языков; Лари сказала, что в обители, по установившемуся обычаю, до окончания института никого не постригают. Монастырь имел свое небольшое издательство, несколько сестер занимались переводами святых отцов с древнегреческого на новогреческий и даже на европейские языки. Конечно, при монастыре были и сад, и огород, и небольшая оливковая роща, и овцы с курами – земельный участок, начинавшийся сразу за городской стеной, позволял держать хозяйство, – но на этих послушаниях работали те, кому они нравились, а для тяжелых трудов в обитель приглашали наемных рабочих. Общим правилом было: каждый должен делать ту работу, к какой больше способен, которая ему по душе и где он может быть полезен. Когда же настаивала необходимость общих и срочных работ – например, по сбору оливок, – на них шли все сестры без исключения: и игуменья, и ее келейница, и ученые монахини, и иконописицы, и юные послушницы, – все работали весело и дружно, а после возвращались на свои обычные послушания.

«Почему у нас все не так?! – думала Дари. – И почему здесь при всем этом... либеральничанье, как сказали бы наши, ощущается истинная монашеская жизнь, дух радости о Христе, а у нас – какая-то мрачность, натужное благочестие, все эти поклоны, перебирание четок напоказ, „простите-благословите“, выслуживание перед игуменьей и старшими матушками... и при этом так редко ощущается, что действительно служишь Богу?! Скорее, выходит, не Богу, а Великому Завхозу – так набегаясь за день, что уже не до службы – скорей бы отстоять-отчитать – и тем более не до книг, а только бы до подушки добраться!..»

С каждым новым днем жизни в Константинополе ей становилось все обидней за свое отечество – и в то же время все меньше хотелось туда возвращаться...

– Да-ари! Ты здесь? – зазвенел сверху голос Иларии, раздались легкие быстрые шаги по лестнице, и рыжая девушка с улыбкой спустилась в крипту. – А, на рыбок смотришь? Я тоже ужасно люблю на них смотреть, в первый месяц, как сюда поступила, часто тут торчала, – она засмеялась. – Смотри, смотри, видишь, вон плывет такая золотистая, светлая, в белую полоску? Вон теперь какая здоровая выросла, а я ее помню еще ма-ахонькой! Слушай, у меня сногшибательная новость! Идем наверх, скоро уже вечерня, посидим на скамеечке, я расскажу, что мать Евстолия мне сказала!

Они поднялись из прохладного подземелья на разогретый солнцем двор и сели на скамью в тени развесистого гранатового дерева.

– Ну вот, – с сияющим видом затараторила Лари, – у матушки Евстолии брат есть, Василий, он такой, знаешь, классный! Он тут бывает у нас на службах, может, даже завтра придет... Ну вот, он лошадьми увлекается с детства, и весь этот год тренировался, чтобы в Золотом Ипподроме участвовать...

– Золотом Ипподроме?

– Да, это самые большие тут бега, бывают трижды в год, император устраивает, зимой, весной и вот сейчас после Успения, завтра начнется. «Золотой» – это старинное название, еще в средние века появилось, только в те времена так назывались бега после Пасхи, они один день длились, а теперь три раза в год по целой неделе, о, такая программа всегда, по телевизору показывают, бега каждый день с утра, а потом во Дворце приемы всякие, балы... Приезжают гости со всего мира! Я еще когда в школе училась, бывала с родителями на этих бегах, ужас, как там все интересно! Мы тогда даже денег выигрывали! Ну вот, в общем, Василь на этом Ипподроме тоже выступает, и ему билетов выдали бесплатно, чтобы знакомым раздать, а он в обитель два передал, и мать Феофано решила: раз ты у нас в гостях, то тебя и надо туда сводить, а сопровождать тебя буду я! Представь, как классно! – Лари захлопала в ладоши. – Вот повезло тебе! Да и мне тоже!

Ошеломленная Дари сначала даже не могла ничего произнести. Она уже успела привыкнуть к либеральным порядкам обители Источника, к послушницам в мирской одежде и без платков – и для нее тоже нашли обычное цветное платье, а подрясник с апостольником, в которых она приехала, были убраны в шкафчик в ее келье, – но ходить на такие развлечения как лошадиные бега?!

– А разве, – наконец, выговорила она, – разве это... можно? Ипподром ведь это... ну, такое... не для монахов совсем...

– Ты думаешь, это грех будет? – Лари рассмеялась. – Какие у вас там в России странные понятия о благочестии! Я вот слушаю твои рассказы про вашу жизнь и всё только удивляюсь! Ну, что такого, если мы на бега посмотрим? На деньги мы играть не будем, ты просто поглядишь на здешнюю публику, это, знаешь, интересно для тебя и полезно – там ведь не только все высшие круги Империи будут, но и иностранцы всякие, и куча гостей разных, не только богатые. Церемонии там, песнопения по древней Книге церемоний двора, это же классно, это история живая! И еще представления всякие между забегами, как и раньше было, здорово! Мы же с тобой еще не монахини, это монахини туда уже не ходят, они от мира совсем отделились, а нам еще можно, и это тебе не греховные развлечения, а познание жизни и истории отчасти! И потом, у нас государя как величают? Благоверным и православным! А он там всегда, сам открывает бега, победителей награждает, где ж тут грех? Вот и нет никакого греха! И нечего смущаться! Лучше скажи спасибо Василию, что он нам такую возможность подарил!

* * *

Панайотис Стратиотис сидел в редакции еженедельника «Синописис», работа в котором отнимала большую часть его времени, но, как ни странно, приносила мизерный доход. Зато даже для профессионального журналиста это место значило очень много: работа в издании, чьи корреспонденты вхожи в Большой Дворец, в Синклит и на все официальные мероприятия, давала возможность быть в курсе всех событий, и – что немаловажно – сразу делала штатных авторов известными. Правда, кроме невесомости гонораров, был еще один минус: время от времени главный редактор «спускал сверху» задания на статьи и репортажи, от которых нельзя отказаться, как бы ни хотелось. Вот и сейчас тот же случай – и, несмотря на воскресный день и праздник Успения Богоматери, после обеда Стратиотису пришлось идти в редакцию. Впрочем, сегодня здесь почти пусто, все условия для спокойной работы, но задание, данное журналисту, было весьма и весьма неприятным...

Панайотис встал из-за компьютера и прошелся взад-вперед по комнате, разминая спину. Это был высокий русоволосый мужчина чрезвычайно крепкого сложения. Круглые бицепсы не умещались в рукавах рубахи, которая так и трещала на спине при неосторожном движении, и мало кто мог поверить, что этот богатырь не только никогда не делал даже утренней гимнастики, но в своей жизни не обидел и комара. В нем виделось что-то детское – может

быть, такое ощущение создавал розовый овал лишенного всякой растительности подбородка, а может быть – беспомощная улыбка, с которой Стратиотис привык встречать все казавшееся ему грубым и неодолимым. Прямое же насилие было ему неприятно до такой степени, что он даже отказался от воинской службы, несмотря на обычные в таких случаях ограничения прав и возможностей. Конечно, лишение половины медицинской страховки было достаточно чувствительным, но Панайотису не выносил даже мысли о том, что придется стоять навзничь перед каким-нибудь малообразованным комитом, а то, не дай Бог, еще и участвовать в военном конфликте. Он предпочитал чинно вышагивать по воскресеньям впереди заезжего старичка-митрополита, служащего в храме Апостолов. Хотя не каждый архиерей бывал рад такому массивному и представительному жезлоносцу, на чьем фоне практически любой «преосвященный» казался маленьким и незначительным.

– Нет, ну вот ты объясни мне, что я должен писать? – Стратиотис обернулся к сидевшему в глубоком кресле другу, археологу Фома Амиридису, и посмотрел на него своим обычным вопросительным взглядом исподлобья, так плохо сочетавшимся с его громадным ростом. – Мне прислали кучу экспертных заключений о том, что строительство нефтепровода до Киликии не нарушит прав тамошних монахов! И что Церковь пять лет назад совершенно напрасно восстала против этого проекта...

– Я, кстати, не исключаю, что это так, – отозвался Фома. – Собственно, ведь, Церковь жила бы себе спокойно, если б не Ираклийский владыка...

– Да, но представь себе, – воскликнул Панайотис, – в ущелья придет строительная техника, где-то проложат дороги... Каково станет тем, кто всю жизнь провел в тишине?

– Это же ненадолго, а на технику можно обращать так же мало внимания, как на шум египетского камыша, – съехидничал Амиридис, припомнив Древний Патерик. – Ну, а если серьезно, то это, конечно, не здорово. Там, в принципе, есть совершенно неисследованные и нераскопанные участки... Хотя точное направление ведь так и не назвали?

– Нет, но в любом случае отцов беспокоят. Места пустынные, монастырей много, а трубу ведь невозможно прокладывать зигзагами, избегая заповедных мест, да?

– Ну да, там все горы да ущелья, то ли дело в моей любимой Сирии!

Фома мечтательно сцепил пальцы и на секунду уставился куда-то в невидимую даль. Несмотря на курчавую каштановую бородку, он казался в свои тридцать выпускником школы, каковое впечатление старательно поддерживал, обращаясь с людьми весело и запросто; иные бывали удивлены, узнав, что «юноша» уже давно доктор наук и знает десяток древних языков – причем арамейский, кажется, даже лучше родного. И хотя его научные интересы порой выглядели странновато – чего стоило одно только углубленное изучение форм и модификаций сирийского монашеского куколя, – все же жизненный опыт и практическая сметка друга часто выручали журналиста в тяжелых ситуациях. Зато уж Фома не мог найти более благодарного слушателя, рассуждая об особенностях древних обрядов и богослужебных чинов. Коллеги порой шутя говорили, что из Амиридиса вышел бы прекрасный мракобес, если б не его крайне прохладное отношение к современным формам религии.

– В Сирии стратегические нефтепроводы не нужны, как все мы знаем, – солидно излагал Стратиотис. – Но лучше сломать пару гор, чем хотя бы раз в год сломать литургический устав монастыря, соблюдающийся тысячелетиями!

– Ну, уж и тысячелетиями! – привычно заспорил Фома. – Там ведь все десять раз менялось и становилось вверх ногами, и... Вот почитай последнюю работу Скабаланидиса, и вообще...

– Ну, безусловно, история литургики – очень сложная дисциплина, и ее развитие в данный момент заставляет нас...

– Стой, стой, – перебил Амиридис с веселым смехом, – ты, получается, стоишь на позициях владыки Кирика? Так напиши для его пресс-службы статью под псевдонимом, растолкуй там все иначе, чем в «Синописе», и успокойся на этом!

– Да, это юмор, я понимаю. – Панайотис вздохнул, окончательно помрачнев.

– Ну и что – юмор, а почему бы не написать? – продолжал настаивать Фома.

– Нет, с ними мне не по пути...

– Не любишь ты, грешник, Ираклийского митрополита! А его все культурные и образованные люди должны любить!

– А чем определяется культурность? С точки зрения священного предания...

– Ой, нет-нет, не надо! Ты лучше расскажи, что ты видел на его дне рождения!

– Ну, видишь ли, это было очень неожиданное приглашение, я даже хотел отказаться, но потом подумал, что это первый и последний раз, и...

– И? Ты ближе к делу! Много выпили?

– Не знаю, я был за рулем. – Панайотис укоризненно посмотрел на друга. – Но, главное, я воочию убедился, что митрополит – совершенно светский человек, хоть и помощник патриарха. Он ведет себя несдержанно и неподобающе лицу в священном сане! Я думаю, если б не журналисты, он и в пляс бы пустился, подобрав рясу!

– Не беспокойся, пляшет он в цивильном костюме, – пробормотал Амиридис.

– Я за него не отвечаю, но все же это выглядит слишком скандально: шуточки, прибауточки, тосты, даже анекдоты из церковной жизни! Кошмар...

– Что же ты хотел увидеть? Зато он с экрана складно говорит, немногие так могут! И вся церковная политика на нем.

– Да, но какой толк в этой политике, если ее ведет совершенно нецерковный человек? Представь, ведь был канун дня Максима Исповедника, я специально к нему подошел и спросил: владыка, а завтра литургия будет? А он так слегка ко мне обернулся и отвечает: «А черт ее знает!» – тут молодой человек понял, что невольно произнес совершенно недопустимое слово, и в раздражении захлопал себя ладонью по губам.

– Однако! – Тут даже Фома почувствовал неловкость ситуации.

– Да, это многие слышали! Можешь спросить у Мари, она там тоже была.

– Мари?! – воскликнул Фома и внезапно помрачнел. – И с кем же она туда приехала, что делала?

– Вроде бы с отцом, но, знаешь, я ее там видел только мельком...

– Ну да, весь бомонд... – грустно проговорил Фома. – Послушай, а не сварить ли нам кофе?

– Свари, а я пока все же попробую обозначить план статьи...

– Да, – пробормотал Фома, как бы ни к кому не обращаясь, – конечно, такой тип совершенно невозможен рядом с патриархом! Пляски, молодые девушки с кавалерами... жуть!

– Он даже спел в микрофон «Хрисопольские вечера», представляешь?!

– Да уж, понятно... В общем, пиши, что напрасно он поднял в свое время волну против нефтепровода, что это только рекламный трюк!

– Да, но понимаешь, мы ведь не хотим запустения монастырей...

– Тогда напиши, что труба – хорошо, но пусть отчисляют процент на содержание бедного деревенского клира. – Амиридис криво усмехнулся.

– Это, кстати, хорошая идея!

– Давай, давай, действуй, а я пошел кофе варить!

Но не успела еще редакция наполниться ароматом горячей «джиммы», как входная дверь запахнулась, и на пороге появился Сергей Стратигопулос, общий приятель Фомы и Панайотиса.

– Всем привет! – буркнул он и, быстро прогромыхав по комнате армейскими ботинками, устало плюхнулся в пустое кресло.

На вид ему было слегка за тридцать. Короткая щетина, которую по привычке носил на голове бывший горный стрелок, странно контрастировала с его лицом, определенно не лишенным интеллигентности.

– Не угостите ли старика кофе? Опять всю ночь не спал...

– Здравствуйте, Сергей! – Панайотис не слишком охотно оторвался от монитора. – Как поживаете? По-прежнему занимаетесь литературой ночи напролет?

– Чем плохое занятие? Я же сова, так что ночь – всегда время творчества. А день, – тут он слегка зевнул, – день для обеспечения скромного существования.

– Однако вы мало заботитесь о своем здоровье, – вежливо заметил журналист.

– Я забочусь. Только сейчас временно перестал.

– О, привет, вояка! – Фома вошел в комнату, держа поднос с дымящейся кофеваркой и двумя чашками. – Кофе будешь? Ты пей, я себе еще сварю.

– Спасибо, Фом, но... ты сколько ложек положил?

– Шесть. А сколько надо? Ах, да! – Амиридис хлопнул себя по лбу и исчез.

– Да, Сергей, вы становитесь кофеманом, – подытожил Стратиотис.

– Это требование жизни! Ну, а у вас тут что происходит?

– Пишу статью про нефтепровод из Закавказья в Киликию...

– Как? Неужели опять в этом деле что-то зашевелилось?

– Пока непонятно, но, если сопоставить некоторые имеющиеся сведения...

– Ну и хорошо, по крайней мере, будет повод окончательно покончить с хурритами!

– Окончательно вряд ли получится, ведь ни у кого еще не получалось. – Стратиотис болезненно сморщился.

– Ну, хотя бы снять проблему на ближайшие двадцать лет... Пока их дети не подрастут.

– Я удивляюсь вам, Сергей, ведь вы культурный человек, как вы можете так спокойно говорить о таких вещах? Убийства, война...

– Разве я культурный? Видите ли, война и убийства редко существуют друг без друга, так что...

– Но мы все-таки живем в цивилизованной стране...

– А разве цивилизованная страна может себе позволить, чтобы в горах жили дикари, признающие только собственные законы? Да еще такие, что ограбить человека и открутить ему голову для них сущий пустяк!

– Сергей, мне кажется, вы сегодня употребляли алкоголь. – Панайотис недовольно повел носом и сдвинул брови.

– И что с того? Разве сегодня Великая Пятница? Вроде наоборот – праздник. Посему пара рюмок за обедом – никак не грех!

– Нет, я просто не понимаю, для чего это нужно делать...

– Да ни для чего, просто так!

– Сразу выдает себя ваше русское происхождение!

– Не происхождение, а всего-то один-единственный предок.

– Его, похоже, оказалось достаточно!

– Да вы, дражайший, русофоб! Ай-яй, как не стыдно так предвзято относиться к братскому православному народу! Но не переживайте, уж ваши-то потомки будут лишены столь дурной наследственности!

Панайотис, уже хотевший было оправдываться от обвинения в предвзятости, при последних словах Сергея вдруг заметно порозовел и улыбнулся.

– Вы на что намекаете? – вежливо поинтересовался он.

– Ни на что. Просто. На детей.

- Я люблю детей. Да. – Журналист усмехнулся с внезапной грустью.
- Для чего же вешать нос? Вы же в монахи не собираетесь? Будут еще.
- Как знать... – Панайотис заметно приуныл, слегка задумавшись.

Ему вдруг представилась Лизи – тонкая, в коротком белом платье без рукавов...
Может быть, Лизи могла бы стать матерью его детей?..

Впрочем, он быстро отогнал соблазнительные мысли.

– Видите ли, – начал Стратиотис внушительно, – выбор супруги – дело очень ответственное, к нему нельзя подходить скоропалительно, и...

– Ах, да, женитьба! – театрально воскликнул Сергей, откинулся назад и захохотал. – Вы ведь без этого не можете, да, благочестивый вы наш!

– Похоже, вы, господин писатель, все-таки перебрали сегодня! – обиженно заметил Панайотис.

– Да нет, я вовсе не хотел на вас нападать, простите! Просто... помните? – тут Стратиотис воздел кверху правую руку с растопыренными пальцами и продекламировал:

«К поступку безрассудному любовь их побуждала;
Над всеми властвует любовь, порабощает разум
И правит мыслями она, словно конем возница;
И оттого влюбленные владеть собой не могут,
Родные не смущают их, сосед им не помеха;
И, стыд забыв, они любви становятся рабами...»

– «Пришлось такое испытать и деве благородной...» – со вздохом продолжил Фома, входя с кофейной чашкой, казалось, в ужасе кривившейся от той крепости напитка, которую только и признавал бывший солдат.

– Спасибо, друг, что поддержал и песнею, и кофе! – Сергей вскочил с места и, комично раскланявшись, уселся за ближайший стол. – Но почему так грустно? – спросил он Амиридаса.

– Да нет, вроде ничего особенного...

– Та-ак... – протянул Сергей, с удивлением оглядывая приятелей. – Мне не нравится, когда взрослые люди начинают киснуть, лишь коснувшись женского вопроса! Кому-то приспичило жениться? За чем же дело стало? Никак не возьму в толк. Вы, если что, спросите меня. Я ведь женился на следующий день после того, как мне стукнуло девятнадцать! Только вы ведь не спросите, я знаю...

– Конечно не спросим! – отозвался Фома. – Ведь ты и развелся, когда тебе еще не было двадцати.

– Какая разница? Развелся – значит кое-что понял в жизни!

– И что же? – живо заинтересовался Стратиотис.

– То, что мои приоритеты... Впрочем, не важно, – оборвал сам себя Сергей. – Главное вот что: если ты дожил до тридцати и умудрился не стать чьим-нибудь зятем, то все эти побрякушки тебе не нужны, ты без них можешь обойтись, и все тут!

– Оставим эту тему, – пробормотал Панайотис. – Итак, что вы, Сергей, еще можете сказать по поводу трубы?

– Я-то? Я что, я человек военный. Надо, значит надо. Я же знаю, откуда в вашу редакцию дуют ветры. И склонен доверять августу в этих вопросах. Мы ведь не заподозрим его в том, что он позволил себя подкупить продавцам железных макарон?

– Нет, ну подождите, – попытывался журналист, – ведь вы, как человек военный, должны сначала подумать сами?

– Военный человек в моем чине думать не должен, он должен профессионально действовать. Те, кто много думает в бою, быстро отправляются отдыхать на Стратилатово поле.

А выживают те, кто сначала стреляет, а потом думает, в кого. Бывают ужасные ошибки, но реальность именно такова!

– Ты отказываешься мыслить?! – поразился Амиридис.

– В таком масштабе – да. Во время глобальной операции мыслят седые стратеги в глубоких бункерах, а от нас требуется только профессионализм... Впрочем, – тут Сергей быстро допил свою чашку и аккуратно ее отставил, – я ведь давно уже не военный, я литератор, что с меня толку в таких вопросах?

– Нет, ну всё же, – настаивал Стратиотис, – как человек, бывавший в горах, вы можете сказать, будет вред от нефтепровода или нет? Вот преподобные отцы, конечно, будут недовольны...

– Значит так, – твердо ответил Стратигопулос. – Если преподобные отцы против чего-либо, то я, безусловно, за. И вовсе не потому, что я такой безбожник. Просто я прекрасно знаю, что настоящие-то монахи промолчат, а выступать будут всякие негодники.

– Вы много знаете про монастырскую жизнь? – с сомнением поинтересовался Панайотис.

– Да уж, приходилось мне с тамошней братией общаться!

– Но ведь вы приходили с оружием в руках, едва ли с вами могли быть откровенны!

– Конечно, с оружием! Для тех, кто собирает по хурритским ущельям монашеские уши и другие части, автомат больше подходит, чем сачок и панамка, поверьте моему опыту! – Сергей хохотнул.

– Ты совершенно невыносим! – заметил Фома. – Но я с тобой, пожалуй, соглашусь.

– И правильно сделаешь! – воскликнул Стратигопулос. – Попы должны знать свое место. Еще ничего хорошего не получалось, когда им давали волю в государственных делах. И это именно потому, что «церковное мнение» обычно выражают такие господа, как Кирик Ираклийский, который вам, наш старый добрый Пан, так не нравится!

– Да мне все не нравится в этой истории, – печально пробормотал журналист. – Я уж и не знаю, что делать... Но вы меня извините, мне все-таки надо хотя бы план набросать...

– Пойдем, Арей, пропустим по стаканчику, – сказал печальный Фома, поднимаясь. – Мне все же нужно тебя кое о чем порасспросить...

* * *

Ровно в восемь часов вечера, как и было условлено, в дверь апартаментов Джорджо постучали. На пороге стоял препозит, который вежливо осведомился, готов ли господин президент к аудиенции. Господин президент – пока привыкнешь к этому титулу, тебя три раза успеют переизбрать! – конечно, был готов и сразу же последовал за провожатым.

Тот представился Евгением. Показав направление грациозным жестом, он пошел на полшага впереди Джорджо. У препозита была черная квадратная борода и спокойные темно-карие глаза. За левым ухом пряталась трубочка телефона внутренней связи, образуя странное сочетание с длинным кремовым одеянием, спускавшимся почти до пят.

– Простите, а сложно ли научиться ходить в такой длинной... тоге? – вежливо поинтересовался президент.

– Вы про мою тунику? Нисколько! – Чиновник с удовольствием скосил глаз на вышитый золотом подол. – Вопрос небольшой практики. Конечно, мы могли бы ходить здесь и в более современном виде, но вы ведь согласитесь, что интерьер обязывает. – Он слегка махнул рукой, указывая на ряды зеленоватых колонн с античными статуями в промежутках, украшавшие коридор. – К тому же, поверьте, в жару туника действительно необычайно удобна. Некоторые из прежних императоров облачали и всех гостей в похожие одежды! А главное, – Евгений заглянул президенту в глаза, – неизменность придворных облачений это символ стабильности

Империи! За полторы тысячи лет поменялось многое, и многое еще изменится, но остались некие принципы, подходы, которые позволяют нам до сих пор успешно существовать.

– И что вы имеете в виду в первую очередь? – заинтересовался Джорджо.

– А вы поглядите на императорского чиновника в придворной одежде. – Препозит загадочно улыбнулся, замедлив шаг. – Хотя бы даже и на вашего покорного слугу. О чем говорит его облик? Неспешность, хороший вкус, легкость и в то же время закрытость, консервативность, но и восприимчивость к новому – разве не символично?

Спустившись по лестнице и выйдя из дворца Кариан, где жили почетные гости, они с президентом прошли по небольшой выстеленной мрамором площади и поднялись на одну из террас, занятых императорской резиденцией. Жара уже спала, красное солнце готовилось утонуть в перине из высоко взбитых синеватых облаков, напоследок подсветив громадную колоннаду Ипподрома. На азиатском берегу оно зажгло мириады отраженных огоньков, а Босфор в его лучах светился всеми оттенками фиолетового и синего. Большой Дворец – вернее, огромный архитектурно-парковый комплекс, где зданий, казалось, было больше чем деревьев – четырьмя террасами доходил до самых морских стен. Последние, впрочем, уже давно перестали быть собственно морскими, будучи отделены от воды гранитной набережной. Кое-где она приподнималась на опорах почти вровень с зубцами, старательно обходя дворцовые пристани.

Джорджо с препозитом вошли в длинный переход, тянувшийся колоннадой ко дворцу Кафизмы, соединенному с императорской ложей Ипподрома.

– Будьте осторожны, – предупредил Евгений, – здесь бегущая дорожка.

Ощувив присутствие людей, пол мягко, без толчка пришел в движение и, плавно ускоряясь, понес их вперед. Они зашагали по серой шершавой поверхности, от чего пешее движение сделалось невероятно быстрым.

– Замечательно придумано! – воскликнул Джорджо.

– Веление времени! Всё ускоряется, – отозвался препозит. – Его величество уже не может позволить себе тратить часы на пышные выходы и передвижения по Дворцу в окружении свиты, а для автомобилей здесь нет простора. Жаль только, далеко не все древние здания поддаются такой модернизации, – добавил он.

Белые сверкающие колонны и голубизна за ними на ходу сливались в сплошную пелену. Путники несколько раз меняли направление, переступали с одной живой ленты на другую, поднимались по ступенькам. По пути иногда попадались широкие проемы, закрытые тонированными стеклами. За ними угадывались витрины и, кажется, ряды статуй.

– Это музейные помещения, – пояснял препозит. – Конечно, сейчас немыслимо оставлять такие большие площади пустыми. Во Дворце есть и библиотеки, и университетские аудитории, а теперь даже ресторан. Августейшая по временам общается там с творческой богемой... Благо, здесь все устроено так удобно для деления на зоны! Но мы пришли. – Евгений остановил дорожку и открыл небольшую дверь, за которой оказался лифт. – Дальше вы пойдете самостоятельно. Всего хорошего, рад был встрече с вами!

Лифт, похоже, поднял Джорджо всего на один этаж. Когда его двери раскрылись, итальянец сразу очутился в просторном помещении, отделанном темным красноватым камнем. Высокий сводчатый потолок тонул в полумраке; огромное окно – целую стеклянную стену – закрывали жалюзи из тонких золотистых пластинок. В камине, встроенном в стену справа, весело потрескивали дрова, но жара не ощущалось, откуда-то даже веяло приятной прохладой.

Константин сидел в одном из двух кресел возле круглого столика. Когда Джорджо приблизился, император поднялся ему навстречу с веселым смехом:

– Ну, здравствуй, здравствуй, наконец! Теперь можно не церемониться.

На Константине была легкая вишневая туника с изящной вышивкой на вороте и по краю рукавов.

– Ты не смущайся нашим маскарадом – можешь считать, что я тебя принимаю в халате! – сказал он, обнимая друга и похлопывая его по спине. – Ого! Да, заметно, что греблю ты забросил, плечи уже не те!

– Да и ты тут, я думаю, растерял спортивную форму на своих конвейерах для ленивцев, – парировал Джорджо.

– И не говори! За мячом теперь уже не погоняешься... Да не в том дело, просто некогда. Зато здесь доступна верховая езда практически по всему парку.

Президент смотрел в лицо старого друга – всё то же чистое, заметно суженное к подбородку лицо с тонкими губами и высоким лбом; однако в аккуратной бороде уже серебрилось немало седины, и короткие волосы, зачесанные назад, казались не такими темными, как раньше... Но, в общем, Константин выглядел почти как тот студент, спортсмен и умница, с которым познакомился Джорджо двадцать два года назад. А морщинки, легкая утомленность во взгляде и упрямый изгиб густых бровей только красили сорокалетнего мужчину.

Усадив гостя в кресло, Константин поднял заранее наполненный кубок:

– За встречу! Я тебе очень рад!

Выпив, император снова поднялся и сделал шаг к камину. Прозрачный экран отъехал в сторону, и президент сразу ощутил тепло.

– Ты не против камина, я надеюсь? – Константин поправил дрова золочеными щипцами и вернулся на место. – Жарко здесь не будет, не беспокойся. Просто я люблю смотреть на огонь, когда рядом хороший друг или предстоит серьезный разговор.

– Вот как? – заинтересовался Джорджо. – А что на этот раз?

– Представь себе, и то, и другое. – Хозяин рассмеялся и вновь разлил по бокалам вино из темной бутылки. – Но давай пока не будем о делах!

– О да, о них ты никогда не любил говорить, старый скрытник и бука! – съехидничал Джорджо.

– Я просто византиец, не забывай. Какой же ромей станет болтать лишнее?

– Тебе следовало бы заявить об этом на первом курсе, когда ты впервые вошел в аудиторию! Тогда, возможно, было бы меньше проблем с коммуникацией?

– Возможно, но тогда бы мы и не подружились, верно?

– Верно! Но разве я тогда мог подумать, что живу в одной комнате с наследником византийского престола?

– О, да, – слегка вздохнул император, – таков обычай. Я сам, впрочем, не буду против, если мой сын поедет учиться за границу под своим собственным именем. Но, с другой стороны, не представляю, каково в наши дни объявить в университете: я византийский принц...

– Ну, девочки будут в восторге!

– И не дадут учиться! – воскликнул Константин патетически. – Впрочем, конечно, мы посылаем детей за границу не только для учебы – учиться можно прекрасно и здесь, – но все же и не для того, чтобы так терять время!

– О-о, какой ты теперь суровый, – протянул Джорджо, – и не подступись! Я, впрочем, – добавил он, – очень хотел тебя спросить: как ты живешь здесь? Во Дворце, среди слуг... в халатах! Когда мы с тобой встречались прошлый раз на Майорке, всего этого антуража не было, и ты выглядел вполне беспечным!

– В отличие от тебя, болезного! Ты мне тогда показался постаревшим и осунувшимся, словно прошло не пятнадцать лет, а гораздо больше!

– Президентская гонка, что поделаешь!

– Не знаю, не знаю. – Тут настала очередь Константина насмешливо растягивать слова. – Мы этим вещам не обучены: ни в Кембридже, ни здесь, конечно, нас в эту премудрость не посвящали... А как живем? Большой Дворец ты уже, я думаю, оценил?

– Да, это грандиозно!

– Согласен, Константину Ангелу в конце шестнадцатого века пришла в голову замечательная идея! Разумеется, здесь все нужно было восстанавливать, но, несмотря на четыреста лет запустения, сохранилось удивительно много! А Влахерны, конечно, прекрасное место, но, согласись, сырое и нездоровое.

– Я там еще не был.

– Будешь. И оценишь преимущества жизни на мысу, а не в глубине бухты, даже несмотря на то, что рыбных пристаней и складов на Золотом Роге уже нет.

Солнце за окном скрыло последний луч, и в комнате наступил полумрак, но в тот же миг позолоченные жалюзи разъехались, открыв чарующий вид на фиолетовую даль Босфора, подсвеченного из Европы и Азии загорающимися электрическими светлячками.

– А в общем, жизнь здесь давно идет без резких толчков, – продолжал император. – Для василевса главное – вовремя разделить круг полномочий с Синклитом и не выходить из рамок. Кроме того, выгодные позиции в энергетике, финансах... и в туристическом деле, что особенно важно! Хотя здесь я, конечно, очень обязан отцу и, главное, деду... – Константин поднял глаза к темневшему наверху каменному своду.

– Какая идиллия! – воскликнул Джорджо. – Ну, а как же политика, борьба партий, кризисы?

– Кризисы? Политические? Они никому не нужны! Гражданам не нужны, и уже давно. А для паразитической черни, как показал прошлый век, достаточно горькой свинцовой пилюли, обильно подслащенной впоследствии всякой благотворительностью.

– Будто всё так просто?

– Очень сложно, очень! Но, видишь ли, мы слишком старый народ и живем в слишком старом государстве, накопили определенный опыт... Ведь ничего нет нового под солнцем!

– А коммунизм?

– Но ведь и он укрощается, как известно!

Император поднялся и зажег четыре свечи в массивном шандале. Стало еще уютнее, ласковый свет заиграл на изысканных серебряных кубках и вазах с фруктами.

– Все-таки мы с тобой договорились до политики! – негромко сказал Константин. – Ну, да ничего. Тогда давай о делах сейчас, пока не зашумело в голове, – промолвил он, немного помолчал и начал задумчиво: – Послушай, любезный друг мой, я хочу предложить тебе произвести один старомодный опыт. Он не всегда оканчивается благополучно, но если такое случается, то результат оказывается очень ценным.

– Неужели философский камень? – Джорджо насмешливо прищурился. – Я слышал, что в дворцовых подземельях до сих пор витают тени великих Калинника и Георгия?

– Там витают, витают, не беспокойся, я тебя как-нибудь свожу, – серьезно проговорил император, и даже немного нахмурился. – Но в данном случае я не о призрачных теориях. Как ты относишься к брачным интригам? И вообще к политическим бракам? Они бывают очень удачны порой, не правда ли?

– Хм. Случается. Но если ты...

– Тихо-тихо, подожди. – Константин слегка взмахнул рукой, но в этом мановении Джорджо почувствовал вдруг неведомую доселе властность. – Мы современные люди, будем рассуждать реально и не станем играть в средневековых деспотов. Я хотел бы, чтобы моя дочь и твой сын познакомились, полюбили друг друга и сочетались браком. Безумное желание? Нисколько. Это всего лишь плод изрядного жизненного опыта. И тот же самый опят подсказывает мне, что мое желание осуществимо. Я знаю мою дочь уже целых пятнадцать лет. Небольшой срок, чтобы как следует узнать женщину, – тут у Константина едва приметно дернулся уголок рта, – особенно византийскую принцессу, но, учитывая особенности нашего общения – детскую открытость, доверие, которым отцы счастливы пользоваться первые десять-двенадцать лет... Одним словом, я прекрасно представляю, что за особа бродит по этим залам.

– Все это звучит очень интригующе. – Джоржо выжидающе смотрел в глаза Константину. – Но... почему ты выбрал мое семейство, моего мальчика? Ты позволишь? – Он потянулся к пузатой бутылке и вновь наполнил оба бокала; благородная рубиновая влага ярко светилась на фоне огня.

– Я и не выбирал, собственно. – Император слегка отвернулся в сторону камина, предоставив другу изучать августейший профиль с прямым носом и сосредоточенно подобранными губами. – Выбора-то особо и нет. Я знаю тебя, знаю Луиджи. В позапрошлом году на островах он был уже достаточно взрослым, чтобы проявить свои лучшие качества. Тот случай с катером покорила меня...

– О, да! Об этом потом писали все наши газеты, и я, наверно, отчасти обязан своим избранием именно героизму моего мальчика! «Ла Стампа» тогда заявила, что опытные каскадеры оценили трюк и не согласились бы повторить его без тренировок.

– Это так!

– Но он любит сестру и, наверно, согласился бы на всё, чтобы попытаться ее спасти.

– Согласился? Ты его недооцениваешь! Он рыцарь, конкистадор. Он даже не задумался, стоит ли прыгать. Это само собой разумелось, и на берегу Луиджи даже не мог понять этого всеобщего восхищения! Но, может быть, сердце нашего Сида уже в оковах? – вдруг вежливо поинтересовался император.

– Не знаю... Нет, думаю, нет, – отозвался Джорждо, слегка задумавшись.

– Я в этом не сомневался! Душевные движения таких людей видны сразу, поверь мне. Мальчик пока искренне влюблен только в свою науку – что ж, это нам кстати. Катерина тоже пока не думает ни о каких глупостях, но, знаешь ли... – Император потянулся вперед и слегка раздвинул тлевшие дрова, те сразу вспыхнули и весело затрещали. – Да, всё это до поры до времени. Я предвижу, что скоро мою доченьку потянет на приключения, и тяга эта будет неодолимой и все сильнее год от года. Характер у нее такой, что даже мне порой приходится нелегко, а если в эту бочку с порохом попадет случайная искра, то сразу разнесет полгорода!

– Да, конечно, – подхватил Джорджо, – для тебя полгорода это как полцарства, ты их никому не уступишь!

– Безусловно. Но в то же время я уверен: если Катерина полюбит кого-то по-настоящему, то останется ему верна до гробового камня. Она такая, да! В меня. И, более того, – император снова в задумчивости уставился на языки пламени, легкая тень пробежала по его лицу, – она не будет сетовать на то, что юность прошла без приключений.

– А при их недостатке организует приключения мужу?

– С мужем, дорогой мой, с мужем! – весело подхватил Константин. – Но разве Луиджи будет против? Он просто тоже до сих пор не вошел еще в авантюрную полосу, но, конечно, не минует ее, поэтому нам с тобой...

– Нам? Ты уже второй раз произносишь это слово, но я еще не готов сформулировать своего мнения, и...

– Нам, нам, друг мой, – заключил император и потянулся своим бокалом к бокалу президента. – Доверься мне сейчас, как верил когда-то, списывая решения задач. Помнишь, как ты спешил тогда на подоконнике, потел, но всё равно бубнил: не понимаю, не понимаю, как это так!

Джорджо довольно усмехнулся:

– Кеплер! Законы притяжения и отталкивания больших бильярдных шаров!

– Планет, и они гораздо интереснее! К ним и перейдем. Что ты думаешь про нефтепровод Баку – Тифлис – Эги? Он действительно так нужен старушке-Европе?

– Что за вопрос? – Президент даже несколько насторожился. – Конечно нужен! С Москвой не договоришься, им даже выгода не нужна, из Сибири слишком сложный подвоз, а перегружать Персидский залив нельзя. Я не большой специалист, но как раз начал изучать эту

проблему в последние месяцы... Но почему ты об этом вспомнил? – удивленно воскликнул Джорджо.

– Полагаю, этот вопрос можно решить, – спокойно сказал Константин.

– Решить?! – Президент чуть не подскочил в кресле. – Но ведь это только проект, и вы отвергли его с самого начала! Ваши отношения с Закавказьем, все эти хурриты, плюс церковные земли, монахи...

– Монахов-то мы сейчас будем спрашивать меньше всего, – веско объявил Константин. – Все остальное – детали. Конечно, святым подвижникам в ущельях журчащая по трубам нефть будет страшно мешать молиться, напоминая о соблазнах больших городов, но они, хвала небесам, ничего не решают. А возмущенных иерархов я приму после некоторой подготовки... Пожалуй, лучше всего будет залепить уши воском! – Император рассмеялся, и на столике появилась небольшая распечатанная амфора.

– Рекомендую! Каппадокия, начало прошлого века.

– Мне вдруг показалось, что там нефть, – признался Джорджо.

– Ну уж нет! Мы ведь не в Тюмени! – Василевс попытался изобразить обиду, но глаза его смеялись. – Пусть нефть в золотой чаше подносят наиправославнейшему повелителю славян и эвенков, нам это не пристало.

– Прекрасное вино! – воскликнул президент.

– Да, очень неплохое.

– Итак, – проговорил Джорджо, откинувшись в кресле, – вы готовы кое-кому из своих наступить на горло? Довольно неожиданно! Но почему именно сейчас? Ведь не из-за транзитных платежей, я полагаю?

– Видишь ли, дорогой Джо! – Константин дурашливо наморщил нос. – Есть вопросы, которые в политике обсуждать не принято. И даже намекать на них нехорошо. Но мы ведь не просто политики, верно? Поэтому я буду с тобой откровенен почти до неприличия. Мы хотим вернуть константинопольские сокровища.

– Как-как? Что?

Брови президента взобрались на самый верх лба, словно желая спрятаться в волосах. Впрочем, осмыслить сказанное было поистине трудно.

– Да, ты не ослышался. – Император был собран и серьезен. – О, конечно, всем очевидно, что невозможно требовать возврата всего награбленного крестоносцами...

– С учетом перелитых в монету золота и античной бронзы, боюсь, не сохранилось и десятой части ценностей!

– Но двадцатая сохранилось! Впрочем, список их можно ограничить несколькими десятками предметов. И все же это необходимо сделать! Это будет справедливо, символично, и... – Константин поднялся, подошел к закатному окну и слегка коснулся пальцами стекла. – И, пожалуй, европейские отношения сделаются от этого более правильными... Так что, господа латиняне, – император обернулся в Джорджо, широко улыбаясь, – нескольким музеям и аббатствам придется вспомнить, кому на самом деле принадлежат их реликвии!

– Как-то очень похоже на выкручивание рук... – задумчиво пробормотал президент.

– Отчего же! Просто на изящную фигуру танца, где кавалер крутит барышню, не выпуская ее нежной ручки.

– Которую та тщетно пытается вырвать!

– Так что же! Это только для приличия, ибо какая же барышня не хочет замуж? – Константин лукаво прищурился. – Но сватовство, конечно, будет обставлено пышно и церемонно! Представь: потомок ромейских императоров и потомок хищных венецианцев – ты ведь родился в Венеции, не так ли? – появляются в Совете Европы и объявляют о концессии на вытягивание нефтяной жилы со дна Каспия! А тем временем все газеты начинают сплетничать о браке, который должны заключить младшие представители семейств! Помолвка объявлена, впереди

символическое примирение давних противников... Ты, конечно, не против символического примирения, дорогой Джорджо? Ведь тогда восторжествует толерантность и справедливость, в знак которой – только как знак – в Константинополь вернутся сосуды и святые мощи, в свое время взятые по праву сильного! Но это право давно не действует, милые европейцы! В нашем двадцать первом веке важнее право умного.

– Что ж, не спорю, придумано ловко, – отозвался Джорджо. – По-византийски. Не хватает только чего-нибудь изящно-злодейского... медленного яда под ногтем царедворца...

– Разве мы хоть сколько-нибудь более злодеи, чем все остальные? – меланхолически спросил император. – Мы часто даже гуманнее других!

– О да, вы гуманисты! – с жаром воскликнул президент. – Вспомним одну только гуманную Битву Народов у Икония!

– Друг мой, о гуманизме судят не по битвам, а по тому, что происходит после них. На войне законов нет и быть не может! Мы боролись за существование и победили, вот и все. Не важно, какими методами. Но кто бы на нашем месте стал в них разбираться? К тому же, пять сотен лет назад на все смотрели немного иначе... Но вот теперь, после всего – разве у нас много проблем с магометанами? Они такие же граждане, как и все остальные!

– Что ж, в этом ты, конечно, прав, – пробормотал Джорджо и потянулся своим бокалом к бокалу друга. – За справедливость!

– За долгожданную справедливость! – подхватил император.

– Кстати, по поводу трубы и проблем: а как же хурриты? – вспомнил Джорджо.

– Мы обеспечим безопасность, – решительно сказал Константин.

– Да, но ведь они...

– Мы обеспечим безопасность, это технический вопрос! – Тон императора уже не допускал возражений.

– Ну, хорошо, – Джорджо аккуратно поставил на столик свой бокал, – а что будет, если Луиджи с Катериной... если ничего из этого не выйдет?

– Комбинация несколько осложнится, но... Хотя, честно говоря, я даже больше болею за их возможные отношения, чем за нефтепровод, – признался вдруг Константин. – Могу я иногда побыть просто отцом?

– Конечно можешь! – Джорджо рассмеялся. – А то мне уже почти страшно с тобой выпивать! Знаешь, а ведь это прекрасно, когда есть такая возможность быстро менять ипостаси, отдыхать от государственных дел...

– Вот преимущества нашего образа правления!

– Да, и недостатки нашего.

– А знаешь, кстати, что я тебе хочу сказать... – Константин слегка задумался. – Ведь это, в принципе, не большая проблема. Думаю, после нашей «интриги» твои акции настолько взлетят вверх, что... Между прочим, ваш король – совершенно опереточная фигура, и в его роли должен выступать успешный политик с весом в обществе... Конечно, это все непросто, но ты сам понимаешь...

– Погоди, погоди, – пробормотал вконец ошарашенный президент. – Я, конечно, уверен, что у этих стен предусмотрительно оборваны уши, но...

– И в этом ты совершенно прав!

– Но все же сейчас, наверное, время более приятных разговоров – о женщинах, вине, книгах...

– Как угодно, – отозвался Константин. – Если тебе и после совсем будет неудобен этот разговор, мы к нему не вернемся. Но имей в виду, что у Луиджи есть реальный шанс стать... – тут он задумчиво покрутил пальцами изящную хрустальную ножку бокала, – кесарем. Или кем-то в этом роде. Я ведь забочусь и о будущем своего сына!

– Ну, тогда выпьем за будущее и... выпьем! Между прочим, августа сегодня была великолепна как никогда. – Джорджо всё сильнее чувствовал, как ароматная влага разносит тепло по всему его большому телу.

– Августа – первая женщина Империи, – Константин улыбнулся, – и в этом качестве она обладает совершенствами всех женщин сразу.

* * *

От кого: «Луиджи Враччи» <luigivracci@graphe.koin>

Кому: «Лаура Враччи» <laura-vracchi@graphe.koin>

Отправлено: Воскресенье, 15 августа 2010 23:18

Тема: мы на месте

–

Привет, сестрица!

Как дела? Надеюсь, ты идешь на поправку!

Мы долетели благополучно и уже во дворце. Тут обалденно, в жизни не видел такого шика! Я уже наснимал всякой всячины, как время будет, пришлю тебе. Вай-фай тут летает быстрее мысли.

Но сейчас я зол, как тысяча чертей!!!

Когда мы прилетели и представились, папика император от нас «украл», как он выразился, а мы с мамой гуляли по дворцовым паркам, там полно всяких статуй, древних и новых, ужасно интересно, ты бы тут зависла навсегда)) Вернулись, и тут папик пришел от императора и меня огорошил: сказал, завтра на утреннем приеме меня представят принцессе, и во время Ипподрома я должен с ней непременно ПОЛУЧШЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ! Потому что, видишь ли, ромеям приспичило строить туннель под Босфором, и как раз на месте Феодосиева порта! Причем почему-то вдруг страшно срочно, археологов торопят, ничего не успеть. Говорят, император и синклит в вопросе согласны, никак не переубедить. Вот только если я с принцессой ПОЗНАКОМЛЮСЬ, то смогу попросить ее повлиять на императора, упрямить его... в общем, вроде того.

Я обалдел. Это как мне с ней надо «познакомиться», чтоб она могла по моей просьбе уговорить отца?! Они что, взбесились?! А папик говорит: ну вот, познакомишься, подружишься, постарайся ей понравиться... А не то, мол, прощай, порт! И вздохнул так печально. Ну, сижу я обескураженный и думаю: а с чего бы вдруг наш папанда стал так радеть о сохранении культурного слоя? Вот странно! Но, думаю, ладно, раз он так говорит, значит, что-нибудь знает, попробую «познакомиться», вдруг что и выйдет...

И вдруг слышу: в соседней комнате мамик что-то так восторженно-восторженно говорит, я прямо удивился. Подошел к двери, послушал – и что же? (Смотри, не упали со стула!) Слышу, она говорит, какая это будет великая честь и возвышение – породниться с императорской семьей! Как прославится папик! Как поднимется авторитет Италии на международной арене!

Ничего себе, думаю, с чего бы это? И тут она говорит: «Надеюсь, Луиджи не ударит в грязь лицом и у нас все получится!» Отец на нее шикнул, и дальше я уже ничего не услышал. Но и без того довольно!

Ты понимаешь, что это значит?! Вот как они значит хотят, чтоб я «познакомился», с какими планами! Ну уж да, так все логично: если жених попросит невесту, то она из любви к нему будет умолять папочку... А папику нужен никакой не порт, а авторитет на международной арене!

Каково?!!

Я в трансе. В гробу я видал женитьбу и всю эту бодягу! Наша группа вот-вот должна ехать в Америку, институт уже вроде обо всем договорился, и на тебе! Если предки задумали меня и правда женить в ближайшее время, то прощайте, дворцы ацтеков и арабские крепости... ((

Но ведь и порт, с другой стороны, жалко! Или, может, это вообще вранье, что раскопки хотят свернуть? Папик, правда, сказал: можно пойти туда завтра посмотреть после бегов, поговорить с археологами, так что я пойду непременно.

Но порт портом, а такое «знакомство»... Это же не в баре с девчонкой пива попить!!!

Не знаю, что теперь делать. Уж лучше б не ты, а я сожрал эту чертову пиццу и отравился, только бы не лететь сюда!

К тому же этой принцессе всего 15 лет, не хватало еще жениться на малолетке! Ну о чем мне с ней говорить?? Но наш папик ни о чем не думает, кроме политики... И ведь нашел, чем меня зацепить! ((Эх, может и хорошо быть сыном президента, но все-таки лучше уже в преклонном возрасте!

Дорогая Лаура, прошу тебя слезно: молись Святой Деве, чтобы Она избавила меня от этой принцессы, женитьбы и всей этой ерунды! Помолись получше... ну не знаю, мессу что ли закажи.

Ну все, пока, пора спать, завтра подъем чуть свет. Я уже поглядел расписание мероприятий: график плотный, только днем после обеда часа 2—3 на свое усмотрение. Не знаю, будет ли время писать тебе отчеты, но я постараюсь! Мамик собралась тебе звонить и не может понять, зачем писать по мылу – мол, по телефону куда удобнее. А мне вот письменно легче обо всем рассказать и вспомнить подробности (да ты понимаешь :)

Обнимаю,

Л.

* * *

Мари вылезла из ванной и, накинув халатик, посмотрела на свое отражение в покрывавшей стену зеркальной плитке. Все-таки за лето она так загорела... Не будет ли она завтра на балу выглядеть слишком черной в новом светло-голубом платье? Впрочем, в темном она вообще, пожалуй, походила бы на мулатку. А как было бы хорошо иметь кожу побелее... и глаза голубые или синие... или хоть светло-карие, а не такие темные! Да и волосы бы не такие черные... Что за скука, в самом деле – совершенно черные волосы! Сплошная «сирийская краса», только Фому и очаровывать! Девушка вздохнула.

А какие волосы у императрицы – густые, шелковистые и как раз такого оттенка, о котором втайне мечталось Мари! Но если она покрасится, папа будет очень недоволен... да и глупо это. Всё равно с августой ей никогда не сравниться. Бывают же такие красавицы! Но августейшая ведь любит, чтобы все ею восхищались... пожалуй, даже слишком любит! Разве, если ты красавица, то нужно со всеми кокетничать?! Девушка чуть нахмурилась. Нет, будь у нее такой муж, как у императрицы, Мари никогда бы не стала вести себя так, как она! Можно подумать, августе не хватает его любви, и поэтому надо собирать вокруг все эти толпы мужчин, чтоб они развлекали ее, поедали глазами, восхищались, прямо как на сцене!.. Конечно, это официальные приемы, а как она ведет себя в домашней обстановке, никто не знает... Так же просто, как ее муж?

Мари порозовела, повернулась боком и посмотрела в зеркало через плечо, улыбнулась, чуть наклонила голову. Да, вот так взгляд получается очень-очень кокетливым... Так и хочется испытать его завтра на ком-нибудь! О, ведь Панайотис точно будет на балу, не испробовать ли на нем? Интересно, как подействует? Мари рассмеялась и, завязав пояс халатика, вышла из ванной.

У себя в комнате она расчесала волосы и принялась разглядывать свое бальное платье. Да, наряд у нее в этот раз чудесный! Вот что значит хороший портной! Тот, прошлый, просто дурил их с отцом... за такие деньжищи шил такую банальность!.. Колье и серьги с сапфирами папа купил ей дивные! Да, завтра она будет выглядеть гораздо красивее, чем на предыдущих балах! Мари мечтательно улыбнулась. Хоть она не прекрасна, как императрица, все-таки на балах во Дворце и ей достается толика мужского восхищения и комплиментов, а завтра их наверняка будет еще больше...

Вдруг ей вспомнилось, как на недавнем званом вечере у Ираклийского митрополита ей расточал комплименты сам хозяин, владыка Кирик – по форме вроде приличные, но... Что-то во всем этом было не то... то ли искусственность, то ли подтекст... Или ее смутило, что любезности говорило духовное лицо, которому вроде как не положено заниматься такими вещами, как легкие беседы с девушками за бокалом вина? Нет, все-таки комплименты митрополита звучали слишком вольно... Дело даже не в словах, а в тоне, каким он говорил. Вот, например, когда на прошлом балу во Дворце ее пригласил на танец ректор Афинской Академии, он тоже говорил ей комплименты, шутил, но она не чувствовала неловкости. Впрочем, по сравнению с его шутками остроумие Кирика никуда не годится! Но за господином Киннамом в этой области трудно угнаться... А как он танцует! О, это что-то сказочное! Но он, кажется, из породы мужчин, которых называют «опасными»: слишком красив, и у него такой темный глубокий взгляд – в его глаза падаешь, как в омут... А когда он улыбается... Ой, нет, лучше не думать об этом, это мужчина не про ее честь, такой умный и вообще...

Ну да, а тот, по кому она вздыхает, – про ее честь, не так ли?! Мари пригорюнилась, даже села в кресло и уронила руки на колени. Как она умудрилась влюбиться в него? Нет, как она *посмела* в него влюбиться?! Впрочем, об этом тоже лучше не думать. Слава Богу, об этом никто не знает... и не узнает. Что толку себя корить, если разлюбить по приказу всё равно невозможно? Зато завтра она его увидит! Все-таки у нее и правда очень красивое платье на этот раз... Может, он заметит? А Панайотису надо будет сделать глазки! Да-да! А то вечно Пан ходит такой надутый и серьезный... Мари поднялась с кресла, подошла к зеркалу и улыбнулась своему отражению – долго горевать ей не позволял живой и веселый характер.

Стороннему наблюдателю, конечно, было не совсем понятно, что общего у Марии Нику, дочери основателя корпорации «Мега-Никс» и одной из самых завидных невест Константинополя, с сотрудниками «Синописа» – журналистами известными, но вовсе не «звездами» и не богачами: Нику уже почти два года внештатно сотрудничала с еженедельником, проводя в его редакции куда больше времени, чем в великосветских салонах. Впрочем, в желании молодой способной девушки развивать литературный талант и практиковаться в периодическом издании, ничего странного не было. Удивить могло то, что перед главным редактором за нее ходатайствовал не кто иной, как император Константин. Он называл это «замолвить словечко», но ведь слово василевса в полуофициальном издании, поддерживавшем имперскую политику, почти равно приказу. Император и сам это сознавал, поэтому старался поменьше вмешиваться в работу «Синописа». Но случай с Мари был особым. Константин знал ее почти с пеленок – с того самого времени, когда заинтересовался идеей молодого Никоса и подружился с отцом Мари. А главное, император не сомневался, что его протеже действительно талантлива, хотя порой и по-девичьи легкомысленна. Ну, разве не легкомыслие – сделать шуточный репортаж о частном визите Константина в дом Никосов и поместить в интернете – хотя и для самого узкого круга читателей? Главный герой репортажа, изображенный на фото во всех ракурсах и интерьерах, вежливо посмеялся тогда, а потом задумчиво посмотрел на девушку, преданно глядевшую ему в глаза.

– Знаешь что, Мари, – проговорил он, – а не пора ли тебе попробовать настоящую работу? Завтра с тобой свяжется мой секретарь. Как ты насчет «Синописа»?

Мари вовсе не чувствовала пламенного желания немедленно начать сотрудничать с серьезным изданием, но ее воодушевили слова августейшего гостя:

– Не бойся, у тебя ведь неплохие связи при дворе. – Император подмигнул. – Будешь ходить на брифинги с Главным Дармоедом. Может быть, даже добьешься личного интервью...

Эта фраза все и решила, ибо ради возможности почаще видеть августейшего Мари готова была пойти куда угодно.

Мириам Нику шел всего шестой год, когда ее отец впервые встретился с императором. Родителя она всегда боготворила. Но величественный мужчина, появившийся однажды в их скромной квартире – семья Никосов жила тогда в Скутари – и принесший с собой незнакомые запахи, слова, движения, восхитил ее безмерно. Девочке объяснили тогда, что это самый важный человек на свете и он очень любит ее папу. Поначалу Мириам это казалось естественным – как же можно не любить папу? Но с годами, видя в доме желанного, хотя и нечастого гостя, она начала понимать, что ее саму, ее семью и «его величество» разделяет пропасть. Отец много работал, часто приходил домой затемно. И даже позже, когда они переехали в собственный дом у Золотого Рога, он чаще всего выглядел озабоченным, уставшим. У него не было времени не только поиграть с детьми, но часто и на вечерний намаз.

– Ах, ничего, – говаривал Омер слегка сокрушенно, – всё равно я всегда думаю об Аллахе, Он всюду со мной...

«Дядя Константин», как мысленно называла его Мириам, был совсем другой. Такой же взрослый, как папа – девочка еще не научилась применять слово «молодой» к тридцатилетним мужчинам, – но спокойный и величественный. Порой, очевидно, очень уставший, с тенями под глазами; порой в окружении напряженной и утомленной свиты – но все же совсем другой. В Константине была заметна вековая властная вышколенность. Он походил на бессонного капитана корабля, который плывет по морю уже сто лет и не остановится еще столько же, какие бы штормы не бились вокруг.

Когда девочке исполнилось двенадцать лет, Константин подарил ей удивительно красивую модель Каабы, привезенную из самой Мекки. Черный куб стоял на чудесной перламутровой подставке, золотые арабески на стенках были украшены бриллиантами. Внизу располагались специальные кнопки, позволявшие ввести время, дату и координаты места. После этого Кааба поворачивалась точно в направлении Мекки и могла пять раз в день голосом далекого муэдзина возвещать час молитвы.

Омер оглядел подарок с большим интересом, уважительно поцокал языком.

– Ну вот, дочка, – сказал он, – теперь всегда будешь слушать азаны! А то, чтобы нашего муэдзина слышать, надо целый день стоять под минаретом.

Мириам сначала обрадовалась подарку, а потом ей вдруг стало досадно: «Почему дядя Константин может подарить мне такую вещь, а папа – нет? Неужели очень дорого?»

Впрочем, Кааба в самом деле была куплена в лучшей лавке, у лучшего ювелира.

«А может быть, папа считает, что молиться пять раз каждый день – не так уж и важно? Зачем же августейший считает иначе? Получается, решил за меня? Почему? По какому праву?!»

Досадуя на все на свете, Мириам отключила муэдзина, и подарок стал просто дорогими часами с будильником.

В тот день она впервые зашла в православный храм. Народу было немало, на девочку слегка покосились, пропустили вперед. Священники в сверкающих белых облачениях что-то возглашали на не совсем понятном языке. Слова – как будто греческие, в основном знакомые – не всегда складывались в осмысленные фразы. И вдруг слух поразило знакомое: император Константин. Мириам стояла, как громом пораженная. Оказывается, за «дядю Константина» положено вот так вот молиться по всей Империи? Это было новостью – и, пожалуй, неприятной новостью. Получалось, что отцовский друг не только правит страной, не только может решать,

когда ей следует молиться, но и в церкви поставлен на вторую ступень после Бога? Девочке стало неудобно от этой мысли, и следующий визит императора она решила проигнорировать. Просто убежать в сад и не показываться, пока этот «повелитель вселенной» не уйдет. Вернее, не уплывет на своем катере.

Вышло же все по-другому. Несколько дней весь квартал шептался о каких-то ужасах. Там и сям на углах слышались слова «убийцы», «тела», «экстренный синклит», но в присутствии детей взрослые быстро замолкали. Мириам никогда особо не интересовалась новостями, но тут решила залезть в интернет – и каково же было ее удивление, когда сеть оказалась отключена. К телевизору отец тоже строго-настрого запретил ей подходить в ближайшую неделю. Он выглядел особенно беспокойным в эти дни, все время ворчал себе под нос.

Девочка не привыкла к такому обращению. Слоняясь по дому, она размышляла, как бы выяснить, что такое происходит в Городе, и, ничего не придумав, решила утром потихоньку спросить у поварахи. Случайно проходя мимо кальянной, Мириам вдруг услышала знакомые голоса и остановилась. Говорил император, говорил непривычно глухим, срывающимся баритоном.

– Они хотели всех помиловать, ты знаешь... Гуманисты... Народные избранники... Им жалко отнимать жизнь, ведь они не могут ее дать! Очень остроумно. Но я вынужден был вмешаться, вынужден! Не так уж часто я это делаю... И сегодня все эти мерзавцы умрут... Вернее, уже, наверное, умерли, пока мы с тобой тут сидим... И пусть меня считают душегубом... Да, почти все «цивилизованные» будут недовольны. А также и те, кто хотел бы видеть казнь по телевизору... Но я точно знаю, что должен был сделать так! Должен... И все же это очень нелегко, поверь мне! Понимаешь?

– Да дорогой, я понимаю тебя, – тихо отозвался Омер. – Ешь оливки.

Мириам тихо вошла в комнату. Дымом там не пахло, зато стоял резкий анисовый запах беловатого напитка, разлитого в большие рюмки. За низким столиком сидели отец, сразу поднявшийся с места при виде дочери, и император, чье лицо было трудно различить в вечерних сумерках. Предупреждая друга, который уже повелительно поднимал правую руку, Константин быстро воскликнул:

– Здравствуй, девочка, заходи! – и включил большой торшер.

Мириам неотрывно смотрела на его лицо – только что перекошенное страданием, оно мгновенно изменилось и выражало теперь спокойствие и благожелательность. Лишь глаза остались скорбными глазами повелителя, в чьей руке – жизнь и смерть.

– Ну, когда же мы будем учиться играть в шахматы? – спросил император, весело улыбувшись.

– Я не знаю, – смутилась девочка, – я хочу, но... тебе сейчас некогда, дядя Кости...

– Ну, отчего же? – запротестовал император, однако, посмотрев, на Омера, слегка вздохнул и согласился: – Знаешь, пожалуй, действительно в другой раз. Но уж обязательно, ладно?

С этого дня Мириам всё чаще задумывалась о том, что же за человек ходит к ним в дом и какую цену он платит за то, чтобы в храмах пели ему «многая лета». Она даже сходила – в первый раз в жизни – на праздничную службу в Святую Софию. Там былолюдно, и она едва смогла увидеть императора. Но больше всего поражало то, что люди достаточно равнодушно, казалось, относятся к этому потрясающему храму, к императорскому выходу и пению хоров. Многие переговаривались вполголоса – особенно в нартексе и дальних углах.

«Они привыкли, их это не трогает, – думала Мириам. – Похоже, василевс все-таки обычный человек. Только совсем другой, непонятный».

Но все же что-то необычное она тогда почувствовала и даже пришла потом в этот храм рано-рано, перед утреней, когда там было тихо и пустынно. Ее захватило это неведомое прежде ощущение – ощущение присутствия Бога, который не жил на небе, не разгуливал по цветущему раю где-то на востоке. Он был здесь, с ней, хотя в эти минуты никто не читал Ему

молить и не пел гимнов... Спустя месяц она попросила императора подарить ей Евангелие. Тот немного удивился, но просьбу исполнил. Правда сказал ей, что папа знает и не против этой книги, не надо от него скрывать такие вещи.

Да, Омер не возражал: хоть и нахмурился поначалу, однако промолчал. Возможно, был слишком занят или просто не чувствовал себя в состоянии вести религиозные беседы. Даже когда Мириам сказала ему некоторое время спустя, что хотела бы креститься, он не взорвался гневом, только посмотрел вдаль, вздохнул и проговорил тихо:

– Наверное, у тебя такой путь... Но мы с тобой потом поговорим об этом, когда тебе исполнится шестнадцать, ладно?

Омер не хотел, чтобы дочь, уж если она решила сменить веру, делала это в столь раннем возрасте. Правда, Мириам в свои тринадцать выглядела довольно взрослой, но что сказали бы знакомые, родственники и компаньоны, как христиане, так и мусульмане? Никос отправил дочку в церковь, чтобы сделать приятное императору? Нет, невозможно!

Набравшись духа, Омер так все и объяснил девочке, и она поняла его, кивнула печально. Константин, узнав о разговоре, успокоил ее: ничего страшного, такая отсрочка даже вполне традиционна, – чем несказанно обрадовал Мириам.

– Походи пока на службы, присмотришься, почитай книги, – уверенно проговорил император и, немного подумав, посоветовал обратиться к Сергие-Вакхову игумену: – Подружись с ним, он тебя тайно огласит и понемногу научит вере. А всяким глупостям не научит.

Самым значительным последствием решения Мириам стало то, что ее отдали в обычную христианскую гимназию. Учиться дома, конечно, было спокойнее, но ведь этому тихому и замкнутому ребенку рано или поздно предстояло выйти в большой мир – а в том, что мир для Мириам теперь не ограничится семейным кругом, никто не сомневался. К гимназии она привыкла быстро – стала веселее, подвижнее. Время до назначенного отцом срока пролетело почти незаметно.

Восприемником Марии от купели стал синкелл Иоанн. По совершении таинства он усадил ее – прямо в белоснежной длинной рубашке, с еще влажными волосами, – на скамью и долго беседовал о дальнейшей жизни.

– Главное, пойми, – объяснял игумен, – нужно думать о царствии Божиим внутри нас, а не о том, кто и что о тебе скажет или подумает. Вообще говоря, людей, которые на самом деле хотят жить по-христиански, а не играть в благочестие, не так-то просто отличить по внешнему виду и поведению.

– Да? А вот девочки в школе? – живо заинтересовалась Мария. – Они такие? Они ведь и смеются все время, и красятся, и... в храм, кажется, никогда не ходят?

– Не знаю, может быть, среди них и есть те, у кого Бог внутри, спрятан от любопытных, – ответил Иоанн. – Но, строго говоря, ведь нам с тобой это знать совсем не обязательно.

Они договорились, что, если не случится ничего особенного, Мария обязательно будет приходить для бесед два раза в год – Великим Постом и Успенским.

– Для начала этого хватит, – промолвил Иоанн, внимательно глядя в глаза крестнице, – а дальше будет видно.

Но... когда Мари исполнилось восемнадцать, отец в августе увез ее в морской круиз, потом был Ипподром... Словом, летнюю встречу она пропустила. А затем в суе пропустила и весеннюю. Изредка встречая Мари во Дворце, синкелл издали ласково ей улыбался или даже, подходя, говорил ободряющие слова. Девушке бывало стыдно в эти минуты за ее «беспутную жизнь», но она уже ничего не могла с собой поделать. Жизненная круговерть подхватила ее и понесла... Правда, в круговерти этой не случалось особых падений, но почти совсем не осталось и того христианства, о котором мечтала маленькая Мириам. И все же она совершенно точно знала: настанет время – и она обязательно придет опять к игумену Иоанну, сядет с ним во дворе на теплую скамейку, расскажет все-все про свою жизнь и попросит совета...

Мари, правда, иногда казалось, что на первой исповеди нужно было рассказать Иоанну и про чувство к императору. Только как же в этом признаться?!.. Да и разве любовь это грех, чтобы в ней исповедоваться?

Между тем Мари ощущала, как впадает все в большую зависимость от этого человека. Видеть его хоть издали, говорить с ним, хотя бы и по заданию редакции – впрочем, второе случалось почти так же редко, как визиты августейшего в дом Никосов, – составляло теперь ее самую большую радость и главную тайну. И сколько ни старалась Мари отвлечься мыслями о работе, учебе, о своих стихах и рассказах, наконец, о платьях и флирте, – было ясно, что все это не очень важно, потому что... Потому что таких людей, как Константин, на ее пути не встречалось. Он казался девушке самым сильным, самым красивым, самым могущественным, самым умным и самым утонченным. И так ли далеко это было от истины? Кто еще мог так верно судить о поэзии, о музыке, о папиных картинах? Император, впрочем, и окружал себя людьми под стать: чего стоил один только отец Иоанн!.. А Мари – девушка из еще недавно бедной турецкой семьи, невысокая жгучая брюнетка с наивным детским овалом чуть полного подбородка, – разве могла претендовать даже на его близкую дружбу? Отец, правда, тоже совсем не похож на своего друга – а вот дружат же! Хотя эта дружба была особой: Омер и Константин получали друг от друга именно то, чего обоим недоставало в жизни. Державный мог позволить себе быть с другом если не слабым, то небезупречным, причем именно тогда, когда это больше всего требовалось. А вот Мари хотела бы видеть императора каждый день, каждый день говорить с ним и слушать его – но она-то, она что могла дать ему?! Смешно и совершенно безнадежно! Зато как она бывала счастлива, когда являлась в длинной строгой юбке во Дворец на интервью или сидела дома за праздничным столом, во главе которого сидел он, и могла бросать на него быстрые взгляды! Отец однажды пошутил во время очередного застолья, что если бы Мари не крестилась, а он сам не был таким вольнодумцем, то сидела бы она сейчас за столом в чадре – и это еще в лучшем случае! А девушке подумалось, что в этом была бы определенная прелесть: ты здесь, но тебя никто не видит, и даже можно смотреть на кого хочется...

Когда Мари задумывалась о своей непростой судьбе, ей хотелось быть вздорной и невоспитанной, строить глазки, писать эпиграммы, блистать нарядами и громко хохотать – только бы забыть про эту щемящую тоску, которая так не шла к ее веселому нраву. Поэтому она предпочитала не размышлять долго о неприятных и грустных вещах. «Я обсужу всё это когда-нибудь с отцом Иоанном, – думала она. – Когда-нибудь потом... не сейчас».

* * *

От кого: «Лаура Враччи» <laura-vracci@graphe.koin>

Кому: «Луиджи Враччи» <luigivracci@graphe.koin>

Отправлено: Воскресенье, 15 августа 2010 23:56

Тема: Re: мы на месте

–

Привет!

Мне гораздо лучше! Думаю, за пару дней я совсем приду в норму.

Рада, что у вас все в порядке! Мама сейчас мне позвонила и завтра передаст тебе привет :) Зовет меня, когда я приду в себя, сразу же лететь туда к вам, но мне что-то лень, тяжела я на подъем. Лучше буду смотреть на вас по ТВ, по крайней мере Ипподром точно будут показывать все заезды! Дядя Марко собирается смотреть вместе со мной :)

Пиши-пиши, я ужасно люблю письменное общение! Оно какое-то чистое, без отвлечения на все постороннее, и сосредоточиться помогает. Сначала письмо напишешь, а там, глядишь

и еще что-нибудь напишешь... хоть абзац в диссер :)) А по телефону как поболтаешь, так потом хочется то ли кофе выпить, то ли кино посмотреть... :)

Насчет женитьбы не знаю, что и сказать. Я сама огорошена! Подозреваю, «культурный слой» тут и правда совсем не главное соображение. Но в конце концов не потащат же тебя под венец силой! Ну, а вдруг ты все-таки сумеешь спасти порт? Обязательно пойди туда, посмотри, что там делается!

В любом случае вряд ли свадьба, если даже она кем-то планируется, будет прямо сейчас, раз принцессе только 15. Может, и в Америку успеешь съездить :) Но вообще-то, может, это мамик просто сделала свои далеко идущие выводы – ты же ее знаешь! А на самом деле еще неизвестно, что там за «дружбу» папа имел в виду. И всяко без тебя тебя не женят!! Так что не психуй раньше времени :)

А может, тебе еще понравится принцесса;) Я полазила по сети, но нашла о ней очень мало. И ни одного фото последних лет, представь! Только с родителями в детстве, на одной ей лет пять, а на других двух чуть побольше, и еще одно – общеклассное, четвертый класс, какой-то парень вывесил у себя в блоге, хвалится, что три года проучился с принцессой, и пишет – она «девочка с характером огого». Вот, считай, ты предупрежден :) И блондинка! :) В детстве была хорошенькой, а теперь пишут, что она не только очень красива, но и умна, знает несколько языков, в т.ч. наш, представь! А еще, оказывается, у них там императорские дочки только с 15 лет начинают появляться на официальных мероприятиях – больших балах, приемах и т. п. Так что тебе выпала честь узреть ее высочество в первый ее выход в большой свет! (Ей исполнилось 15 в июне.) В общем, изучи ее хорошенько, расскажешь мне, какие они – византийские принцессы! А то я про них пока только в книжках читала :)

Короче, жду вестей и фото!

Целую!

Лаура

* * *

Катерина медленно закрыла книгу, сунув в нее вместо закладки один из осыпавшихся с букета розовых лепестков, и положила на край стола. На бледно-голубом фоне обложки темнели знакомые силуэты холмистых берегов и парусный корабль, скользящий между ними; сверху стояло имя автора: Феодор Киннам, – а ближе к нижнему краю на фоне морской ряби название: «В сторону Босфора». Принцесса задумчиво устремила взгляд в пространство. Третья книга «Записок великого ритора» была, пожалуй, лучшей из всех, самой поэтичной по языку, тонко-ироничной и в то же время светло-пронзительной, с явственным налетом грусти, от которой щемило сердце... Умеют же люди так писать!

Принцесса улыбнулась: ее радовало, что она сумела сделать Киннаму приятное, пусть он и не подозревал о том. Ведь это она расхвалила матери две его первые книги, и та прочла их в начале лета, после чего ждала очередного Ипподрома с еще большим нетерпением, чем всегда, чтобы выразить великому ритору восторг по поводу его романов и непременно попросить третий, изданный совсем недавно, в июне. Киннам, кажется, немного растерялся, когда сегодня, прилетев из Афин и представившись ко двору, получил от августы множество похвал и, по ее просьбе, подарил ей свою новую книгу с автографом. После чего Катерина не преминула выпросить экземпляр и себе и посетовала, что новый роман «опять такой тоненький». Великий ритор улыбнулся – ох, как он улыбается! когда он улыбается, то становится таким красивым, даже дух захватывает! – и ответил:

– Лучше оставить читателя немного голодным, чем пресыщенным.

И вот, не утерпев, она засела читать, несмотря на поздний час, завтрашний ранний подъем и ожидавшийся весьма суматошный день, который окончится балом – первым большим балом в ее жизни!

Вдруг улыбка исчезла с ее губ. Прилетает этот Враччи... точнее, конечно, уже прилетел. Значит, завтра ей придется знакомиться с ним... И зачем, спрашивается?! Наверное, отцу что-то нужно от итальянского президента, и он хочет установить «теплые отношения», в том числе с ее помощью... Нужны ей эти навязанные «друзья»! Как можно искренне подружиться почти по приказу?! Ну, ладно, не по приказу, а по совету, но до Враччи ли ей сейчас, когда она будет болеть за Василия?!

– На этих бегах рядом с тобой в ложе будет сидеть Луиджи Враччи, – сказала мать нынешним утром. – Очень надеюсь, что вы с ним подружитесь.

Катерина нахмурилась. А может, ее таким образом хотят как раз отвлечь от Василия? Матери явно не очень нравится то, как Катерина восхищалась им в последнее время... Вот дура же она была, что восторгалась им в открытую!

Конечно, это же странно – так пылко симпатизировать неизвестному вознице! Странно... и подозрительно? С точки зрения матери, наверное, не очень подобает для византийской принцессы... И с точки зрения отца тоже? Ведь это он решает, кто и рядом с кем будет сидеть в Кафизме.

Когда после сообщения матери растерявшаяся Катерина взглянула на него, он лишь улыбнулся и заметил:

– Это прекрасный молодой человек. Я успел хорошо узнать его в позапрошлом году, когда был на Майорке.

Катерина соображала быстро. «Прекрасный молодой человек». И красивый – принцесса видела его на папиных фото. Да еще окончил археологический институт. А отец как-то обмолвился, что был бы рад, если бы в семье появились археологи. Но дочери подавай химию, а сын... Пока не очень понятно, какое образование захочет получить Кесарий после гимназии, но сейчас он увлечен морем и книгами про пиратов. Отец Луиджи – папин давний друг. А сестра этого «прекрасного молодого человека», судя по рассказам папы, прямо-таки ангел во плоти. И вообще всё семейство Враччи – милейшие люди, просто созданные для дружбы...

Неужели родители надеются, что эта дружба, которую она должна завязать с Луиджи, может перейти в гораздо большее?!

Впрочем, ведь ничего *такого* не сказано. Даже намеком. Всего лишь выражено пожелание. Надежда на то, что они подружатся. В самом деле, почему бы ей не познакомиться с юным Враччи? Ведь речь идет как бы только о знакомстве, не так ли? Какие могут тут быть возражения с ее стороны? Разумеется, совершенно никаких!

Принцесса закусила губу. О да, она с ним познакомится! Она с ним так познакомится... что еще увидим, захочет ли он продолжать такое знакомство!

День первый

Утренняя в монастыре Живоносного Источника начиналась в шесть, но Дари вставала легко – не то, что на родине, где после послушаний на огороде или в поле она с трудом выставляла службы, а утром еле продирала глаза; но хочешь, не хочешь, приходилось обретать бодрость на трудовой день, притом без всякого греческого кофе... Служили тут неспешно, читали чуть нараспев, четко и понятно, а пели так, что Дари возносилась душой – древние византийские распевы сразу пришлись ей по сердцу, и только здесь она поняла, насколько негармонично отечественное партесное пение, к которому она привыкла. На службах она присматривалась ко всему, наблюдала, анализировала: ведь владыка Пимен, отправляя ее сюда, благословил «смотреть внимательно, всё запоминать и набираться опыта»!

Но легко сказать: набирайся опыта. А как его наберешься, и что с ним потом делать, если здесь всё совершенно другое? Правда, ротонда главного храма немного напоминала церковь Всех Святых, которую Дари видела в Тюмени. Но то был маленький кладбищенский храм, притом единственный такой на всю Сибирь, а здесь – нечто грандиозное, величественное, непривычное и редкое даже для Византии. Храм, посвященный иконе Божией Матери «Живоносный Источник», был построен в первой трети шестнадцатого века, в правление Льва Ужасного. К тому времени древняя базилика, созданная Юстинианом Великим, уже окончательно обветшала и грозила похоронить под обломками чудотворный источник, к которому много сотен лет стремились больные и страждущие. Дари очень любила службу знаменитой иконе, чей праздник отмечался в пятницу на Пасхальной неделе, но никогда не думала, что увидит и храм, и икону, и сам источник своими глазами и даже сможет каждый день пить целебную воду из серебряного ковшика.

– Надо же, она и правда сладкая, а я-то думала – это метафора, – пробормотала девушка, впервые отведав голубоватую влагу.

Впрочем, в ковшике она не имела цвета, а вот в плоской чаше небольшого бассейна, под яркими лампами, светилась удивительной нежной бирюзой. Вальжные рыбы смотрелись в ней как рыжие листья рябины в ведре колодезной воды, которое бабушка приносила по утрам в избу... Только та вода была обжигающе холодна, а вода Живоносного источника приятно освежала жарким царьградским августом.

Бассейн для источника был устроен в подземной крипте, считавшейся самой древней частью храма. Потертые камни помнили, может быть, самого Юстиниана. Почти полторы тысячи лет! У Дари порой начинала кружиться голова от ощущения древности. В крипте было сыровато и днем толпился народ. Гораздо приятнее было зайти туда перед утренней, когда внизу слышится только журчание воды и потрескивание свечей перед чудотворной иконой, и можно прижаться лбом к влажному сероватому мрамору...

А наверху потом всегда ждала сказка. Восходящее солнце озаряло круглый храм целым веером ярких полос, которые медленно двигались по полу, то разгорались ярче, то исчезали, бледнея. Войдя на рассвете внутрь через множество длинных окон в стенах и барабане купола, светило до вечера играло цветными бликами на кружеве капителей, хороводах колонн и причудливых мраморных разводах стенной облицовки.

Храм этот придумал придворный архитектор, игумен Феоктист. Это была эпоха, когда зодчие не столько искали новых форм, сколько хотели наполнить старые множеством смыслов и символов. Взяв за основу древний мартирий, Феоктист придал новому храму форму, напоминающую каменную чашу Живоносного Источника – такую, как на знаменитой иконе. Обеспеченный почти неограниченными ресурсами Ужасного тирана, зодчий позволил себе уйти от строгой геометричности древних ротонд, украсив фасад бесчисленными поясками, колонками, медальонами, прорезав множеством окон с богатым убранством. Сравнительно неболь-

шая алтарная абсида была пристроена к восточной части цилиндра. Дари ожидала увидеть в таком прекрасном храме иконостас невероятных размеров и красоты и очень удивилась, обнаружив, что алтарь отделен только невысокой стенкой, состоящей из колонок и одного ряда икон. Она очень скоро осознала преимущества такого решения: утром здесь не приходилось стоять в полутьме, созерцая уходящие под купол ряды суровых святых, и слышать, как священники, отгородившись иконостасом, обсуждают свое житье-бытье. Здесь повсюду струился свет, а святые были рядом, и Бог ощутимо присутствовал в каждой клеточке пространства.

Золотой крест над храмом Источника был виден издалека. Монастырскую ограду со всех сторон окружали кладбища и парки знаменитого Зеленого Пояса, тянувшегося вдоль сухопутных укреплений Константинополя от Пропонтиды до Золотого Рога, а жилые кварталы начались примерно в двух километрах, почтительно отступив от двойных стен императора Феодосия. Так что в монастыре обычно было тихо.

Поднявшись еще до света, Дари быстро умылась, прочитала утреннее правило и, пробежав через вымощенную мрамором площадь, спустилась в крипту к источнику, а оттуда поднялась в сам храм. Вскоре сестра Евстолия, стоя с часословом напротив святых врат, уже выводила нараспев «Господи, силою Твоею возвеселится царь и о спасении Твоем возрадуется зело...» Голос чтицы был слышен в каждом закоулке храма. В конце службы – почти по возгласе: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» – яркий луч солнца проник в абсиду и осветил золоченый престол. «Да, все-таки утреню нужно служить утром, а не как у нас», – подумала Дари.

Сразу после утрени начались часы и литургия. Во время отпуска третьего часа в храм вошел высокий молодой человек в черных брюках и голубой рубашке с коротким рукавом. Приложившись к большой иконе Нерукотворного Спаса, в честь праздника положенной на аналое в центре храма рядом с иконой Воскресения, он подошел к образу святого Георгия Победоносца, зажег большую свечу из белого воска и воткнул в песок, которым здесь были заполнены подсвечники – Дари обнаружила, что это очень удобно: не надо бесконечно чистить их, выковыривая огарки из гнезд, просто периодически верхний слой песка меняли на чистый, и только. Помолившись великомученику, молодой человек перекрестился с поклоном и пошел назад, ближе к входу в храм. Тут Дари и встретила с ним глазами. «Ох, какой красавец!» – промелькнуло у нее в голове. Он и правда был очень хорош собой – коротко подстриженный широкоплечий брюнет с выразительными чертами лица, большими карими глазами и красивым ртом, который чуть тронула улыбка, когда он приветствовал Дари легким поклоном. Он кого-то напомнил девушке, и когда он уже встал чуть левее у колонны, она вдруг поняла: в его лице сквозило явное сходство с монахиней Евстолией, хотя та красотой не блистала и была несколько болезненной, поэтому в обители исполняла послушания, не требовавшие физической нагрузки. «Так это, наверное, и есть тот самый Василий!» – подумала Дари.

После литургии, за которой причастились все, в том числе и молодой человек, Илария сразу познакомила их. Василий Феотоки действительно был братом Евстолии и пришел помолиться об успехе на предстоящих бегах.

– Ты победишь, победишь! – воскликнула Лари. – Мы будем за тебя болеть! Нас с Дари матушка благословила ходить на Ипподром по твоим билетам! Спасибо тебе, Василь!

– Вот как? – Он улыбнулся. – Рад, что смог доставить удовольствие вашей гостье!

– Да-да, она хоть повеселится! А то у них в Сибири всё так странно, все ходят мрачные и никто не смеется, потому что это грех! – Илария залилась веселым смехом.

– Неужели? – Василий удивленно взглянул на Дари. – Наверное, Лари преувеличивает!

Дари чуть покраснела и ответила:

– Да нет, к сожалению. То есть мирские люди у нас смеются... ну, если, конечно, не совсем такие... благочестивые... А вот в монастырях у нас смеяться и правда не принято. Считается, что это недуховно, надо всегда думать о своих грехах, о суде... о вечных муках...

– Брр, как страшно! – весело сказал Василий. – И вы, Дари, всегда ходите и думаете о суде и муках?

– Нет, там я чаще думала о том, как бы поскорей работу окончить или службу отстоять и до постели добратся, – призналась она смущенно. – У нас там такой распорядок...

– Как на каторге! – вмешалась Лари. – Я в школе читала один роман про русскую каторгу... О Боже, какой ужас, я так плакала! Вот у них в монастыре так же, представь, Василь! Это они так Богу служат! Ну, разве можно так Богу угодить?! Как будто Ему удовольствие, когда люди мучаются и падают от усталости, ни о чем думать не могут, только бы до подушки доползти! Да? да? – Она возмущенно посмотрела на Дари. – Как вы вообще можете верить в такого Бога?!

– Так у нас там никто не задумывается, – вздохнула Дари. – Это вот сюда я как приехала, так думаю, думаю... А там... там думать некогда, – она усмехнулась, – и это спасает: отработала – и отключилась.

– Что же у вас там – больше работают, чем молятся? – удивился Василий, внимательно глядя на нее. – У монахов вроде главным занятием должна быть молитва... Для того и в монастырь идут, чтобы молиться за всех! Работать и в миру можно.

– Ну да, молитва! – с горечью сказала Дари. – Это тут вот молитва! Сестры и в кельях молятся много, и на службы все ходят... А у нас любимая присказка: «послушание выше поста и молитвы»! На службы ходить не обязательно, а вот работать, куда послали – попробуй не поработай... В наказание еще тяжелей послушание дадут!

– Какие вы страшные вещи рассказываете! – серьезно проговорил Василий. – Но вы вроде не выглядите такой уж изможденной... Или это вы здесь уже пришли в себя? – Он улыбнулся.

– Да я просто на здоровье никогда не жаловалась, – смутилась Дари. – К тому же я всё больше на воздухе работаю... в огороде, в поле... А зимой меня чаще всего ставят в швейную. Да еще я на клиросе пою, так что на службы всегда попадаю. А вот кто в коровнике, или на кухне, или в пекарне... Ой! Я в пекарне раз была, так руки обожгла... Потом меня опять туда хотели, но я не выдержала и говорю: не пойду, а будете заставлять, уйду из монастыря! В общем, устроила бунт. Это еще в первый год было. Но я шью очень хорошо, и мать игуменья не хотела меня отпускать, так что меня больше к печке не ставили.

– Во, молодец! – похвалила Лари. – Против таких порядков и надо бунтовать! Да у вас там вообще нужна... революция! Вот ты приедешь, расскажи им про всё, как у нас! Неужели они не захотят ничего менять?

– Боюсь, что... – Дари на мгновение умолкла, и тень прошла по ее лицу: она подумала, что уже через две недели придется возвращаться, а уезжать ей совершенно не хотелось, – когда я расскажу про здешнюю жизнь, наши мне просто не поверят! А если и поверят, то решат, что это какой-то либерализм... «загнивание православия», «апостасия»... Ну, что-то такое. Ведь как жило русское монашество? Какой-нибудь подвижник отправлялся на север, на голую скалу молиться Богу. А потом вокруг него собирались ученики, последователи, и через сто-двести лет скала превращалась в цветущий сад! Строились храмы десятками, для храмов – кирпичные заводы, гостиницы для трудников, оранжереи... даже ананасы выращивали! Представляете, сколько работы? Ну, правда, было и другое течение: такой святой жил в пятнадцатом веке, преподобный Нил Сорский, он как раз был за нестяжание, чтобы монастыри не имели земель, чтобы монахи хозяйством не занимались, а больше молились, на внутреннюю жизнь внимание обращали... Но победило в итоге другое направление. Так вот издревле и считается, что монастырю нужно хозяйство, монахи прежде всего должны работать, не покладая рук... Только я иногда думаю: что было бы, если б монахи просто шли на юг, где сады и так цветут, и вообще жить гораздо проще? Там можно было бы думать только о Боге... ну, или почти только о Нем...

– Вы уже познакомились, я вижу? – раздался позади голос игуменьи.

Мать Феофано вышла из церкви и с улыбкой спустилась по ступенькам к стоящим перед храмом послушницам и молодому человеку.

– Здравствуй, Василий, рада тебя видеть у нас! Останешься на трапезу? Время еще вроде бы есть, бега ведь в полдень?

– Здравствуйте, матушка! Да, полчаса у меня еще есть... Спасибо!

– Очень хорошо, тогда пойдете в трапезную.

Завтрак прошел быстро, все ели молча и слушали чтение «Сказаний о подвижничестве преподобных отцов». По окончании трапезы сестры окружили Василия и наперебой желали ему успехов на предстоящих скачках.

– Желаю вам прекрасно прибыть, несравненный возница! – с улыбкой сказала ему худощавая монахиня с большими серо-карими глазами. – У меня тут своя корысть: если победите и попадете во Дворец, то сможете рассказать много интересных вещей, которые мне могут пригодиться. Так что я надеюсь на вас как на глаза и уши, мне-то самой во Дворец попасть никогда не придется.

– Ну, не зарекайтесь, мать Кассия! – Василий засмеялся. – Спасибо за пожелание, но я думаю, что ваши романы вполне могут стяжать вам славу повыше, чему у победителя на бегах. И во Дворец вы вполне имеете шанс попасть! Тем более, что впервые издаться вам помогла сама августа... Кстати, как поживает ваш очередной роман?

– Он уже в печати, наконец-то! Выйдет не позже, чем через месяц, если Бог даст.

– Здорово! Надеюсь на экземпляр с автографом!

Улыбчивая мать Кассия стала для Дари предметом особенного удивления. Если такие занятия сестер, как переводы святых отцов и издание православной литературы, были еще понятны, то монахиня, пишущая романы... Это до сих пор не укладывалось у Дари в голове. Но это было так: Кассия Скиату окончила философский факультет Константинопольского Университета и защитила диссертацию по богословию имени у отцов Церкви четвертого-шестого веков, а поступив в монастырь Источника в возрасте двадцати шести лет, не только продолжала заниматься научной работой и переводами, но и писала романы на сюжеты из византийской истории. Первый ее роман, посвященный жизни ее небесной покровительницы, святой Кассии Константинопольской, рассказывал и о многих других исторических лицах, современниках знаменитой песнописицы. Изданный два года назад роман быстро раскупили, несмотря на большой объем – сама автор шутя называла его «талмудом» и говорила, что больше таких длинных романов писать не будет. Следующий ее роман, в некотором роде продолжение предыдущего, вышел уже покороче; в обители все ожидали его издания с нетерпением. Мать Кассия подарила Дари экземпляр первого романа, и девушка читала его по вечерам, но довольно медленно – пока было тяжело одолевать такие объемы художественного текста на греческом. Впрочем, она дошла уже почти до конца третьей части и пребывала в недоумении: если в начале она еще не нашла ничего крамольного – там рассказывалось больше о церковных неурядицах и о борьбе иконопочитателей с иконоборцами, – то с середины второй части стали закручиваться любовные линии, и... Дари даже не знала, читать ли ей дальше, не будет ли это грехом, а спросить у кого-нибудь из сестер обители стеснялась: она и так выглядела среди них белой вороной со своими понятиями о благочестии, а тут была опасность вообще обидеть их, ведь они гордились Кассией и ее творчеством и, конечно, вряд ли считали его чем-то злостивым... Дари хотелось поговорить с самой Кассией, но она пока не решалась.

«Представляю, что сказала бы наша мать игуменья, если б кто-нибудь из сестер вздумал писать романы про любовь... да еще с такими сценами! – думала она. – Это же просто было бы „анафема-проклять“! Должно быть, я чего-то не понимаю в монашеской жизни... или даже совсем ничего не понимаю. И вообще в жизни тоже... Как это так у нее совмещается? И молитва, и такое творчество... и гимнография!»

Мать Кассия писала еще и службы в честь святых, причем слыла в Константинополе и даже за его пределами талантливым гимнографом. Монастырь издавал написанные ею службы отдельными книжечками и продавал через сайт обители; желающих приобрести было много, не только в Империи, но и в других странах. Теперь служб Кассииного сочинения накопилось больше двух десятков, и в монастыре обсуждали возможность издания их отдельной книгой.

«Конечно, писать службы это дар от Бога, – думала Дари. – Но ведь и романы писать – тоже дар... Значит, и это от Бога? Нет, все-таки непонятно... многое мне тут непонятно! Но одно понятно совершенно точно: мне здесь нравится гораздо больше, чем у нас! Что я буду делать у нас после того, как видела всё это? Как буду жить? Это же просто нужно какое-то средство, чтоб отшибить память! Меня послали сюда набираться опыта, а опыт оказался таким, что у нас его никогда не возьмут на вооружение... Нет, об этом даже нечего думать! Ну, разве что владыка решит с нуля монастырь организовать с новыми порядками... Но это вряд ли! Если и организует, то, скорее, мужской. А у нас в обители такие перемены точно невозможны. У нас даже другими распевами не захотят петь... точнее, не смогут... Что уж говорить о чем-то еще! Пожалуй, о многом из того, что я тут видела, лучше совсем не рассказывать! А то еще обвинят во вранье, скажут: я нарочно это придумала, чтобы всех смутить и произвести бунт... В лучшем случае обругают „нечестивых греков“ и найдут очередной повод потщеславиться истинно-русским благочестием! Даже вот и не знаю, о чем им вообще рассказывать... Ну, ладно, я подумаю об этом в самолете, как раз будет несколько часов, а сейчас лучше не думать о грустном. Надо наслаждаться нормальной монашеской жизнью. Осталось еще целых две недели... О, Господи, всего каких-то две недели!»

* * *

Утро выдалось ясное и довольно свежее. Ветер нес легкие облачка высоко в небе, шелестел листвою громадных кипарисов на улицах и гнал легионы мелких волн по челу Пропонтиды, играл имперскими флагами, поднятыми высоко над трибунами ипподрома. Черные орлы на золоте выглядели сегодня совсем не хищно и были похожи на болельщиков, дождавшихся любимого зрелища. На флагштоках пониже трепетали разноцветные флаги сотни стран, откуда прибыли именитые гости.

Народ начал собираться на площади Ипподрома еще с вечера – не потому, что билетов никогда не хватало на всех: просто радостное возбуждение не давало спать августовской ночью. Желаящие могли спокойно сидеть на траве до рассвета, неспешно потягивая вино или пиво в компании друзей, обсуждая перспективы любимых возниц и своих партий. Но лишь только рассветало, начинал действовать строгий запрет на веселящие напитки, и их продажа в ближайших окрестностях прекращалась. Тогда нетерпеливым и немного сонным болельщикам оставалось лишь любоваться на огромный эллипс древнего сооружения, который после выключения подсветки становился розовым в лучах восходящего солнца.

Два яруса мощных пилонов поддерживали трибуны. Стены были сложены из серого камня с широкими прослойками потемневшего за многие века кирпича. Шутка сказать – почти тысячу семьсот лет простоял ипподром и до сих пор действует! При этом перестраивался он совсем незначительно: поновлялась облицовка, перекладывались обветшавшие арки, но, в общем, всё оставалось так, как при Константине Великом. За исключением, конечно, множества технических новинок, никак не влиявших на внешний облик полукилометрового цирка. Тяжелые времена пережил ипподром после захвата Константинополя крестоносцами. Почти четыреста лет длилось его запустение, но древние зодчие потрудились на славу, и когда в шестнадцатом столетии Город стал быстро возвращаться к былому великолепию, оказалось, что для восстановления огромного сооружения не понадобится титанического труда. Правда, за эти

годы основательно ушла в землю древняя Спина – каменный четырехметровый гребень со статуями и обелисками, который огибали беговые дорожки. Зато она больше не загораживала обзора нижним рядам, а диких зверей на ипподром давно не выпускали, так что с близостью арены к зрителям вполне можно было мириться.

Еще одним существенным новшеством в оформлении цирка стали деревянные скамьи со спинками, укрепленные на каменных ступенях трибун: теперь зрители могли наблюдать бега с достаточным комфортом. Конечно, со временем под действием погоды и буйства азартных болельщиков сиденья из дерева приходили в негодность, но за их состоянием следили: при ипподроме существовал благотворительный трудовой центр для бродяг и попрошаек, которые занимались починкой скамей, получая взамен кров и пищу. Центр находился на попечении августы.

Длинная восточная сторона ипподрома примыкала к Большому Дворцу, откуда по специальным переходам появлялись знатные гости, члены Синклита и сам император. Все свободные помещения под арками нижнего яруса были заняты кофейнями, лавками с прохладительными напитками, сувенирными магазинчиками и «Мега-Никсами».

Из-за праздничной службы в Великой церкви, где уже много столетий находился чтимый Нерукотворный образ Спасителя, церемония открытия бегов начиналась в полдень, но Средняя и прилегающие улицы были уже с десяти заполнены народом. Горожане с билетами спешили поскорее протиснуться к своим скамьям, зачарованные туристы глазели по сторонам, как будто не в силах поверить, что перед ними сокровища тысячелетней Империи – Августеон с портиками, летящий купол Святой Софии с громадным резным крестом, колонна со статуей Юстиниана, грозно простирающего руку к востоку...

Те же, кому билетов не хватило или кто не имел возможности их купить, готовились наблюдать действие на больших экранах, которыми были уставлены Августеон и Форум Константина. Экраны имелись и в других частях Города, а также на малых иппододромах – Мамантовом и Аспаровом, где болельщикам еще легче было представить себя в центре бегов. Словом, вся столица Империи превращалась на время Ипподрома в зрительный зал, где люди сидели, ходили, спорили, покупали еду и напитки у бойких разносчиков, ссорились и держали пари.

Дари и Лари, пробившись через толпу у южных ворот и предъявив билеты, очутились в прохладном каменном коридоре, чьи стены за столетия были до блеска отполированы плечами зрителей. Коридор окончился лестницей, приведшей их на самый верхний ряд скамей, расположенных в изгибе огромной подковы ипподрома. Отсюда не так удобно было рассматривать императорскую ложу, зато конские ворота, откуда появлялись колесницы, находились точно напротив, хоть и довольно далеко. Лучше всего был виден обелиск Константина Порфирородного на Спине, покрытый блестящими бронзовыми пластинами – точь-в-точь такими, какие ободрали с него когда-то крестоносцы.

Лари протянула подруге подзорную трубу.

– Держи, а то всего не увидишь.

Пробежавший мимо служитель, скользнув по Дари опытным взглядом, сунул ей в руку глянецовый листок, исписанный какими-то текстами в несколько колонок.

– Это аккламации, – пояснила Лари, – и гимн. Когда придет время петь, петь должен весь Ипподром! Здорово, правда?

Действительно, на листочке были транскрибированы греческие стихи для всех европейских языков.

Ровно в одиннадцать часов послышался перезвон колоколов, возвещавших об окончании торжественной службы в Святой Софии и о том, что уже скоро император, после легкого завтрака, начнет торжественное шествие по дворцовым переходам.

Колокола еще не смолкли, когда растворились ворота расположенного в полумиле от ипподрома гвардейского манежа, и оттуда под плавные переливы Марша Бессмертных

стали вытягиваться эскадроны блестящей конницы. Схоларии были разбиты на подразделения по цвету лошадей – гнедые, белые, рыжие, вороные и соловые. Сюда мечтали попасть служить военнообязанные юноши из самых богатых семей, но domestik схол, зная отношение императора к аристократам, чаще отдавал предпочтение деревенским здоровякам из Каппадокии и Вифинии.

Первый эскадрон сверкал панцирями и шлемами времен римского принципата, второй был обмундирован скромнее, в стиле эпохи войн с арабами, на третьем синели латы времен крестовых походов, четвертый щеголял кирасами, напоминавшими о великой Битве Народов. Всадники последнего эскадрона красовались в подлинных войлочных шляпах времен Последней Европейской Войны. Конники ехали шагом по запруженной народом улице, и далее через Августеон – в ворота ипподрома. Солдаты были веселы и с явным удовольствием ощущали взгляды тысяч глаз. Обычно они несли охранную службу на внешнем контуре Дворца, и большие праздники среди армейских будней были для них праздниками вдвойне. Правда, Синклит давно намекал императору, что дворцовая гвардия, да еще на лошадях, стоит слишком дорого, но сегодня никто бы не усомнился в ее полезности и даже ценности.

Императорские схолы всегда открывали Золотой Ипподром и уже стали частью его легенды. Неспешно обогнув Спину в колонне по трое, они покинули арену, только трубачи спешили и заняли места над главными колесничными воротами. И тогда на беговой дорожке появился последний, шестой эскадрон, где служили юноши из восточных хурритских племен. Все они были на горячих караковых лошадях, в красно-синих развивающихся одеждах и с кривыми саблями. С боевыми криками они пронеслись по ипподрому в бешеном галопе, не соблюдая ни строя, ни порядка. Все как на подбор смуглые курчавые красавцы, они, очевидно, вкладывали всю душу в эту бешеную и прекрасную скачку, но при этом поглядывали по сторонам гордо и вызывающе – дескать, мы еще и не так можем!

Солнце припекало, и по громадным штангам, нависшим над каждым сектором трибун, поползли плотные белые экраны, сразу давшие желанную тень. Еще мгновение, и включились мощные проекторы, готовые транслировать на экраны все происходящее на арене в сильно увеличенном виде. Впрочем, многие зрители все равно запаслись биноклями. А из ворот манежа, тем временем, показалась колесничная процессия. Ведущий актуарий, появившийся на всех экранах, объявил зрителям, что сейчас по арене продефилируют победители прошлых заездов. Актуарий – высокий представительный мужчина с волосами до плеч и в белой парадной тунике – стоял в пустой пока ложе Кафизмы, и камеры сначала были направлены на него, но затем быстро сосредоточились на возницах, проплывавших вдоль трибун под радостный гул толпы. Почти все они были в серебряных наградных касках. Заметны были и каски позолоченные, принадлежавшие обладателям Великого приза. Непривычно смотрелись яркие рекламные наклейки на квадригах – в этом году император, скрепя сердце, впервые разрешил это новшество. Впрочем, больше нигде никакой рекламы видно не было.

Тем временем в ложах стали появляться высокопоставленные гости – важные президенты, министры, благородные короли и принцы угасающих европейских династий, молодые загорелые диктаторы. Актуарий громко и церемонно представлял каждого, а публика приветствовала аплодисментами тех, кто был ей особенно приятен. Некоторые персоны заметно нервничали, не видя перед собой привычной пуленепробиваемой стеклянной стены, но хозяев праздника такие мелочи, очевидно, не беспокоили.

Из отдельного входа появились димархи и виднейшие представители цирковых партий в одеждах своих цветов. Для них специально выделили по ряду скамей на каждой трибуне – красная, синяя, зеленая и белая полосы раскрасили людской муравейник длинными мазками.

– Почему их не посадят всех вместе? – спросила удивленная Дари.

– Это правило такое, еще с шестнадцатого века, – ответила Лари. – Тогда была большая драка, целое побоище после бегов, и с тех пор их не сажают большими группами.

– Ой, да неужели эти старички и толстячки могут драться?

– Ну, конечно, нет! – Лари рассмеялась. – Я же говорю, традиция! И потом, так красивее.

В этот момент раздался рев труб, и на плоской крыше Кафизмы появилась знаменная группа. Восемь подтянутых схоляриев в парадных мундирах и с винтовками за плечами вынесли императорский штандарт и несколькими четкими движениями подняли его на флагшток. Весь ипподром уже был на ногах.

Гимн Империи был написан в начале девятнадцатого века, оттого в нем было много античной романтики и полностью отсутствовали социальные рефлексии. Это был даже не гимн Империи – к чему Империи гимн? – а гимн консерватизму как здоровому началу. Ну, и дань прежней моде, конечно. Дари несколько раз слышала эту величественную мелодию, но только сейчас осознала, насколько она захватывает человека, стоящего на трибуне ипподрома и влияющего свой голос в многотысячный хор. Музыка текла медленно, с плавными переходами. Она напоминала реку, постепенно набухающую в половодье и выходящую из берегов.

«...Если хранит храбреца щит твой зеркальный, Афина,

Он, обращаясь назад, знает, что ждет впереди...»

Пел, казалось, весь Город. Даже самые легкомысленные гости перестали посмеиваться и, откнувшись в буклеты, старательно выпевали незнакомые слова.

При звуках гимна в ложе Кафизмы появился император в полном парадном облачении – в золотой далматике, перевитой лентой лора, и царском венце. «Как он выдерживает такой наряд в жару?» – подумалось Дари. Как бы в ответ на ее мысли, Константин опустил на приготовленный для него малый трон, и – единственный из всех – дослушал гимн сидя.

За императором появились августа, принц Кесарий, принцесса Екатерина и несколько избранных, по обычаю, гостей. Ими оказались главы нескольких европейских держав со своими семьями, в том числе президент Итальянской Республики; его сына посадили рядом с принцессой.

Последние строки гимна окончились народным восклицанием, на которое откликнулись старинные пушки босфорских фортов. Им ответили укрепления Пропонтиды, после чего ужасающий грохот раздался сзади, от азиатского берега – это громадный ракетный «Посейдон», маячивший на траверзе Принцевых островов, за неимением больших орудий, выпустил в воздух четыре очереди из светящихся шаров, ослепительных даже при ярком солнечном свете – белых, красных, синих и зеленых.

Тем временем, началась жеребьевка. Рыжий человек в красном одеянии поднял над головой большую чашу, наполненную белыми шариками, и подошел к принцессе. Та удивилась и что-то пробормотала. Потом стала по одному вынимать шарики и опускать их в поданный ей высокий и узкий стакан. Когда двенадцать шариков уместились в нем стопкой один над другим, рыжий, поклонившись, отошел от ее высочества и поставил стакан на столик. Миг – и шарики вспыхнули фиолетовым светом, отчего на них ясно стали видны крупные римские цифры.

– Первые три забега! – громко провозгласил мужчина, вынимая шарики один за другим. – Синие: Александр Муселе, первая дорожка! Зеленые: Михаил Нотарас, вторая дорожка! Красные: Василий Феотоки, третья дорожка! Белые: Георгий Митропулос, четвертая дорожка!

Трибуны взорвались восторженными криками, причем больше всего, как показалось Дари, горячились красные.

– Он может подойти к каждому из высоких гостей, – объясняла Лари. – Никто не знает заранее, кому придется выбирать шары!

Со второй чашей рыжий подошел к Луиджи. Тот смутился еще больше, чем принцесса, заметно покраснел и даже беспомощно покосился в сторону. Однако протянул руку и стал один за другим опускать в стакан шарики с невидимыми номерами.

Из ворот манежа, тем временем показались одна за другой, колесницы первой четверки участников соревнований. Проезжая по улице к воротам Ипподрома, возницы успевали пере-

кинуться парой слов со стоявшими в толпе друзьями или поймать букетик, брошенный какой-нибудь юной особой. Дальше их ждала яркая площадь, наполненная разодетым народом, флагами, цветами и аппетитными запахами.

Как только колесницы заняли свои места в арке стартовой башни, актуарий взмахнул белым платком. Канат, перегораживавший все четыре проезда, упал, и кони рванулись вперед. Бега начались.

Тяжелые квадриги разогнались не сразу. Видно было, как напряглись лошадиные спины, как сжались возницы, словно желая помочь великолепным животным. Но колесницы быстро набрали нужную скорость и понеслись по каменистым дорожкам колесо к колесу.

– Красиво, да? – воскликнула Лари, взглянув на соседку. – Это настоящие боевые квадриги, не что-нибудь! Такого больше нигде не увидишь! А править сразу четверкой коней это вообще целое искусство!

Дари смотрела на арену во все глаза. Колесницы уже приблизились к сфенде ипподрома, и им нужно было поворачивать. Дари тянуло зажмуриться. Она не представляла, как можно на такой скорости заставить четырех лошадей уклониться в сторону. Казалось, они врежутся в трибуны и на этом все закончится. Она не спускала глаз с Василия. Тот стоял на своей колеснице, напряженно сжимая поводья и смотрел вперед, чуть наклонив голову. Он был сейчас необычайно красив. Ремешок красной каски туго охватывал упрямый подбородок, красный пробковый жилет походил на панцирь. А мощные загорелые руки были, кажется, вылеплены с античной статуи.

«Эх, если б ему еще волосы подлиннее...» – подумала Дари и тут же мысленно усмехнулась: однако, что за мысли ее посещают!

Между тем белый возница стал немного притормаживать, зеленый шел с ним вровень, а синий, кажется, увеличил скорость – по крайней дорожке ему было удобнее всех поворачивать, но и путь предстояло пробежать больший, чем другим. Но всеобщее внимание захватил Василий: он вдруг резко рванулся вперед и, обогнав синего и зеленого, занял короткую первую дорожку! Трибуны взорвались криками и свистом.

– Ну ничего себе! – Лари всплеснула руками. – На первом же круге! Он или очень уверен в себе, или еще совсем неопытный. Ему же семь кругов нужно сделать, а он сразу так гонит коней!

– Семь кругов?! – изумилась Дари.

– Ну да, конечно! И потом, по первой дорожке тяжелее огибать Спино!

– Я думаю, он справится, – пробормотала Дари, глядя вслед удаляющимся теперь запряжкам.

А те понемногу выстроились в цепочку, которая медленно удлинялась. Дари почти физически чувствовала, как вибрирует арена под копытами шестнадцати лошадей, как колеса стирают в пыль мелкие камешки. На поворотах Василий сильно отклонялся влево, закладывая на своей квадриге крутые виражи. Казалось, он вот-вот чиркнет каской по каменному полукругу. Пока никто не мог его обогнать.

– Это ужасно опасно, ужасно! – горячилась Лари. – Сколько возниц погибло на этих поворотах!.. Но сейчас они должны беречь силы до последнего круга.

– Беречь? Как беречь? Им же нужно скорее прийти к финишу?

– В этом-то и загвоздка! С какой скоростью идти, кого обгонять и когда, и как не расшибиться при этом. Это очень сложно, тут думать надо!

«Ну да, это нам отсюда хорошо думать, когда всё видно, – пронеслось в голове у Дари. – А каково там, на колеснице, когда нужно и править, и спиной чувствовать противников?!»

Трибуны ревели. Впереди шел Феотоки, и сразу за ним – Нотарас. Синие и белые заметно отстали. Иногда от непривычного шума Дари даже казалось, что наступила глубокая тишина, и тогда запряжки казались ей диковинными жуками, медленно ползущими по песку.

Василий выиграл первый забег! На финишной прямой Нотарас попытался обойти соперника, но с его коней уже летела пена, и колесница зеленых пришла к финишу второй, опоздав на пять секунд. Зрители чествовали победителя древним приветствием, которое возглашалось на ипподроме уже много столетий:

– Прекрасно прибыл, несравненный возница!

Во втором заезде Нотарас, переменяв коней, попробовал повторить трюк Феотоки, но, видимо, занервничал, ошибся и снова отстал. Третий заезд тоже выиграли красные. Трибуны кипели. Дари и Лари, забыв про всё на свете, кричали и прыгали от восторга, когда Феотоки в третий раз оборвал финишную ленточку. Болельщики синих, зеленых и белых были явно разочарованы. Особенно те, кто ставил на Нотараса!

* * *

Григорий никогда еще не видел таких напряженных и неожиданных состязаний. Шутка ли – появляется никому не известный юноша, и путает карты всему Ипподрому! Похоже, на этой волне поднимется и второй возница красных! Начался шестой заезд, и трибуны снова взорвались криком. Зрители махали синими, зелеными, красными или белыми флажками, некоторые держали полотнища с ободряющими призывами, пускали в небо разноцветные шары. В ряду выше болельщики орали басом и топали ногами; Григория это несколько раздражало, но Елизавета не замечала ничего вокруг – она была вне себя от возбуждения: стало ясно, что Феотоки имел шансы стать не только финалистом первого дня, но, если продолжит в таком же духе, получить и Великий приз Ипподрома. К тому же Лизи с братом впервые в жизни сидели на таких отличных местах.

– Вот видишь? Видишь?! – повторяла Лизи. – Я тебе говорила, на кого ставить, а ты все: «Нотарас, Нотарас!» Вот тебе и Нотарас! Я уже выиграла кучу денег, а ты что?

– Деньги это хорошо, конечно, но ведь ты хочешь получить возницу, а это совсем другое дело, – ехидно заметил Григорий. – Если он выиграет седьмой заезд, то сегодня будет во Дворце, и я зуб даю – принцесса его окрутит! Она ему хлопала и кричала не хуже, чем ты, и красotka она ух, какая!

В отличие от сестры, во время забегов с участием Василия почти не отрывавшей глаз от колесниц, Григорий, когда на экранах появлялась императорская ложа, наблюдал за принцессой и заметил, как бурно она ликовала, видя победы Феотоки. Лизи пропустила мимо ушей колкую реплику брата. Конечно, ее немного беспокоил возможный визит Василия во Дворец, но она была уверена, что у принцессы даже при всем желании не получится с возницей ничего серьезного – родители не дадут!

В шестом забеге выиграл возница белых, а это означало, что в седьмом будут участвовать он, Феотоки и выигравший четвертый и пятый заезды возница синих из второй четверки, а двум зеленым кинут жребий – никто из них не выиграл в этот день ни в одном заезде. «Какой облом для Нотараса! – подумала Лизи. – На него точно многие ставили, а он теперь Великого приза не получит... Если, конечно, ему сейчас не выпадет жребий и он не обойдет Василья в седьмом... Нет, Василь должен выиграть! Ну же, Василь, давай, я в тебя верю!»

– Ну что, пойдём промнемся? – спросил Григорий. – Или ты опять будешь на акробатов пялиться?

– Ну, я бы поглядела, а что? Тебе разве не нравятся они? Такие прикольные! А ты какой-то прямо неугомонный! Вроде на работе целый день на ногах, так посидел бы вот, отдохнул!

– Ты на работе сидишь сиднем, а вот же, не хочешь гулять. Уж кто как привык... Я долго сидеть не могу! А отдыхать надо лежать. – Григорий встал. – Ладно, я пошел, а ты сиди, раз так. Принести тебе мороженого? Или сок?

– Давай, всего неси! Гранатовый сок и фисташковое мороженое, граммов двести... А после бегов мы с тобой загуляем, я же выиграю! – Она засмеялась. – Ну, иди, иди. – И Лизи, взяв бинокль, навела его на императорскую ложу, хотя с такого расстояния в деталях разглядеть происходящее там все равно было невозможно.

В кофейнях, расположенных под трибунами ипподрома, стоял дикий гвалт. Когда Григорий зашел в одно из этих заведений, ему показалось, что он попал внутрь орущей стаи ворон.

– Откуда он взялся, этот Феотоки, черт бы его побрал?! – вопили проигравшие.

– Богородица ниспослала нам на утешение!¹ – ехидничали сделавшие ставку на Василия.

Последних, впрочем, было немного, и в основном это оказались люди случайные: большинство «профессиональных» болельщиков ставили на Нотараса или на Мелетия Ставроса, возницу синих из второй четверки.

– Ведь, правда же, правда это возмутительно? – вдруг бросился к Григорию какой-то краснолицый толстяк. – Скажите, молодой человек!

– Э-э, – протянул ошарашенный Григорий, осторожно пытаясь высвободиться из объятий неожиданного собеседника, который обеими руками крепко схватил его за плечи. – Что именно вы считаете возмутительным?

– Ну, как же! – брызгая слюной ему в лицо, крикнул толстяк. – Этот Феотоки! Почему нас не предупредили о его способностях?

– Да кто тебя будет предупреждать, Пончик? – насмешливо отозвался высокий поджарый мужчина лет пятидесяти с массивным носом и длинным подбородком. – Ты что, спятил совсем от горя? Бега на то и бега, чтобы никто не знал будущего призера, иначе какой интерес? Ну, чего ты пристал к юноше? Отпусти его!

Толстяк с плаксивым вздохом выпустил Григория так же внезапно, как схватил. Молодой человек едва не отлетел назад и, облегченно вздохнув, поскорее пробрался к стойке, чтобы купить мороженое и ретироваться. Конечно, работая в «Мега-Никсе», он насмотрелся на всякую публику, но такое количество чрезмерно возбужденных фанатов, собранных в одном месте, его напрягало. «Хорошо, что здесь, по крайней мере, не продают спиртного!» – подумал он. Купив угощение для сестры и взяв себе двойную порцию шоколадного мороженого, он направился к выходу и вдруг остановился, словно запнувшись. В дверях кофейни стояла миниатюрная худенькая девушка в синем платье строгого покроя, длиной чуть выше щиколоток и с короткими рукавами; из-под копны огненно-рыжих волос испуганно смотрели большие светло-серые глаза. Очевидно, девушка тоже пришла купить что-нибудь перекусить, но царившая в кофейне атмосфера способна была обескуражить и не такое трепетное создание. Растерянный взгляд девушки остановился на Григории, она вдруг улыбнулась и быстро подошла к нему.

– Простите пожалуйста, вы не могли бы мне помочь? Я хотела купить мороженого себе и подруге, но тут такая толпа, все кричат еще хуже, чем на бегах... Вы тут, кажется, самый нормальный из всех! – Она рассмеялась. – Может, вы побудете со мной, пока я тут покупаю? А то мне немного боязно здесь одной...

– Да, конечно, пожалуйста, госпожа, – Григорий неожиданно для самого себя, заговорил галантным тоном официанта «Мега-Никса».

– Ну, какая я вам госпожа? – Девушка опять засмеялась. – Я просто Лари!

– Лари?

– Ну, Илария, но лучше зовите меня Лари, ага?

– Ага, – заулыбался молодой человек. – Очень приятно! А меня зовут Григорий... то есть можно просто Грига.

¹ Фамилия Феотоки происходит от греческого *Φεοτόκος* – Богородица.

– Рада познакомиться! Как хорошо, что вы тут оказались, а то я уж подумала, не бежать ли мне отсюда!

Она смеялась, показывая белые зубы, и веснушки на ее лице тоже словно смеялись вместе с ней. Григорий заметил, что она совсем не накрашена и у нее удивительно белая и нежная кожа.

– Какое вы любите мороженое? – спросил он, когда они подошли к витрине, где пестрели всеми цветами радуги ванночки с холодным лакомством.

– О, я всякое люблю! Только мятное и ванильное не очень... Но сейчас я возьму разного! – Она достала из маленькой черной сумочки кошелек и обратилась к продавцу. – Будьте добры, два мороженых, шарики все разные... В одно кофейный, малиновый, лимонный и дынный, а в другое...

Григорий смотрел на нее и думал: «Какая интересная девушка! Такая веселая... и такая рыжая! Лари. Илария и значит „веселье“ – какое подходящее имя! Всё время смеется... Какие у нее рыжие волосы! Такие яркие...»

– Большое вам спасибо! – улыбаясь, сказала Лари, когда они вышли из кофейни. – Благодаря вам мы с Дари не остались без мороженого! Дари это моя подруга, – пояснила она. – Мне хочется ее угостить получше, она наша гостья, из Сибири.

– То есть прямо из Сибирского царства? – удивился Григорий.

– Да, из Хабаровска. Мне нужно ее веселить, а то она жила там, где все ходят мрачные... наверное от холода! Зимой бывает ниже тридцати, представьте! Вот ужас, я бы там умерла, наверное! Не люблю холод! Ой, но я, наверное, задерживаю вас? У вас уже мороженое тает! Или, может, нам по пути? Мне в тридцать второй сектор, двадцать пятый ряд.

– Неужели? Я там же в двадцать первом с сестрой сижу.

– О, почти рядом! Тогда пойдемте! У вас тоже билеты на все заезды?

– Да, сестре подарил один знакомый.

– Надо же, какое совпадение! Нам тоже по знакомству билеты достались. Я давно уже не была на Ипподроме, но тут почти всё по-старому, так приятно! А вы часто тут бываете?

– Тут нет, но я в Мамантовом бываю очень часто. Люблю бега! В детстве я даже сам хотел стать возницей.

– А почему не стали?

– Отчим был против. – Григорий чуть нахмурился. – Он был страшный самодур, даже бил нас с сестрой, особенно когда мама уже болела...

Тут он запнулся, удивившись про себя, как это он вдруг сходу рассказал этой незнакомке такие подробности про свою семью, какие редко говорил даже тем девушкам, с которыми крутил романы.

– Какой ужас! – сочувственно воскликнула Лари. – А что потом?

– Потом мама умерла, отчима мы выставили, но уже стало не до скачек – надо было зарабатывать на жизнь. Лизи, моя сестра, еще училась в школе.

– Понятно. – Девушка вздохнула. – А где вы работаете?

– В «Мега-Никсе», – чуть смущенно ответил молодой человек.

Григорий не стыдился своей работы, но сейчас ему почему-то стало немного досадно, что нельзя назвать перед этой девушкой более «интеллигентное» место. Илария, однако, даже обрадовалась:

– О, здорово! У «Повелителя рыб»! Я так люблю мегу! Ставридки! М-м! – Она даже облизнулась. – А самого Никоса вы видели?

– Только однажды издали. – Григорий заулыбался, обрадованный таким детским восхищением перед местом его работы. – Он приезжал, когда наш филиал отмечал пятилетие. Так что вот, возницей я не стал, только слежу за чужими бегами. Мне нравится бывать в Маман-

товом, там больше начинающие тренируются, интересно наблюдать, загадывать, кто выйдет в люди, а кто нет...

– Да, понятно! А я там была всего раз, давно. А вот здесь бывала часто, когда в школе училась. А сейчас некогда стало, Университет и вообще... серьезная жизнь!

– У вас – серьезная? – недоверчиво спросил Григорий, повернувшись к ней.

Их глаза встретились, и Григорий заметил, что вокруг зрачков ее серых глаз точно вспышкой разбросаны лучики золотисто-карих искорок. Лари вдруг смутилась.

– Ну, я несерьезная, да. – Она быстро опустила взгляд. – Но я пытаюсь... пробую стать серьезней... Такая жизнь, мне в ней многое нравится, но... не знаю, хватит ли духу...

– Какая же «такая»?

От этого вопроса Лари почему-то пришла в замешательство, даже немного покраснела.

– Ну, понимаете... Нет, это так сразу не объяснить... Ой, у вас совсем мороженое растаяло! Идите скорей, а то сестра вас изругает! – Лари засмеялась. – А я вот уже и пришла, у нас места с той стороны, так что я по верху пройду. Спасибо вам! До свидания!

Григорий проводил ее глазами и спустился к своему ряду. Елизавета недовольно надулась на вафельную трубочку с потерявшими форму светло-зелеными шариками:

– А чего такое растаявшее?

– Да так... – Григорий на мгновение замялся. – На меня там мужик один набросился, едва убежал от него!

– То есть как? – удивилась Лизи.

– Да там знаешь, что творится? Все орут, как галки, ругаются, друг друга за грудки хватают. Твой любимец всех подставил! Мало кто ставил на него, вот теперь все проиграли и возмущаются.

– А-а! Правда? Ну, прикольно! Расскажу непременно Василию при встрече, какой он произвел фурор! Ничего, всё равно вкусное, даже и растаявшее... Люблю фисташковое! А ты чего не ешь? Сейчас совсем вода будет! Что ты вертишься вообще?

Григорий уже два раза обернулся назад, пытаясь высмотреть, где сидит Лари.

– Так, ничего. – Он рассеянно взглянул на сцену, где акробаты выделывали разные трюки на лошадях, и принялся за свое мороженое.

Говорить сестре о знакомстве с Иларией ему не хотелось: он знал, что Лизи начнет подсмеиваться над его донжуанским нравом и строить предположения, на сколько дней хватит у него пыла удержать в памяти очередную прекрасную даму. Обычно он реагировал на подобные шутки беззлобно, но сейчас мысль о том, что Лизи может состричь подобным же образом насчет него и Иларии, отчего-то была Григорию неприятна.

* * *

Евдокия приняла бодрящую ванну и немного посидела на примыкавшей к покоям террасе, прогретой августовским солнцем, наслаждаясь ароматами роз и мирта. Скоро уже надо было идти к парикмахеру делать прическу для бала, но сначала августа хотела поговорить с мужем о Катерине. На скачках принцесса нарочито показала «Городу и миру», что неравнодушна к успехам нового возницы и совсем не желает общаться с юным Врачки. Это было не слишком осторожно, ведь за императорской ложей наблюдали тысячи глаз, как журналистов, так и простых болельщиков. Луиджи явно обескуражен, а у старшего Врачки, похоже, прибавилось скепсиса относительно затеи его августейшего друга. Молодой Врачки, конечно, красив, но теперь, пообщавшись с ним и понаблюдав за ним во время бегов, императрица составила о нем свое мнение и считала, что восторги мужа по поводу возможного жениха для дочери преждевременны. Разумеется, позволять ей бегать за возницами нельзя, но и принуждать ее вместо этого общаться с юношей, который ей не нравится... Зачем это нужно?!

«Где же Конста?» – с нетерпением подумала Августа, поднимаясь с кресла.

– А, ты здесь! – раздался за спиной голос мужа.

Император стоял в дверях на террасу.

– Наконец-то! Я хотела поговорить с тобой о Катерине.

– Что ж, давай поговорим.

Константин опустился в раскладное кресло и с наслаждением вытянул ноги. Императрица подошла к огромной напольной вазе с геранью и стала задумчиво тереть листочки.

– Послушай, ну зачем тебе всё это нужно? – начала она. – Посмотри, ведь она его совершенно демонстративно избегает, этого твоего итальянца! Он ей явно не нравится!

– Пока я вижу только подростковое стремление всему противоречить. – Император чуть скривил губы. – Ничего осознанного. Наверное, зря мы так с самого начала на нее надели – неизящно получилось.

– Хорошо, пусть подростковое. Она и правда еще подросток, пятнадцать лет! Неужели ты думаешь, что это очень хорошо, если мы будем ломать ее волю? Из-за какой-то квадриги, в конечном итоге...

– Это не «какая-то» квадрига, а наша квадрига работы Лисиппа. – Константин значительно поднял указательный палец.

– Да хоть Хрисиппа! – Императрица начала сердиться, чувствуя, что муж ее не понимает. – При чем здесь наша девочка? Зачем принуждать ее к каким-то отношениям?

– Не к отношениям, упаси Боже, а только лишь к знакомству для начала. Ты же вот не жалеешь, я надеюсь, о том, что когда-то приехала сюда на выборы невесты? Ведь тогда тоже было сначала решение родителей!

Августа невольно смешалась.

– Да, но...

– Что же «но»? Сначала знакомство, потом отношения, если, конечно, всё пойдет, как надо. Разве у нас с тобой это было не так?

– Ну, не сердись.

– Да я нисколько не сержусь, о чем ты? – Император поднял бровь.

– Тогда скажи, что ты все-таки в нем нашел, в этом Враччи? Конечно он красив как Аполлон, но манеры... В ложе он смахивал со лба пот так, будто он погонщик волов где-нибудь в Кампании!

– Ну, дорогая моя, в Эфесе ведь тоже не было спецкурса по хорошим манерам! Разве это не наживное дело?

– Наживное для живых людей, но твой Луиджи... Он какой-то замедленный, обстоятельный, словно и не итальянец, и не южанин вообще!

– Ты преувеличиваешь! Не видала ты замедленных! Я тебя нарочно познакомлю. – Константин подмигнул.

– Хорошо, не замедленный, но робкий. Разве ты не видел, как он быстро взглядывает на Катерину исподлобья и тут же отводит глаза? Да она его засмеет, если только они начнут общаться поближе!

– Видишь ли, моя несравненная Августа, – неторопливо начал император после небольшой паузы, слегка потянувшись, – в Луиджи есть совершенно незаменимое в наше время качество. Он деликатен. Так деликатен даже с близкими людьми, как мало кто вообще сейчас может быть. Ведь долгое общение, дружба, особенно любовь стирают эту грань. Человеку кажется, что он уже имеет полное право на жизнь другого, его эмоции, свободное время... На некоторых людей, особенно творческих, это действует убийственно. Вот в этом мальчишке такого нет. Видела бы ты, как он общается с сестрой! Выросли вместе, и дрались, и ругались, но он с ней, несмотря ни на что – сама вежливость, сама предупредительность!

– Но послушай, – тут августа опустилась на соседнее кресло и бессильно уронила руки на колени, – какое творчество?! О чем ты? Девочка увлекается химией, ей не о женихах надо думать, а о науке, об ученых степенях, о карьере! Ведь мы столько в нее вложили, и у кого еще столько возможностей? А тут пойдут семейные заботы, дети...

– Вот-вот, прекрасно, замечательно, – проговорил император иронично. – И ты мне будешь говорить, что это я пытаюсь вмешиваться в жизнь дочери? Давай забудем навсегда о том, что мы в нее вложили, чего мы от нее ждем или можем ждать! Она, хоть и подросток, но уже вполне взрослый человек, ей самой решать. Мы можем ей что-то предлагать, преподнести любую возможность, да еще на золотом подносе, посыпанную розами и сахарной пудрой. Но выбор не за нами и... не должен быть за нами. Неужели это нужно доказывать?

– Наверное, ты прав. – Императрица вздохнула. – Я замечталась... Но всё же что будет, если они с Врачки друг другу в итоге понравятся? Катерина еще такая маленькая...

– В этом Городе, наполненном писателями, учеными и смазливými возницами, византийской принцессе лучше быть замужем. Особенно если муж хорош и умен.

– Возницами? – Евдокия нахмурилась. – Тебе что-то известно?

– Мне известно всё, что нужно, не беспокойся. Пока ничего серьезного.

– А ты думаешь, может быть серьезное?

– Конечно! – Константин расхохотался. – Ведь это твоя дочь, не забывай! Ее импульсивности нет предела!

– Но это и твоя дочь, дорогой!

– Именно поэтому я надеюсь, что она хотя бы не побежит среди ночи к малознакомому мужчине. – Тут император хитро подмигнул жене.

– Ах ты, негодный! – вскричала та в притворном гневе. – Тебе что-то не нравится, старый ханжа?

Евдокия схватила с соседнего кресла подушку и запустила в голову мужа. Тот ловко поймал ее и отправил обратно. Увернуться августа не успела.

– Твое счастье, что прически еще нет! – Она погрозила пальцем, сдувая с лица растрепанные волосы. – Хорошо, будем считать, что Луиджи выиграл конкурс женихов, но пока ничего об этом не знает. У тебя есть какой-то план насчет дальнейшего?

– Есть.

– Ну, а я попробую поговорить с ней. Так, чисто по-женски... А там уж как решат Мойры.

– Мне вот только сейчас пришла в голову еще одна идея. Я поговорю с Мари.

– Кто это?

– Дочь Никоса, разве ты не помнишь ее?

– Ну, уволь, не могу же я помнить всех!

– Не важно. Это такой прелестный ребенок двадцати лет от роду. Сама лучезарность! Правда, едва ли способна на серьезные чувства, но тем лучше – пусть попробует поиграть с Луиджи. Состроит ему глазки – ей это ничего не стоит. Лишь бы только Катерина заметила!

– Интриган!

– Пустяки. Разве это интриги? Интриг, впрочем, тоже хватает, и еще многие завяжутся сегодня на балу... Но это тебе скучно, я полагаю.

– То есть можно смело делать вывод, что ты будешь всё время в бильярдной?

– Зачем всё время? Африсму и два-три вальса я с тобой станцую. Не обижайся, в этот раз мне, скорее всего, придется быть в зале еще меньше, чем обычно, я действительно должен обсудить кучу всяких вопросов...

Евдокия встала и опять принялась терзать ни в чем не повинную герань.

– Знаешь, мне иногда кажется, что эти твои «вопросы» – как осы: чем больше на них машешь, пытаясь отогнать, тем злее они пристают и кусают. А если на них просто не обращать внимания, они бы сами отлетели... Глупо, да?

– Иногда бывает и так, – рассмеялся Константин, – но всё же редко. В большинстве случаев приходится думать о том, как помочь мирозданию.

– О да, ты на то и поставлен, повелитель вселенной, самодержец-август! – воскликнула Евдокия. – Знаешь, я тут читала одну книгу про Империю в девятом веке, и там мне понравилась фраза про Михаила Третьего: «Он полагал, что дело императора – царствовать, а управлением должны заниматься подходящие для этого люди».

– Хорошо сказано, но осуществимо в полной мере разве что для номинальных европейских монархов! Впрочем, ты же моя половинка, вот и царствуй на балах за двоих, тебе-то управлять не нужно.

Император улыбнулся и, поднявшись, подошел к жене, притянул ее к себе, поцеловал и не отпускал до тех пор, пока не ощутил, что легкий всплеск обиды в ней утих.

«Ну да, на балах Ипподрома я почти всегда царствую за нас обоих, – думала августа, сидя в кресле и наблюдая в зеркале, как парикмахер колдует над ее головой, – а Конста незримо сопresentствует...» Да, какие бы изысканные и порой довольно смелые комплименты ей ни расточали поклонники из ее постоянного окружения, которое она тщательно себе подбирала, они в конечном итоге старались обернуть разговор так, чтобы самым почтительным образом помянуть ее августейшего супруга, точно говоря этим: «Я восхищаюсь вами, боготворю вас, но я понимаю, что вы принадлежите другому и ни в коем случае не посягаю на его владения!» В этой манере чудилось нечто почти сакральное: август как «земной бог» узнает о святотатстве, даже если не присутствует рядом физически, и дерзкое посягательство не останется безнаказанным... Но это стремление обезопасить себя иногда втайне раздражало императрицу: оно слишком напоминало трусость того горе-героя ее юности, увлечение которым, минутное, но едва не возымевшее сокрушительные последствия, Евдокия до сих пор вспоминала с долей досады.

– Вы, как всегда, на высоте, Дионисий! – сказала она, глядя, как парикмахер вдохновенно украшает ее прическу шпильками с бриллиантами, и с удовольствием отмечая, что очередное произведение из ее волос удалось на славу.

– Благодарю, ваше величество! – ответил парикмахер. – Работать с вашими волосами – всегда огромное удовольствие! Я вообще больше люблю причесывать брюнеток. Вот этот блеск, тени, мягкие и таинственные переходы, а бриллианты и жемчуг всегда смотрятся великолепно! С блондинками куда сложнее. А у вас еще такие податливые волосы, просто сказка! Словно пишешь поэму... или роман.

– Разве вы пробовали писать романы? – Августа засмеялась.

– Нет, но мне кажется, что любой человек, делающий что-нибудь по вдохновению, испытывает примерно одни и те же чувства. Знаете, как бы такой полет...

– «Полет совы на крыльях ночи», – пробормотала Евдокия.

– Простите, ваше величество?

– Да нет, ничего, это я вспомнила один роман... Вы любите романы, Дионисий?

– Люблю, но предпочитаю с хорошим концом. – Парикмахер улыбнулся. – Или хотя бы таким... неопределенным, но оставляющим надежду.

– А вы читали романы Феодора Киннама?

– Нет, но я о них слышал. Говорят, хорошие.

– Очень, очень хорошие! Почитайте непременно, я уверена, что вам понравится!

– Хорошо, спасибо за совет, ваше величество! Я непременно постараюсь их прочесть.

Пока парикмахер вносил последние штрихи в свое творение, Евдокия слегка задумалась. Она вдруг осознала, что в ее постоянном окружении все-таки был один человек, который, какие бы комплименты ни говорил ей и как бы много ни развлекал ее веселыми и едкими шутками или занимательными рассказами, никогда не делал, в отличие от других, «реверансов» в сторону ее отсутствующего мужа. И этим человеком был великий ритор Киннам.

* * *

Бал был в разгаре, гости всюду веселились, а у Мари на душе становилось всё грустнее, несмотря на то, что многие танцы у нее уже разобрали и кавалеры были молодыми людьми из самого высшего света. Но именно это и не нравилось девушке. Она знала: на нее теперь «охотятся» как на богатую невесту, тем более что она еще и красива... ну, по крайней мере, недурна собой. Однако, видно, недостаточно красива и не так умна, чтобы обратить на себя внимание серьезных людей, а не одних искателей выгодной партии: большинство самых умных и красивых мужчин собирала вокруг себя Августа – ученых, писателей, поэтов... Там был Феодор Киннам, который поздоровался с Мари и ее отцом, но на этот раз не пригласил девушку на танец; там были знаменитый юморист Афанасий Цец, известный писатель-фантаст Сергей Лукарис, великий domestik генштаба Александр Кавасила, дипломат Евдоким Комнин и многие другие именитые лица. Августа была снова в таком наряде, что у любой женщины при виде него захватывало дух: пурпурный шелк с отливом в синеву; юбка, украшенная легкой драпировкой, как будто незамысловатой, но придававшей платью неповторимый шарм; глубоко вырезанный лиф с прихотливым узором из сверкающих бриллиантов; тончайшие кружевные перчатки в цвет платья на божественной формы руках; обнаженные плечи, покрытые теплым золотистым загаром; бриллиантовые шпильки в темных волосах, синие глаза, блестящие еще ярче алмазов, и улыбающиеся губы, за поцелуй которых, наверное, не один мужчина продал бы душу дьяволу... Разве с ней можно соперничать?!

Император протанцевал с женой открывавшую бал афрису и следовавший за ним вальс, а потом совсем исчез из зала – видимо, в бильярдную, куда чуть позже ретировался и Омер Никос, заповедав дочери «развлекаться от души». А она рассеянно слушала комплименты очередного кавалера и, косясь в сторону большой ложи, где императрица блистала в окружении своих поклонников, думала: «Нет, я никогда, никогда не выйду замуж ни за кого из этих искателей богатых невест!.. Как это пошло! Интересно, кто из них посмотрел бы на меня тогда, когда я была просто Мириам и жила в Скутари? А теперь и не узнаешь, кто любит тебя саму по себе, а кто – только в приложение к твоим деньгам...»

– Послушайте, Александр, – раздраженно прервала она своего собеседника, – вы мне этот анекдот уже на прошлом балу рассказывали! Неужели за три месяца вы не могли придумать ничего нового? Как это скучно, в самом деле! Предлагаю вам найти даму с более короткой памятью, а мне разрешите вас покинуть! – Мари резко повернулась и, оставив незадачливого кавалера в ошеломлении, быстро пошла в противоположный конец зала.

Дворец, где давались торжественные балы, походил на фантастический каменный трилистник. Он был построен в середине роскошного восемнадцатого века. Архитектор, несомненно, вдохновлялся европейскими бальными залами, но сохранил план исторического Триконха, стоявшего на этом месте почти тысячу двести лет назад. Три просторные округлые абсиды завершались резными полукуполами-раковинами, переходившими в общий свод, под которым и совершалось бальное действо. Огромные «лепестки» дворца – высокие полуцилиндры, соединенные наподобие листьев клевера – были разделены на ярусы. В среднем располагались гостевые ложи в два уровня – в том числе ложи императора и императрицы. В боковых помещались оркестры, буфеты, уборные и большая бильярдная. Изрядно помучившись с компоновкой столь сложного помещения, зодчий дал полную свободу фантазии, украсив дворец лепниной, позолотой и витражами. За реконструкцию здания брались уже не однажды, но всякий раз оставляли это занятие, ограничиваясь небольшим ремонтом. А в последние годы доходы от туристов, посещавших Триконх в несправдливое время, вполне оправдывали его содержание.

Ложа августы, как обычно, была наполнена народом, тогда как императорская выглядела пустой. Евдокия восседала в пышном старинном кресле, окруженная целой толпой мужчин. Лучшие умы Империи – а пожалуй, и мира – старались обратить на себя внимание коронованной красавицы, которая, казалось, пребывала на вершине блаженства. Из ложи доносились взрывы смеха, вокруг сновали официанты с подносами. Мари, проходя перед ложей, мысленно скривилась. Чего ожидать от этого сборища и от всех этих бесконечных разговоров? Как вообще Константин позволяет такое вольное обращение? И что хорошего можно подумать об этих умниках, снующих вокруг замужней женщины?

– «Лучше одиночество, чем дурное общество», – пробормотала Мари, подходя к столикам с напитками и фруктами, стоявшим в одной из полукруглых ниш, и вдруг почти нос к носу столкнулась с Панайотисом.

Он стоял в компании Фомы Амиридидиса и несколько неодобрительно поглядывал на веселую круговерть. Стратиотис явно чувствовал себя неуютно, но «Синописис» требовал отчетов о балах, положение обязывало. Журналист крепко держал высокий стакан с апельсиновым соком. Археолог же небрежно поигрывал бокалом, где над томатной толщей явственно угадывалась прозрачная жидкость.

– О, привет всем! – воскликнула Мари. – Веселитесь? А что, – она весело посмотрела на Фому, – внештатникам теперь тоже дают приглашения на бал?

– Конечно! И всегда давали, стоило только попросить!

– Как поживаете, Мария? – вежливо поинтересовался Панайотис.

– Да ничего так. А вы?

Журналист пожал плечами.

– Да вот, как-то... не знаю, что и писать про всё это. Я ведь не любитель таких развлечений. Да и на душе тяжело...

– Так давайте я напишу! – предложила Мари. – Напишу, что было весело и красиво. Я-то как раз любительница, – добавила она и очаровательно улыбнулась.

Фома издал невнятный стон и, неожиданно оживившись, поддержал девушку:

– А и правда, напиши! Это будет здорово – новая струя, новый взгляд. Правда ведь? – обратился он к Панайотису.

– Ну что ж, попробуйте, – солидно согласился тот. – Вдруг у вас и получится? А то я тут, – он беспомощно развел руками, – чужой, совсем чужой!

– Ну, отчего ж вы так грустны? – Мари засмеялась. – Выпейте вина, потанцуйте, послушайте музыку. Познакомьтесь с красивой девушкой, наконец!

– Какая же из красавиц сравнится с вами, Мария? – неожиданно изрек Стратиотис, – Разве что августа?

Мари с Фомой посмотрели на него в изумлении, но каждый по-своему. Мари подумала, что, как бы ей ни льстил ставший вдруг не в меру любезным журналист, именно с августой ей никогда не потягаться – и как же глупо, что она одна на всем балу не может смириться с этим! Амиридидис же подумал, что если б он сейчас достал из кармана длинный шарф и начал виток за витком, сдавливать им шею добродушного великана, тот, наверное, долго смотрел бы на него молча и удивленно, постепенно наливаясь кровью. Впрочем, Фома отогнал видение прежде, чем его воображаемый соперник, захрипев, свалился на пол.

– Э... – начал Фома.

– Да-да, – отозвался Панайотис, – ощущение какой-то безысходной бездуховности. Как будто тебя душат. И куда-то пропадают идеалы. Скрываются во мраке...

– В чем же они заключаются? – осторожно полюбопытствовала девушка.

– А вот вы почитайте «Добролюбие», больше я вам сейчас ничего не могу сказать. Просто почитайте, а потом спрашивайте.

– Ну, дружок, не можем же мы все начать жить по «Добролюбию»! – возразил Фома.

– Это почему же?

– Да потому что оно, как говорит один мой знакомый ученый, всего лишь сборник советов, а не всеобщий закон! – ответил Амиридис.

– Ну конечно, всеобщий закон у нас только один – Всемирная Энергетическая Хартия!

– О небо, ты опять про свою нефть! – вскричал археолог и закрыл руками уши.

Содержимое бокала при этом едва не разлилось, и Фома поспешил допить коктейль.

– Забудьте, забудьте о ней немедленно! – со смехом воскликнула Мари.

– Нет, друзья мои, не могу, – печально промолвил Панайотис. – Это же не просто нефть, это, можно сказать, символ! Питательная среда для апостасии – жидкая, черная и маслянистая... Это бензин, противные выхлопы, всякие полимеры, искусственные краски, фальшивые ткани... Фальшивые чувства, фальшивое веселье, за которое нам Евангелием обещано горе! Вон, посмотрите туда, – он махнул рукой в сторону танцующих, – почти все они одеты в сделанное из нефти. И, заметьте, одеты по большей части весьма нескромно и производят нескромные телодвижения...

– Вы ошибаетесь! – выдохнула Мари.

– Да, конечно, ты прав! – воскликнул Фома. – Гораздо правильнее было бы, если бы здесь шаркали деревянными башмаками такие стройные ряды монахов и монашек в серых дерюгах.

– Но друг друга бы не касались, а только издали махали руками и шептали «прости-прощай», – поддержала его девушка.

Стратиотис нахмурился.

– Монахам не положено танцевать, что вы! Согласно толкованию на правило...

Но номера правила он сообщить не успел, поскольку был прерван вежливым голосом незаметно подошедшего препозита:

– Госпожа Мария Нику? Августейший приглашает вас пройти в его ложу.

Сотрудники «Синописа» переглянулись.

– Ишь ты! – пробормотал Фома.

Сердце Мари упало до самого пола, а потом подскочило вверх, точно на резиночке, и бешено забилося. Уходя, она услышала громкий умоляющий шепот Панайотиса:

– Обязательно возьмите интервью для следующего номера...

Император сидел на мягком диванчике в глубине ложи и сразу предложил Мари сесть рядом.

– Здравствуй, девочка. Прости, что оторвал от веселий, – сказал он, глядя на покрасневшие щеки Мари. – Танцевала?

Девушка кивнула. В своей жизни она всего пару раз оказывалась наедине с августейшим, и всегда во время интервью, в почти официальной обстановке. Но для чего ее позвали теперь?

– Мари, у меня к тебе просьба. Ты знаешь, как выглядит Луиджи Враччи? Пожалуйста, пригласи его сегодня на белый вальс и потанцуй с ним. Вообще, постарайся провести с ним побольше времени. Это сложная история, я не буду вдаваться в подробности. Просто помоги нам, хорошо?

– Хорошо, – ответила Мари упавшим голосом. – А когда же будет этот белый танец?

– После перерыва, вслед за Венским вальсом. Ты просто окажись возле него к этому моменту, поговори о чем-нибудь. Сможешь? Ну, тогда беги, не буду задерживать. Да, прости, если отрываю от приятного общества.

Девушка встала с дивана, поклонилась и метнулась к двери, но Константин окликнул ее:

– Мари! – Ему померещилось что-то странное в ее лице и взгляде. – У тебя всё в порядке?

– Да-да, конечно, ваше величество, я всё исполню, – беззаботно пролепетала она и вышла.

Когда она вернулась в компанию Фомы и Панайотиса, лицо археолога озарилось радостью, а журналист с удивлением спросил:

– Как, Мария, вы уже вернулись? Так быстро? Неужели вы уже успели взять интервью у августейшего?

– О, да! Он мне сказал всё, что только мог! – саркастически изрекла Мари. – Но мог он немного.

При последних словах лицо Фомы заметно вытянулось, но Панайотис не заметил никакого подвоха и сокрушенно вздохнул:

– Как это печально! А я, признаться, уже понадеялся на этот материал...

– Так в чем же дело? – отозвалась девушка. – Пойдите тогда сами и возьмите у него интервью! Может быть, с вами он будет поразговорчивей. А мне сейчас недосуг, я должна выполнить одно важное государственное поручение его величества.

С этими словами она одарила друзей кислой улыбкой и исчезла среди гостей. Стратиотис еще не успел отреагировать на слова Мари, как Амиридидис поглядел на часы и пробормотал:

– Прости, Пан, я тоже должен тебя покинуть, у меня назначена одна важная встреча. – С этими словами он удалился в направлении столиков, сервированных более крепкими напитками, нежели соки и коктейли.

Стратиотис грустно поглядел вслед Фоме и побрел в противоположном направлении.

Между тем Мари кружила по залу в поисках юного Враччи и всё больше раздражалась. Она давно не переживала такого сильного разочарования и злилась на императора. «Он обращается со мной как с маленькой девочкой! А я ведь давно уже выросла... Но где мне найти этого итальянца? И почему вообще я должна проводить с ним время? У меня многие танцы уже заняты, а я должна вешаться на шею этому Враччи, когда он, может, и вовсе не захочет со мной общаться? Стоит ли мне вообще этим заниматься? Почему я должна решать чьи-то проблемы? До моих проблем, например, никому нет дела! Если б у него было сердце, он бы никогда не говорил со мной так холодно, таким деловым тоном! Наверное, считает, что, раз он император, все должны бежать сломя голову и исполнять любые его прихоти...»

Она так растравила себя этими мыслями, что решила ради успокоения нервов чего-нибудь выпить и направилась в левую абсиду, где, к своему изумлению, наткнулась на Фому в компании того самого молодого человека, которого ей полагалось найти. Они оживленно беседовали по-итальянски, благо Амиридидис никогда не упускал случая продемонстрировать знание доброй половины европейских языков. Мари итальянского не знала, и мысль об этом еще больше раздосадовала ее. «Вот интересно, как же я буду с ним общаться? – подумала она. – Не заговорить ли с ним по-турецки? Не поймет – его проблемы! А я потом скажу августейшему, что не смогла выполнить его задание, поскольку он не дал мне переводчика!» Но тут Фома заметил ее и радостно воскликнул:

– Мари! Как чудесно, что ты здесь оказалась! Надеюсь, ты уже выполнила свое секретное задание и составишь нам компанию! Познакомься пожалуйста: Луиджи Враччи, мой хороший друг, он тоже занимается археологией. Луиджи, знакомься: Мария Нику, моя коллега по «Синописису».

Глаза Фомы подозрительно сильно блестели, и судя по смелости, с какой он обращался к Мари, археолог уже изрядно подогрел свой темперамент. Луиджи галантно поклонился девушке и, к ее немалому удивлению, произнес на вполне сносном греческом языке:

– Очень рад с вами познакомиться, Мария! Вы поистине пришли украсить наше общество! Это платье вам очень идет!

Мари порозовела от удовольствия и ответила:

– Благодарю вас, Луиджи! Мне тоже очень приятно. – И она кокетливо улыбнулась итальянцу.

Фома тут же помрачнел и, кажется, даже немного протрезвел. Луиджи, однако, не обратил на улыбку новой знакомой никакого внимания, но внезапно чуть нахмурился, и его темные глаза гневно сверкнули. Проследив направление его взгляда, девушка увидела принцессу,

которая, весело смеясь, разговаривала с элегантным молодым человеком и в этот момент как раз что-то записала в свою бальную книжку – очевидно, принимала приглашение на танец. «Ах, вот оно что! – подумала Мари. – Уж не хочет ли император с моей помощью отвлечь этого Луиджи от принцессы? Какое чудовищное лицемерие! Надо, наверное, еще сказать спасибо, что он не послал меня к кому-нибудь из поклонников августы! А может, ему и дела нет до того, кто там развлекает его жену? Похоже на то! Разве мой папа позволил бы маме так себя вести, даже если б они были христианами?!» Вероятно, Мари бы и дальше погружалась в злые мысли, но тут магистр оффиций объявил Босфорский вальс, и девушка, вздрогнув, растерянно посмотрела на своих собеседников: она вспомнила, что на этот танец ее никто не пригласил.

– Ой, – сказал Луиджи, – прошу прощения, но я должен идти к своей даме. Было очень приятно! – И, поклонившись, он быстро пошел прочь.

«И с этим мужланом я должна провести остаток вечера?! – подумала Мари. – Кажется, меня принимают за дурочку...»

– А ты разве не приглашена на этот танец, Мари? – с надеждой спросил Фома. – Осмелюсь ли я пригласить тебя?

– Конечно, Фома, – Мари обворожительно улыбнулась, – если только ты не будешь наступать мне на ноги!

– Э... Я попытаюсь, – смущенно пробормотал археолог.

* * *

Покинутый друзьями, Стратиотис добрался до столика с соками, вяло раздумывая о том, что и Мари тоже вполне могла бы родить ему парочку румяных карапузов. Опустошив до половины стакан свежавыжатого апельсинового сока, он погрузился в мысли о несостоявшемся интервью с императором: увы, без него следующий номер «Синописа» уже безнадежно испорчен!.. Размышления журналиста прервал громкий и несколько визгливый женский голос, который сказал по-немецки:

– Дорогой, ты опять тут нашел этот мерзкий скифский напиток?

Панайотис повернулся и увидел возле соседнего столика странную пару: высокого худого рыжего мужчину лет пятидесяти, с пышными бакенбардами и скептически опущенными уголками тонких бледных губ, в котором журналист узнал канцлера Германского Королевства Генриха Меркеля, и гренадерского роста чрезвычайно дородную даму с круглым румяным лицом и прической, напоминавшей о взбитых сливках, – это была супруга канцлера Ангела. Канцлер держал в одной руке рюмку с прозрачной, как слеза, жидкостью, а в другой – вилку с нацепленным соленым рыжиком.

– Ах, дорогая, ты, право, заблуждаешься, – невозмутимо ответил господин Меркель, – эта штука куда полезней шнапса! К тому же ты должна меня извинить: я так скучал по тебе, мой ангел! Но надеюсь, ты хорошо потанцевала?

Стратиотис живо представил себе соответствующую картину и поспешил проглотить остатки сока. Он подумал, что этот «ангел» в бальном зале наверняка должен напоминать пустившуюся в пляс колонну Юстиниана.

– Ох, дорогой, – отозвалась между тем госпожа Меркель, – разве здешние мужчины умеют танцевать? Мне целых два раза наступили на ногу! Правда, я, кажется, не осталась в долгу...

«Какое счастье – не быть танцором!» – подумал господин Меркель и сказал:

– Современные люди слишком торопятся, особенно здесь, в этой стране бурных страстей и спонтанно принимаемых решений...

Стратиотис наострил уши и подумал: «Как хорошо, что я знаю немецкий!»

– Но говорят, тут попадаютя и весьма отменные кавалеры, – добавил канцлер, отправляя в рот рыжик.

– О нет, уволь, дорогой! – воскликнула госпожа Меркель. – Я тут такое узнала о здешних плясунах, что теперь просто не чувствую себя в безопасности!

«Разве что набоб Индии подарил императору вальсирующего слона?» – подумал господин Меркель и постарался изобразить на своем лице беспокойство:

– Неужели всё так ужасно, дорогая?

– Ты просто не представляешь! – Госпожа Меркель перешла на шепот, но такой возбужденный, что Панайотис всё прекрасно слышал. – Анна Тулиату, директор «Амфоры», рассказала мне совершенно ужасные вещи про ректора Афинской Академии! Оказывается он донжуан, каких поискать: у него были внебрачные связи даже при живой жене! А уж о том, как он гулял после ее смерти, можно написать целую книгу! Всё это происходило буквально на глазах у Анны! Она сама едва не стала жертвой необузданных страстей этого ловеласа! Представляешь, какой ужас? Как только император мог допустить подобного человека до такого ответственного поста? Какой пример он подает там юношеству и своим коллегам?! Мало того, его постоянно приглашают сюда! Августа с ним не расстанется!

«У августы вообще-то неплохой вкус!» – подумал господин Меркель.

– Что поделать, дорогая, – сказал он меланхолично, – это же Византия! Здесь нравы никогда не блистали чистотой. Вспомнить одного только Льва Седьмого, который обменивался наложницами с тонкими ценителями – турецким султаном и египетским хедивом!

– Нет-нет, это возмутительно! – Госпожа Меркель вошла в раж. – Здесь столько юных неискушенных созданий! Какой опасности подвергается их нравственность! Ведь этот Киннам танцует только с молодыми хорошенькими девушками! Наверняка ищет новую жертву!

«Еще бы с ними не танцевать!» – усмехнулся про себя господин Меркель и сказал:

– Конечно, это ужасно, дорогая! Но я слышал, что в последнее время он предпочитает зрелых дам...

«Почему бы теперь, любимая, тебе не скрыться куда-нибудь в испуге и не оставить меня наедине с этим чудесным напитком?» – подумал канцлер с некоторой тоской глядя на свою рюмку. Но госпожа Меркель вместо испуга проявила живейшее любопытство:

– Да что ты говоришь? Кто же тебе об этом сообщил?

– Ты знаешь, дорогая, – сказал господин Меркель, целомудренно опуская взор, – имена тут, пожалуй, будут излишни, но муж одной пожилой дамы сообщил мне, что после мимолетной беседы с Киннамом она и оглянуться не успела, как в тот же вечер оказалась с ним в постели, и самое ужасное – она совершенно не помнила, как это произошло!

Пока канцлер говорил, глаза Ангелы распахивались всё шире.

– Какой кошмар! – воскликнула она. – Надо немедленно предупредить тетюшку Анхен, какой это опасный человек!

– О, да-да, конечно! – живо отозвался канцлер. – Пойди предупреди ее дорогая! Никаких танцев, никаких разговоров с мужчинами, никакого вина! Только лимонад! Лишь так мы можем сохранить свою и чужую нравственность!

Он еще не закончил последнюю фразу, как госпожа Меркель упорхнула, развернувшись столь изящно, что едва не опрокинула столик с напитками и закусками. Господин Меркель облегченно вздохнул, опорожнил, наконец, свою рюмку, крикнул и уже собирался закусить свиным ухом сей «напиток северных богов», как вдруг услышал:

– Добрый вечер, господин канцлер! Простите, что я заговариваю с вами, не будучи представлен, но затронутая вами тема упадка нравственности чрезвычайно близка мне, и я не мог упустить возможность побеседовать со столь близким мне по духу человеком. Разрешите представиться: специальный корреспондент еженедельника «Синописис» Панайотис Стратиотис.

– Здравствуйте, господин Стратиотис! Я слышал о вашем издании, – вежливо сказал канцлер. – Приятно, что вы знаете немецкий!

– К сожалению, мне далеко до совершенства в нем. – Панайотис скромно потупился.

– Но ваш выговор довольно хорош, – заметил господин Меркель и, с грустью поглядев на тарелку со свиными ушками, предложил: – Не хотите ли прогуляться до бильярдной? Боюсь, сюда нагрянет моя милая супруга со своей тетушкой, и при дамах будет неудобно вести серьезный разговор.

– Сочту за честь, господин канцлер! – ответил журналист, и мужчины отправились в царство зеленых столов.

Бильярдная во время бала представляла своего рода мужской клуб: женщины сюда не допускались, можно было снять пиджак и вообще расслабиться. Но это было не только место отдыха мужчин от прекрасной половины человеческого рода: здесь завязывались узлы многих международных интриг, обсуждались торговые сделки, деловые проекты и брачные планы, давались невыполнимые обещания, и просто велись интеллектуальные беседы и задушевные разговоры, обильно сдобренные хорошими винами или более крепкими напитками в сопровождении изысканных яств. Император проводил здесь гораздо больше времени, чем в танцевальном зале. В этот вечер Константин пребывал в приподнятом настроении: некоторые переговоры прошли на редкость удачно, и император мог себя мысленно поздравить с успехом. Выиграв очередную партию на бильярде, он решил поинтересоваться, что германский канцлер так оживленно обсуждает с журналистом «Синописа» возле малахитового стола, уставленного напитками и деликатесными закусками из Сибирского царства. Приблизившись, он разобрал возбужденную речь господина Меркеля, чье обычно бледное лицо сейчас напоминало по цвету соленую семгу, лежавшую перед ним на фарфоровом блюде:

– Ваше беспокойство, герр Стратиотис, совершенно обоснованно! Я сам весьма обеспокоен повсеместным падением нравов! Правда, у нас, в старой доброй Германии, все-таки еще сохраняются какие-то понятия о добродетели и семейных ценностях... Но мог ли я помыслить, что здесь, в столице христианского мира, я окажусь в одном зале с безнравственнейшим человеком, который при этом занимает ответственнейший пост, связанный с воспитанием юношества?!

«Неужели слухи об этом старом ловеласе Папандопулосе из Смирнского Университета доползли уже до целомудренной Германии?» – подумал император и решил подойти еще ближе.

– Да! – распаялся между тем всё более господин Меркель. – Этот ваш Киннам, говорят, принимает экзамены у студенток исключительно в спальне! Он трижды начинал считать своих женщин и все три раза сбивался! И говорят, он может так уложить женщину в постель, что она этого даже не осознает!

– Неужели это правда?! – ужаснулся Стратиотис. – О, теперь я понимаю, почему он был против возобновления уроков христианского воспитания в школах! Ведь это не без его влияния провалился такой полезнейший проект – его интервью об этом было таким кошмарным! Столько сарказма и совершенно антихристианского ехидства! А его перепечатали почти все центральные издания, и в результате дети так и остались без наставления о путях спасения... Но то, что вы говорите, господин канцлер, совершенно немыслимо! Право, я в растерянности... Ведь недавно августейшая заказала нашему «Синопису» библиографический обзор всех романов Киннама, и я уже поручил написать его одной молодой сотруднице. Боюсь, я допустил страшную ошибку! Ведь подобное чтение может расстроить ее неокрепшее духовное устройство!

Император хмыкнул про себя и, отходя, подумал: «Даже если эта болтовня правдива лишь отчасти, всё же очень странно, как это Киннаму удастся так очаровывать женщин...»

* * *

Отец предупредил принцессу перед балом, что ей лучше освежаться соком и коктейлями, а не вином, «а то ноги начнут заплетаться с непривычки», но Катерина была пьяна и без вина. До сих пор она танцевала только на семейных балах, обычно проходивших в Золотом триклине, где присутствовал ограниченный круг лиц: императорские родственники и избранные синклитики с семьями, – а теперь она впервые оказалась в огромном бальном зале Триконха, в гуще самых разнообразных гостей, в центре внимания. В ее первый выход в свет, казалось, все мужчины хотели танцевать с ней, и ее бальная книжка заполнилась именами кавалеров почти моментально. Луиджи Враччи среди них не было, зато три вальса предназначались Василию Феотоки – об этом Катерина условилась с ним заранее. Молодой человек впервые в жизни оказался в высшем свете, и в перерывах между танцами Катерина старалась побольше общаться с ним, чтобы он не стусевался.

Но, конечно, она не могла находиться рядом с возницей постоянно: к ней всё время кто-то подходил, поздравлял с первым выходом, говорил комплименты, она смеялась, шутила и ощущала, как в ней начинает пениться и играть внутреннее шампанское – хотелось танцевать, блистать, шутить или кого-нибудь уязвить острым словом... Последнее желание даже заставило ее немного пожалеть о своем решении не общаться с молодым Враччи: вот кого можно было бы колоть без всякой жалости! Но Катерина решила выдержать тактику и не подходить к Луиджи, зато продолжала опекать Василия.

Она рассказывала ему о гостях, кое с кем познакомила – многих тут принцесса уже знала, встречаясь с ними на театральных представлениях, литературных вечерах и других, менее помпезных, чем большие балы, мероприятиях. Но вскоре Катерина ощутила некий внутренний диссонанс: хотя она общалась с возницей как более опытная и искушенная в великосветской жизни – всячески ободряла его, представляла гостям и посвящала в тонкости придворного этикета, – это почему-то выглядело так, будто девочка рассказывает взрослому дяде о правилах игры в куклы... Хотя Василий и был поначалу смущен, попав в столь блистательное общество, это продолжалось недолго: вскоре он совершенно успокоился и освоился, но при этом смотрел на окружающее скорее как наблюдатель, а не как полноценный участник. Он ощущал себя чужим в этой среде, однако не стремился стать в ней своим и как будто не испытывал в этом потребности; глядя на него со стороны, можно было даже подумать, что, появившись на этом балу, он отбывает повинность, пусть и приятную. Танцевал Феотоки мало: кроме танцев с Катериной, он станцевал еще два, потом заглянул в бильярдную и пропал там на время, а вернувшись, уже не отходил от столов с яствами, беседуя с гостями – многие подходили поздравить его с успехом на бегах. Принцесса не могла не отметить, что Василий танцует не особенно хорошо, и это ее раздосадовало. Умение танцевать было не обязательным, но желательным для претендентов на Великий приз Ипподрома, и все, кого допустили до предварительных тренировок, могли брать заодно и уроки танцев. Феотоки ходил на эти уроки, и Катерина была уверена, что при усердии он мог бы научиться танцевать достаточно хорошо, если же этого не случилось, то, значит, он не очень-то старался учиться... Не потому ли, что умение танцевать казалось ему не особенно нужным в жизни? В этом тоже ощущалась позиция всего лишь «наблюдателя», который, хотя по случаю и попал в большой свет, не имеет желания тут задерживаться.

Принцесса уже собиралась отчитать Василия за «глупую робость», как она мысленно называла его поведение, но тут внутреннее шампанское ударило ей в голову и заставило забыть о Феотоки: объявили Венский вальс, на который она была приглашена ректором Афинской Академии, и этот танец напрочь унес ее из реальности и заставил забыть обо всех замыслах и тревогах. Из всех кавалеров, что были у Катерины за ее жизнь – а их было немало, – счи-

тантные единицы танцевали так потрясающе, как Киннам. На большом балу принцесса впервые оказалась в паре с мужчиной, танцевавшим настолько прекрасно, что она могла совсем не думать о том, как именно двигаться: ноги сами несли ее по залу, и казалось, ошибиться, танцуя с великим ритором, невозможно. Принцесса в глубине души побаивалась этого вальса, такого быстрого и непростого, и смутно догадывалась, что Киннам нарочно пригласил ее на него, чтобы избавить от боязни, – и танец превратился в волшебный полет: летели ноги в пурпурных с золотым шитьем туфельках, едва касаясь пола, летело вокруг ног шелковым облаком золотистое с пурпурными вставками платье, летели завитые пряди волос у ее висков, летели брови великого ритора над его улыбающимися глазами... Когда вальс окончился, Катерина, совершенно ошеломленная, только и могла прошептать:

– Спасибо!

– Рад, что вам понравилось, ваше высочество! – Великий ритор с улыбкой поклонился.

– Понравилось? Не то слово! – Принцесса перевела дух и уже могла говорить внятно. – Мне казалось, я не танцую, а летаю!

– У вас не закружилась голова?

– Нет, и это просто удивительно! Но думаю, это благодаря вам, господин Киннам! У вас в Афинах все так божественно танцуют?

– Приезжайте в гости, проверьте, я готов нарочно ради вас устроить внеочередной академический бал. Но если серьезно, то я танцевал гораздо хуже, когда впервые приехал на Ипподром, многому я научился уже здесь. Да и где учиться всяческому совершенству, как не в столице мира?

– Подозреваю, вы прибудняетесь! Даже в столице мира немногие танцуют так, как вы, а значит, у вас талант! А что, у вас в Академии часто бывают балы?

– Я слышу в вашем голосе вождение, ваше высочество, но вынужден вас разочаровать: нечасто, только под новый год, на Светлой седмице и выпускной. Ученые мужи и жены предпочитают танцевать в обнимку с книгами, вы понимаете.

Принцесса рассмеялась.

– Где же в таком случае вы могли так выучиться танцевать? Ведь вы же явно отлично танцевали еще до того, как стали ездить сюда!

– Я танцую с десяти лет, ваше высочество. Мой отец частенько устраивал домашние балы, и у меня был хороший учитель. Видите, никакой алхимии, всё просто и банально. Но вы и сами прекрасно танцуете, я получил истинное удовольствие!

Они весело поболтали весь перерыв, и принцесса отчаянно жалела, что все танцы у нее уже распланы, – она не остановилась бы перед тем, чтобы попросить Киннама еще раз пригласить ее. Протанцевав кадрили с Михаилом Нотарасом и постаравшись отвлечь его шутками от печальных мыслей: не выиграв ни одного заезда в первый же день скачек, он теперь не мог рассчитывать на Великий приз, – Катерина поискала глазами Феотоки и обнаружила его в компании журналиста Стратиотиса, который вел с Василием очень обстоятельную беседу: это читалось издали по исполненному значительной серьезности лицу журналиста и по вежливо-заинтересованной выразительности лица возницы... Принцесса вознамерилась спасти Василия от «этого зануды», но Панайотис при ее появлении даже не подумал ретироваться – напротив, он обратился к ней чрезвычайно почтительно и с весьма серьезным видом:

– Вы оказали нам великую честь, ваше высочество, соблаговолив присоединиться к нашему разговору! Позвольте мне узнать ваше мнение по важному вопросу, который мы с господином Феотоки как раз обсуждаем: как вы полагаете, нанесет ли предполагаемое строительство нефтепровода ущерб духовной жизни киликийских отшельников?

Катерина ошарашено посмотрела на журналиста. Ее душа всё еще пребывала в состоянии полета после Венского вальса, в сердце пенилось веселье от бесед с кавалерами – а тут какой-то нефтепровод, отшельники... Бог знает, что такое!

– Простите, какая духовная жизнь? – спросила принцесса, слегка встряхнув головой.
– Ну, духовная жизнь, которая... возрастает... в жизни духа, – Стратиотис понял, что запутался, и смутился.

– А, ну так этот вопрос надо поставить перед духовным начальством, радушно правящим страждущими душами в душных ущельях.

– Я рад, что ваше высочество меня понимает. – Журналист широко улыбнулся. – Но почему ущелья душные? Там дуют ветры, и зимой даже довольно холодно, и...

– Ну да, ну да, те духовные ветры духовности, от которых происходит благорастворение воздушных, я их имела в виду.

Василий потихоньку отвернулся, не в силах скрыть улыбку.

– Спасибо, ваше высочество! – Обрадованный Панайотис даже слегка поклонился. – Но вопрос в том, как донести этот вопрос вопросов до иерархии?

– Очень просто: надо поговорить со святейшим патриархом, – быстро отозвалась принцесса.

– Гм... Об этом я не подумал, – проговорил Стратиотис. – Но ведь святейший многолетен, и немощен, и истомлен напряженной литургической жизнью, которая...

– Так поговорите с его духовником! Скажите, что вас к нему послал... владыка Кирик!

– Премного, премного благодарен! – Панайотис закивал в легкой задумчивости, после чего наградил слушателей длинной и многозначительной фразой, в которой можно было понять только ключевые слова.

– О! – воскликнула вдруг Катерина, глянув куда-то вдаль. – А вот и он сам!

– Кто? – одновременно спросили журналист с возницей.

– Отец Евпсихий, патриарший духовник! Вон он, только что скрылся за колонной!

– Не может быть... – усомнился Стратиотис. – В таком месте?

– Между прочим, нормальное место, – слегка возмутилась принцесса.

Она решительно взяла журналиста за локоть и быстро развернула в направлении колоннады. Несмотря на существенную разницу в росте и физической силе между Катериной и Панайотисом, маневр удался, благодаря растерянности журналиста.

– Догоните же его, вам сегодня везет! – сказала принцесса почти приказным тоном.

Панайотис нерешительно двинулся вперед, что-то бормоча под нос. Когда он отошел, принцесса напустилась на Феотоки:

– Как ты мог поддерживать разговор с этим занудой?! Я не могла дождаться, когда он исчезнет отсюда со своими монахами! Вот, в самом деле, нашел тему для разговора на балу! «Признавая стратегическую важность этого нефтепровода не могу не заметить, что ущерб, который он может нанести соблюдению литургического устава киликийских монастырей...» – передразнила она Панайотиса, надув щеки. – Ну, что за бред?! Подумаешь, день-два они помолются не в то время, в какое всегда, или меньше псалмов прочтут, чем обычно, от этого что, небо рухнет? Вообще не понимаю, как можно всерьез говорить о таком! Неужели тебе это интересно?

– Не особенно. – Василий улыбнулся. – Но, видишь ли, ему тоже надо с кем-то пообщаться, а большинство людей на него реагируют, наверное, примерно как ты, а ему скучно и вообще... Ну, словом, я решил пожалеть ближнего, с меня ведь не убудет, если я послушаю его разглагольствования, а ему бальзам на душу!

Принцесса хмыкнула и ничего не ответила. Формально возница был прав, но это раздосадовало ее. «Жалеть ближнего», может, и хорошо, только она бы куда с большим удовольствием поприкалывалась над Стратиотисом! Но Василий ее не поддержал...

– Кстати, если он такой зануда, то как же его держат в официальном издании, опекаемом сама знаешь кем? – с толикой лукавства поинтересовался Феотоки.

– Так говорят, пишет-то он совсем иначе! Я, правда, не читала.

Вдруг рядом, словно из-под земли, возник препозит Евгений и, грациозно поклонившись, сказал:

– Ваше высочество, прошу прощения, что вторгаюсь в вашу беседу с господином Феотоки! Ее величество просила передать, что хочет побеседовать с вами немедленно. Она ждет вас в малахитовой гостиной.

В небольшую гостиную, одно из многих окружавших огромный бальный зал помещений, где стены были облицованы зеленым с белыми прожилками мрамором, а декоративные колонны и потолок малахитом, Катерина вошла с некоторым сердечным трепетом, но готовая к схватке – она догадывалась, о чем мать хочет говорить с ней: конечно, августу не могло понравиться то, как дочь игнорировала юного Врачки, несмотря на вчерашние пожелания родителей... Императрица сидела на обтянутом золотой парчой диване, перед ней на столике, отделанном малахитом и позолотой стояли несколько бокалов с соками. Евдокия окинула дочь взглядом и сказала:

– Садись. Соку хочешь?

Принцесса молча села рядом с матерью, взяла бокал гранатового и отпила чуть-чуть.

– Я вижу, твой первый выход в свет проходит успешно, – продолжала августа. – Поздравляю!

– Спасибо! – Катерина улыбнулась.

– Теперь тебе предстоит много общаться с представителями сильной половины рода человеческого, и по этому случаю я хочу кое-что сказать тебе, не как мать дочери, а как женщина женщине. Ты должна иметь в виду, что мужчины тщеславны ничуть не менее, а то и более женщин, и у них обычно очень высокая самооценка. Поэтому, если ты хочешь привлечь внимание мужчины, то постоянно вешаться ему на шею или играть при нем роль опекуны – не слишком удачная тактика.

Катерина вспыхнула и хотела заговорить, но августа чуть прикоснулась к ее руке:

– Подожди, сначала выслушай. Я объясню, почему это так. В первом случае мужчина может счесть тебя легко доступной и перестанет уважать, а во втором ты в конце концов начнешь его раздражать, потому что он почувствует себя униженным. А если ты хочешь дать понять мужчине, что он тебе не нравится, то нарочито избегать его и вести себя невежливо – тоже не самая удачная тактика. Если мужчина глуп, то тонких намеков не поймет, а грубость станет для него поводом пересудить тебя в какой-нибудь компании и даст пищу для сплетен. Если же он умен, то припишет твое поведение не своим недостаткам, а твоим. Например, он вполне может подумать, будто ты избегаешь его потому, что боишься показаться перед ним в невыгодном свете.

Принцесса вздрогнула и, чуть помолчав, проговорила:

– Ты хочешь сказать... что Луиджи Врачки...

– Луиджи, да будет тебе известно, прекрасно танцует. Поэтому смотри, как бы он не подумал, будто ты избегаешь его потому, что сама танцуешь не очень-то хорошо. И, что еще хуже, то же самое он может подумать о твоём уме, образовании и других качествах.

Катерина покраснела и закусила губу.

– Ну, я могла бы с ним станцевать, конечно, – сказала она, – но у меня уже не осталось свободных танцев.

– О, тебя надо отдельно поздравить с таким успешным дебютом! Но эта проблема легко разрешима. – Августа поднялась. – Сейчас я прикажу объявить белый вальс.

Принцесса, которая уже собиралась встать, откинулась на спинку дивана и растерянно посмотрела на мать.

– И что, я должна буду... пригласить его?

– Боишься? – спросила Евдокия, чуть приподняв брови.

– Боюсь?! – Катерина вскочила на ноги. – Нисколечко!

– Тогда вперед!

* * *

Медленно поднимаясь по застланной темно-красным ковром лестнице на площадку, откуда объявлялся очередной танец, императрица ощущала, как в ней закипает досада. Мало того, что Катерина повела себя на балу невозможным образом – надо молить Бога, чтобы замечательные это гости и журналисты списали всё на ее «детский возраст» или наивный восторг перед героем нынешних бегов! – но еще и дочь Никоса вовсе не собиралась затевать интригу с Луиджи, на которую ее собирався подговорить император. По просьбе августы, Евгений показал ей Мари: юная турчанка и не подумала «поиграть» с Луиджи, проводя время совсем в другом обществе. «То ли она совсем глупенькая, то ли он ей так хорошо объяснил? – сердито думала Евдокия. – И хоть бы поинтересовался, как этот „прелестный ребенок“ выполняет его задание!» Но Константин как пропал после Фракийского вальса в бильярдной, так и не выходил больше оттуда. А ведь она сказала ему, что белый вальс будет вскоре после Венского, и муж обещал к этому времени появиться в зале, чтобы она могла пригласить его... И вот, где он?! Нет, ждать его дальше нет никакой возможности, надо немедленно пресечь баловство дочери, которое уже могло кое-кому показаться скандальным! Хорошо бы, Конста все-таки появился в зале, когда она объявит белый танец... А если он не появится? Тогда ей придется приглашать кого-то другого. Но кого?..

Августа внезапно ощутила почти ревность к «бильярдным» собеседникам мужа, к зеленым столам, киям и шарам. Конечно, Константин решает важные деловые вопросы, и она давно смирилась с тем, что на больших балах он проводил рядом с ней мало времени, хотя порой это вызывало у нее досаду; но еще никогда не случалось, чтобы муж забыл о белом вальсе. А разве она хочет от него слишком многого и трудно исполнимого? Всего три-четыре танца за весь долгий бал! Или он, как и ее поклонники, тоже считает, что его «виртуального» присутствия на балу для нее достаточно – стоит обозначить его словесно, и оно тут же материализуется? Всё это, конечно, хорошо, но с одним августейшим именем не станцуешь! Неужели она должна посылать к нему туда препозита с напоминанием о танце?! Все-таки Конста не маленький, и если он не считает нужным вспоминать о том, что обещал ей, то... она сумеет развлечься без него! Евдокия прикусила губу и в этот момент стала очень похожей на свою дочь. Да! Разве она не царица бала? Не вправе ли она пригласить на танец кого угодно? Конечно, она уже много лет танцует белый вальс только с мужем, но... это ведь не какое-то писанное правило, которое непременно надо соблюдать всегда! Тем более, что муж, судя по всему, и сам не рвется танцевать с ней...

Поднявшись на площадку, императрица улыбнулась магистру оффиций, который низко поклонился ей, взяла микрофон и оглядела зал: нет, император не появился. Между тем время на ожидание истекло: оркестр был поставлен в известность о том, что сейчас пойдет вне очереди вальс Муз, и оставалось только объявить его. Евдокия испытала новый прилив досады, и тут ее взгляд наткнулся на великого ратора: Киннам, прислонившись к колонне недалеко от лестницы, переговаривался с ректором Сорбонны-VI. Француз стоял к августе боком, а «самый красивый мужчина Эллады», как его называли за глаза дамы, смотрел на Евдокию, и досада в ней внезапно сменилась приятным возбуждением. Вот кого она пригласит! Один из лучших танцоров на балу и, конечно, развлечет ее: он удивительно тонко ощущал ее настроение и, если она была раздражена или взволнована, всегда умел повернуть разговор так, чтобы успокоить и развеселить, – а вальс будет медленный, подходит для беседы. Как хорошо, что Феодор оказался тут поблизости! И августа с улыбкой поднесла к губам микрофон.

– Дамы и господа! – раздался из громкоговорителя под потолком бильярдной мелодичный голос императрицы. – По традиции наших балов, я вне очереди объявляю белый танец!

На этот раз мы будем танцевать всеми вами любимый вальс Муз. Итак, дамы приглашают кавалеров!

«Как, неужели уже белый вальс?» – удивился император и вспомнил, что Венский, действительно, недавно прошел, а он забыл о просьбе августы появиться в танцевальном зале, заговорившись с ирландским королем о судьбах Великой Британии. Но, хотя виной тому была его забывчивость, Константину, тем не менее, стало неприятно, что Евдокия впервые за много лет пошла танцевать белый вальс с кем-то другим. «Она могла бы меня и подождать или хотя бы прислать сюда Евгения с напоминанием, – подумал он. – Кого же она пригласила, интересно?» Вслед за этим его встревожила другая мысль: «Как там Мари с Луиджи? Надо все-таки пойти посмотреть, что там происходит...» Он поспешил закончить исполненную тонких намеков беседу с его величеством Томасом Мак-Донахом и потайным переходом направился в свою ложу.

В левом переднем углу обитой пурпурным шелком ложи были закреплены друг над другом большие мониторы, куда камеры транслировали происходящее во всех залах Триконха. Император взял пульт управления и, поиграв кнопками, немного увеличил изображение на верхнем экране, чтобы лучше разглядеть танцующих. Он почти сразу различил августу, медленно плывшую по залу в объятиях своего кавалера, и, еще увеличив изображение, Константин увидел, что она танцует не с кем иным, как с ректором Афинской Академии. Они беседовали и улыбались друг другу, Евдокия слегка откинула голову, и император прочел на лице августы радость, граничившую с упоением, почти детское удовольствие. Правда, он знал за ней эту склонность безудержно отдаваться танцу, но сейчас в лице Евдокии ему почудилось нечто большее, чем просто наслаждение музыкой и движением. Константин приоткрыл глаза к ее кавалеру, и происходящее не понравилось ему еще больше: на лице Киннама читались такое упоение и восторг, что у императора перехватило дыхание от острого приступа ревности. Ему мгновенно вспомнился подслушанный разговор Меркеля со Стратиотисом, и хотя сплетни о похождениях великого ритора еще так недавно вызвали у Константина лишь усмешку, теперь, при виде собственной жены в объятиях этого «безнравственнейшего человека», ему стало не до смеха. Почему она пригласила именно Киннама? И как смели эти двое так наслаждаться присутствием друг друга?! Как дерзали они почти неотрывно смотреть друг другу в глаза, так улыбаться и разговаривать, словно были одни в целом мире?! Или Евдокия совсем забыла, кто она и где находится? Константин тут же пожалел, что ушли в прошлое времена, когда ромейские августы не танцевали с гостями, а принимали от них поклонение, сидя на троне, в окружении евнухов...

Рука императора дрогнула на кнопке, изображение ушло чуть влево, и на экране крупным планом появилась другая пара: Мари и какой-то бородатый молодой человек, явно посредственный танцор, но девушка, похоже, была им довольна. «Как же это? Кто это? Что они делают? – бессвязно подумал император. – Что вообще тут происходит?! И где Луиджи?» Он немного уменьшил масштаб изображения и вдруг увидел Луиджи, танцующего с Катериной. Хотя этот факт должен был его обрадовать, никакой радости император не ощутил. Всё шло совсем не так, как он себе представлял, и он испытывал неприятное ощущение, что не только потерял всякий контроль за ситуацией, но вообще совершенно не понимает, что делается вокруг.

Он растерянно опустил голову и принялся смотреть на проплывающие мимо ложи пары. Киннам с августой были по-прежнему поглощены друг другом, и император с раздражением подумал о том, что они странным образом умудряются не сбиваться с ритма и не падать. Катерина с Луиджи, кажется, ни о чем не разговаривали, но по лицу принцессы Константин понял, что танец доставляет ей огромное удовольствие – неудивительно, ведь юный Враччи в самом деле был прекрасным танцором. Всё новые и новые пары представали взору императора, и внезапно он увидел Мари и заметил, что она смотрит прямо на него, то есть в объек-

тив телекамеры. Причем, в глазах девушки Константин прочел и упрек, и обиду, и одновременно как будто даже чувство превосходства. Константину вдруг стало неудобно. Он поднялся и вышел, сказав одному из стоявших у дверей комитов императорской ложи:

– Я уйду, передайте препозиту, чтобы продолжали без меня.

Покинув Триконх через потайной выход, Константин отправился в дворцовую обсерваторию, надеясь, что созерцание далеких миров развеет его мрачные мысли и поможет собраться.

* * *

Возвратившись с бала уже после полуночи, Августа заглянула к сыну, который вернулся двумя часами ранее с детского бала, устроенного одновременно со взрослым в соседнем с Триконхом Мраморном дворце. Кувикуларии сообщили ей, что Кесарий был в восторге от праздника, «но умирнул и, конечно, уже спит». Тихонько войдя в спальню, Евдокия зажгла матовый ночник у двери и, неслышно ступая по мягкому ковру, подошла к постели сына. Августа долго с нежностью смотрела в его лицо, в чертах которого, несмотря на десятилетний возраст, уже в полной мере проступал характер – такой же упрямый и волевой, как у отца, но с унаследованной от матери горячностью и склонностью к нарушению правил. Евдокии хотелось запечатлеть поцелуй на этом высоком чистом лбу над круто изогнутыми темными бровями, но она боялась разбудить принца и, еще немного с улыбкой постояв у его кровати, тихо покинула комнату.

Придя в свои покои, она поинтересовалась у препозита, у себя ли Константин, и Евгений ответил, что император еще не возвращался. Августа почти умиротворилась, глядя на спящего сына, и готова была простить мужу его невнимание на балу, но теперь почувствовала новый приступ обиды: «Вот как! Он не только не соизволил явиться потанцевать со мной, но еще и пропал с бала неизвестно куда! Даже не сказал, где он и когда вернется!» Правда, она предполагала, что он или в библиотеке, или в обсерватории, где любил проводить время поздними вечерами, и могла позвонить ему, но ей уже не хотелось. Если он решил ее игнорировать, то ему же хуже! И разве он пренебрег только ею? Похоже, до Катерины и ее возможного жениха ему тоже мало дела. «Значит, он придумал эту дурацкую интригу, а продвигать ее в жизнь должна я?! Очень мило!»

Евдокия ощутила, что ее снова охватывает раздражение, и решила подумать о чем-нибудь приятном. Но почти всё приятное, испытанное ею в этот вечер и сразу представшее ее мысленному взору и чувствам, оказалось связано с Феодором Киннамом. Это ее немного смутило, ведь раньше при разговорах с мужем она никогда не утешалась мыслями о других мужчинах. «Но разве я виновата, что с ним так приятно общаться? – подумала она. – В конце концов, мы ничего дурного не делали!» Успокоив себя таким рассуждением, она прочла несколько вечерних молитв, приняла душ, залезла в постель и, утомившись за вечер от всех танцев, разговоров и волнений, мгновенно уснула.

Император тем временем сидел в обсерватории. Жерло телескопа поворачивалось из стороны в сторону, отыскивая на небе знакомые светила и словно прислушиваясь к их голосам. «Интересно, если бы звезды действительно предсказывали будущее, что бы они сейчас мне сказали?» – меланхолично размышлял Константин.

Он чувствовал усталость. С годами он чувствовал ее всё чаще и понимал ее неизбежность. Это трудно – отвечать за всё, ох, как трудно. Даже при наличии Синклита, помощников и всех механизмов «правового государства». Да, формально он разделяет ответственность с кем-то еще, но это ведь только иллюзия для посторонних. Наоборот, чем больше народа вовлечено в управление, тем больше любопытных глаз, пересудов, смешков: «Ну вот, а мы думали... А август, пожалуй, не на высоте положения...»

Константин часто вспоминал об одном своем державном предке. Легко же было ему править! Захотел – послал схоляриев резать зарвавшихся динатов, захотел – отнял земли у мона-

стырей и заставил монахов работать, захотел... Впрочем, кончил плохо. И память по себе оставил плохую. Таковую, что Константину даже неудобно было бы держать его портрет в приемной зале. Но... с другой стороны, ведь никто потом не пытался вернуть прежние порядки. Голову отрезали, а всё, что он сделал, осталось. А мертвых всё равно не вернешь... Но понимала ли такие мысли Евдокия? О, он помнил, как она впервые явилась на заседание Верхней палаты Синклита! Прекрасная, решительная, но вид десятков серьезных мужчин ее заметно обескуражил. Сидела она недолго, пыталась вникнуть в суть дела, но явно скучала, поигрывала кулоном на длинной цепочке. Затем встала величественно, улыбнулась: итак, вы здесь, наверное, справитесь без меня? – и удалилась. Вероятно, она даже чувствовала себя слегка обиженной невниманием. Но разве совет – место для светской болтовни? И ее муж... разве он виноват, что призван править, призван с юности, и никто никогда его от этой ноши не освободит? Ведь это было понятно с самого начала: император будет именно править, а не наслаждаться жизнью. А жене государственные дела малоинтересны, она порой намекает, что там много времени тратится впустую. Пусть так. Но разве у кого-нибудь получалось иначе?

Император быстро и почти машинально вращал маховики подстройки телескопа, жужжал электроприводами. Он бросался от планет к звездам, иногда сверяясь с таблицами небесных координат. Вот и в космосе даже ярчайшие светила висят в скучной и беспросветной черноте. Пока их найдешь, отвыкнешь от света. Но разве возможно эту черноту отменить?

Женщине нужно внимание, внимание... даже в мелочах. Но для чего требовать его так настойчиво? Неужели жизнь и без того не заполнена миллионами дел, эмоций, интересов? Нет, любовь прекрасна, но с годами она обретает другое содержание, и как может быть иначе? Стоит ли забытый вальс этого немного упрека, этого кружения на виду у всех с посторонним человеком? Этой демонстрации...

«А была ли это просто демонстрация? – подумалось вдруг императору. – Была. А если нет, то...»

– Но уж в чем я совершенно чист, так это в том, что никогда не мог помыслить рядом с собой другую женщину, – сказал он вслух.

«Ой ли?» – вдруг лукаво пискнул кто-то внутри, мерзко захихикав. «Никогда! – оборвал его император. – И в мыслях не держал!»

Но, главное, ведь он же ничего не понимает в женщинах, и это его счастье, может быть. Или нет?... Так или иначе, ему всё можно простить хотя бы за верность, которой немногие в его положении могли похвастаться.

Константин до боли всматривался в рельеф знакомых планет и спутников. Всё сегодня казалось контрастнее, чем обычно. Моря и каналы, подсвеченные невидимым солнцем кратеры, пятна, пятна... Светила, казалось, строили издевательские физиономии... Юпитер! Он был весь в морщинах и складках, светился красным.

Константин отъехал от окуляра, налил вина в старинный приземистый кубок. Задумался немного, потом сказал вслух:

– Какая же всё это ерунда. Что я взял себе в голову? Ничего страшного не произошло и не могло произойти.

Вино было терпким. Отдавало немного сливой и приятно горчило.

День второй

В восемь утра императорское семейство встретилось в столовой за завтраком. Константин предпочитал обходиться в семейном кругу по возможности без посторонних. Завтрак подавался в небольшой овальной столовой, которая казалась слишком просторной для четверых. Служители заранее расставляли пурпурные кофейные приборы с золотыми вилками и ложками, раскладывали на блюдах яства, ставили большой горячий кофейник и удалялись. А уж разливать кофе и потчевать домашних приходилось Евдокии, хотя она иногда бывала этим недовольна.

Император не выспался и не выглядел отдохнувшим, августа с принцессой смотрелись куда бодрее. Принц выспался лучше всех, был очень оживлен и без умолку рассказывал о вчерашнем детском бале.

– А ты, Катерина, довольна балом? – спросил император.

– Очень! Я в восторге! Почаще бы у нас устраивались такие балы!

– Да-да, – подхватил Кесарий, – я тоже хочу почаще балы!

– Ты ешь лучше, любитель балов, – сказала Евдокия. – А то смотри, мы уже почти всё съели, а у тебя еще полная тарелка.

Кесарий принялся за оливки и козий сыр, а Константин, как бы между прочим, поинтересовался у дочери:

– А как тебе понравился наш юный итальянский друг?

Принцесса чуть приподняла брови и ответила:

– Он хорошо танцует!

– Значит, ты не пожалела, что вняла моему совету? – спросила императрица.

Катерина сделала глоток кофе.

– Нет, мама, танцевать с ним было приятно.

– Кстати, – августа взглянула на мужа, – мне показали твою «прелестную девочку» Мари. Она полвечера проплясала с каким-то бородатым сайгаком, который и танцевать-то толком не умеет! Сразу видно – какой-нибудь ученый!

– Ну, почему сразу ученый? Некоторые ученые прекрасно танцуют, да и бороды у них нет, – заметил император и тронул свою бороду.

– О, да, – оживилась Катерина, – например, господин Киннам танцует просто божественно! Вчера он пригласил меня на Венский вальс, я так боялась именно этого танца, он такой быстрый, но с Киннамом это было что-то волшебное!

– Ну, я рад, что вы хорошо повеселились, – произнес император несколько мрачно.

– Но ты тоже, вероятно, увлекательно провел время, – заметила августа. – Ты даже забыл о белом вальсе!

– Прости, Евдокия, я просто заболтался, – сказал Константин еще мрачнее.

Императрица бросила на него удивленный взгляд.

– Да ладно, – она лучезарно улыбнулась, – ты же всегда любил свою болтовню больше, чем танцы.

Но нотка обиды не могла укрыться от императора. Он пристально посмотрел в глаза жене и промолвил:

– Я чувствую, это для тебя был особый момент, что-то из ряда вон выходящее, да? Но, пожалуйста, когда это случится в следующий раз, скажи мне об этом прямо. Уж тогда я не забуду.

– И даже покинешь изысканное общество в билиардной? – Евдокия лукаво сощурилась.

– Ты в этом сомневаешься?

– У них там свои секреты! – встряла Катерина. – Интриги... Кстати, а что за история с нефтепроводом? Вчера на балу Стратиотис пристал ко мне с вопросом, не нанесет ли его строительство ущерб духовной жизни киликийских монастырей!

Кесарий прыснул.

– Да нет никакой истории, это просто кому-то хочется чтобы она была, – сказал Константин. – Будем тянуть нефтепровод, где нам удобно, и всё тут.

– А высокопреосвященный Кирик опять разозлится, что всё решили без него, и соберет толпы народа? Как в прошлый раз?

– В прошлый раз мы действительно сплеховали, да. Не учли степень его наглости... Глупая получилась история.

– Наверное, это ты сплеховал, о государь? – насмешливо спросила Евдокия.

– Может и я, что с того? Никто ведь даже не может сказать, будто я пренебрег чьим-то мудрым советом. Хотя советчиков-то было много. Но никто не понимал, что происходит.

– А теперь понимают?

– Теперь пришлось принять собственные меры. – Константин криво усмехнулся. – Думаю, они будут адекватны ситуации.

– Ну, хорошо, хорошо, – опять заговорила Катерина, – а хурриты нефтепровод не взорвут? Многие этого опасаются...

– Пусть опасаются, а ты не переживай, разберемся, – спокойно ответил император. – Ты лучше переживай за свои оценки.

– Я переживаю за оценки... которые дают нашей политике! – воскликнула девушка. – В Универе говорят, что хурриты получили кучу денег от нефтяных шейхов.

– Глупости! – отрезал Константин. – Зачем шейхам с нами ссориться? У повстанцев только одна «коровка», и пасется она известно где.

– В Москве?

– Конечно! Там что угодно придумают, хоть философский камень, лишь бы у этих бездельников были деньги и оружие.

– И зачем им только всё это? Они ведь сами бедно живут. – Катерина пожала плечами.

– Из вредности. Да еще для того, чтобы где-нибудь в мире развеялся их красный флаг.

– Но с этим что-то можно сделать? – недоуменно спросила принцесса.

– Мы делаем. Но граница длинная, горы... Ты ведь была там. А персы хитры и неискренни, как всегда. Рассчитывают урвать с севера какие-нибудь блага. Представь себе, недавно мы нашли пятикилометровый туннель. В скалах!

– Ого! – изумились женщины.

– Вот и ого! Приходится признать, что проще справиться с теми, кто оружие берет, а не с теми, кто дает. Хотя и здесь всё нелегко... Не химией же их травить!

– Ой, пап, кстати о химии, – встрепенулась Катерина. – Я вчера читала в «Католической Италии», что этот вирус два-икс-четыре-sdf создан искусственно. То ли у англичан, то ли у нас в военной лаборатории, чтобы всех травить! И особенно – добрых латинян. Представляешь?

– Представляю.

– А... это полностью исключено? – осторожно спросила девушка.

– Не полностью. – Император рассмеялся. – Но я бы, наверное, знал. Единственное, что исключено полностью – это чтобы никто из западных святош не додумался обвинить нас.

– Почему же? – заинтересовалась вдруг Евдокия.

До сих пор она молча и не без удивления прислушивалась к разговору, думая, что не успеет замечать, как дочь становится всё взрослее и взрослее... Искося поглядывая на Кесария, который сидел молча, хотя явно был недоволен отсутствием внимания к своей персоне, императрица думала, что и он, наверное, тоже скоро начнет интересоваться этой скучной политикой...

– Да потому, что они неудачники, – ответил Константин. – Папа считает себя вселенским архиереем, но от вселенскости у него осталось очень мало. Вот и приходится искать виноватых, куда же деться?

– А можно как-то запретить печатать такие вещи? – спросила принцесса.

– Бессмысленно. Это же предмет веры, как его запретишь? Да еще в другой стране. Если у людей что-то не заладилось с их религией, всегда так получается. Вот поговори с Луиджи, может, он тебе подробно расскажет, как там и что. Кстати, с чего это ты вдруг стала читать обскурантистскую периодику?

– Так, просто на глаза попалась, – медленно ответила Катерина, задумчиво копаясь золотой ложечкой в кофейной гуще.

* * *

Киннам смотрел на арену ипподрома, где шел первый заезд, и посторонний наблюдатель, конечно, приписал бы азарту болельщика воодушевление, читавшееся на лице великого ратора – поразительно красивом лице с античными чертами, которое смелый размах летящих бровей и темные глаза в обрамлении густых длинных ресниц, со спрятанной в уголках улыбкой, делали настолько привлекательным, что от него трудно было отвести взгляд. Но если бы кто-нибудь пригляделся внимательней, то в охватившем ректора Афинской Академии воодушевлении он мог бы уловить нечто, не вязавшееся с обычным возбуждением любителя лошадиных бегов, но напоминавшее, скорее, мальчишеский азарт при совершении опасной проделки, которая могла или обернуться крупной неприятностью, или принести необычайный выигрыш. Однако таких пристальных наблюдателей рядом с Феодором не было – всех занимало происходящее на ипподроме: колесницы пошли на предпоследний круг, и возница красных снова лидировал, несмотря на то что сегодня ему приходилось соревноваться с двумя новыми противниками, поскольку возницы зеленых и синих из первой и второй четверок поменялись местами.

– Если так пойдет дальше, устроителям скачек грозит разорение! – пошутил сидевший справа от Киннама ректор Сорбонны Эрве Рокар. – Теперь ведь, наверное, все бросились ставить на Феотоки, и если он все время будет выигрывать...

– Судя по тому, что творилось вчера в местных кофейнях, проигрышей первого дня хватит с лихвой, чтобы покрыть дальнейшие траты, – заметил Киннам.

– Да уж, я сам лишился некоторой суммы... А ты вчера не поставил ни на кого, хитрец!

– В первый день я обычно не делаю ставок, предпочитаю сначала оценить обстановку.

– Что ж, разумно! А я не могу удержаться, чтобы не рискнуть сразу! Зато вот Патрик не играет никогда, старый скряга!

– Не скряга, а рачительный хозяин, – возразил сидевший по другую руку от Феодора в меру чопорный англичанин лет пятидесяти. – Предпочитаю, чтобы мои деньги оставались при мне, а не попадали в руки неверной фортуны. К тому же я действительно не мальчик, дорогой Эрве, чтобы до сих пор предаваться таким играм. Когда-то на Дерби я просадил почти треть отцовского наследства и с тех пор предпочитаю быть наблюдателем. Это ничем не хуже игры на деньги для имеющих ум.

– Ладно-ладно, хозяйственный рачитель! – шутливо воскликнул Рокар. – Каждому свое, в конце концов... О-ля-ля, Феотоки! Фе-о-то-ки!

Колесница красных пришла первой, и трибуны огласились восторженным ревом, небо запестрело красными шарами, дамы из первых рядов возле финишной черты кидали победителю букеты алых роз, хотя цветы не долетали даже до края дорожки. Киннам с утра поставил на Феотоки довольно крупную сумму, но охватившее его возбуждение не имело никакой связи ни с бегами, ни с возможным выигрышем, хотя он искренне аплодировал победителю.

Мысли Феодора занимала августа: если восторженный прием, который она оказала ему в день приезда, приятно удивил его, но все-таки не выбил из обычной колеи, то вчерашнее поведение императрицы потрясло Киннама до глубины души. Теперь он почти не мог думать ни о чем другом и, хотя зрелище скачек всегда пробуждало в нем азарт, на этот раз бега мало трогали великого ритора – он был слишком взволнован другим. Что означало поведение Евдокии? Только флирт, которому она не прочь была предаваться в компании своих поклонников, или... нечто большее? Просто кокетство? Но она раньше никогда не вела себя так! Правда, еще в начале вчерашнего бала Киннам думал, что на нее мог повлиять столь возбуждающим образом восторг перед его двумя романами, которые она, наконец, прочла – прочла, когда он уже решил, что вряд ли дождется этого. Но ведь она сказала, что прочла их еще в начале лета – значит, около двух месяцев назад, – а улыбалась она ему сейчас, улыбалась так, как никогда раньше... Однако, за прошлые годы привыкнув быть лишь одним из многих ее поклонников, «одним из» в ее окружении – пусть и ближайшем окружении, но все-таки достаточно обширном и весьма блистательном, – он поначалу не смел верить в какие-то перемены, хотя вчера с самого начала бала она общалась с ним так много, как, пожалуй, никогда раньше. «Вы с этим согласны, Феодор? Читали ли вы эту книгу, Феодор? Что вы думаете по поводу этого, Феодор?..» Тогда он еще мысленно одергивал себя: просто, прочтя его «Записки», она обнаружила, что их душевное и умственное сродство гораздо больше, чем она могла заключить раньше из бесед с ним, ведь в своих романах он был откровеннее и больше раскрывался, чем в жизни, – вот откуда такое повышенное внимание, теперь ей интересно сравнить его взгляды на разные вещи со своими собственными, только и всего. Вполне естественное желание, еще ни о чем особенном не говорящее. Но потом...

Потом случился белый вальс. Именно случился – как чудо, как снег на голову летом, как роза среди зимы. Пять долгих лет, исполненных страсти и тоски, дней счастья от общения с августой на очередном Ипподроме и месяцев томительного ожидания новой поездки в Константинополь, безумных надежд и едких насмешек над самим собой, неистовых желаний и титанических усилий не выдать свои чувства, сладости и горечи, наслаждения и боли, – всё точно разрешилось ослепительной вспышкой, когда Евдокия, объявив белый вальс, спустилась с лестницы и с улыбкой подошла к нему. Можно ли думать, что это была всего лишь случайность?! Ведь она еще никогда не танцевала белый вальс с кем-либо, кроме мужа! И никогда не общалась с Феодором настолько благосклонно во всех смыслах, во всех – вплоть до благосклонности к нескольким не заметным окружающим, но, конечно, не оставшимся незамеченными августой дерзостям, которые он допустил во время последнего танца с ней, уже после вальса Муз...

Он понимал, что начал опасную игру, но остановиться было выше его сил: если августа в самом деле дает ему шанс, упустить его нельзя – потом он никогда не простит себе этого... да и она, конечно, не простит ему! Если же он обманывается, и ее «поощрения» ничего не значат... Впрочем, об этом лучше пока не думать, ведь забег только начался и глупо тормозить на старте! Киннама не могла остановить и мысль о том, что охватившее его возбуждение в каком-то смысле возвращает его к той жизни, в которую он был погружен в течение почти десятка лет до знакомства с императрицей. Сплетни о его тогдашних похождениях достигли и Царицы городов, и порой самые смелые и кокетливые из здешних дам довольно откровенно намекали Феодору, что не прочь проверить на деле, соответствуют ли слухи реальности, но он всегда едко отшучивался. Собеседницы иной раз даже оскорблялись, однако это его не волновало. Он отлично знал, что если б захотел вернуться к прежним играм здесь, на Золотом Ипподроме, где прекрасные гости со всех стран света отнюдь не всегда блистали строгостью нравов, у него не было бы недостатка в развлечениях. Но женщин помимо августы уже пять лет не существовало для великого ритора. И если сейчас он затевал игру, где можно только идти ва-банк, то она того стоила! Все прошлые увлечения, все испытанные чувства и желания, свя-

занные с женщинами, стали бледным пятном по сравнению с тем, что пережил Феодор за годы знакомства с Евдокией: это была страсть всей его жизни, единственная, как он теперь понимал, настоящая любовь, которую ему довелось испытать, – и мог ли он отказаться от своих надежд, как бы они ни были призрачны?!

В конце концов, если он и рискует многим, то всяко не головой – ведь не средневековые на дворе! Да и какой смысл рассуждать об этом? В первый же день Ипподрома Евдокия сумела настолько зажечь ему кровь, что Феодор не находил в себе достаточно отрезвляющей воды, чтобы залить пожар, – да он и не хотел тушить этот огонь. Он слишком сильно любил, слишком долго томился, слишком пламенно мечтал. Лошади пустились вскачь, и теперь можно только или победить, или оказаться на обочине.

* * *

От кого: «Лаура Враччи» <laura-vracci@graphe.koin>

Кому: «Луиджи Враччи» <luigivracchi@graphe.koin>

Отправлено: Вторник, 17 августа 2010 10:37

Тема: Re: мы на месте

–

Привет, Луи!

Так и не дождавшись от тебя обещанных фото и рассказов, выражаю тебе свое возмущение!!!

Почему ты молчишь? Ты знаешь, я человек ненавязчивый, но я почти обижена. Или может, тебя вконец околдовала принцесса, и ты потерял дар речи? Может, мне больше не молиться об избавлении тебя от нее?:)

Когда у нас показывали открытие Ипподрома и дали крупным планом императорскую ложу, дядя Марко, увидев принцессу, не донес до рта чашку с кофе, так и застыл, оставившись в экран. Через пару лет она точно будет одной из первых красавиц, каких я вообще когда-либо видела. Она и правда шикарная блондинка, просто умереть от зависти! А какие глаза! Какой изгиб бровей! Не удивлюсь, если ты уже передумал заниматься археологией;))) Вы с ней вместе хорошо смотрите, кстати! :)

Императрица, как всегда, великолепна. Как она себя держит! Я больше всего жалею о своем отравлении из-за того, что упустила возможность вблизи поглядеть на нее. Ооочень надеюсь, что ты расскажешь мне о ней подробно!

Кто этот красавец-возница, который в первый день выиграл четыре забега? Комментаторы на ТВ были как-то скупы, а в сети я нашла про него совсем мало: Василий Феотоки, семья незнатная, отец погиб в автокатастрофе, одна сестра монахиня (!), а другая еще маленькая. Ездит верхом с 10 лет, зарабатывает на жизнь веб-дизайном (ну теперь-то не придется уже, наверное, разбогатеет!). По ТВ сказали, что в колесничных бегах он тренируется только год, все поражены его нынешним успехом. Сгораю от любопытства и жду, что ты расскажешь о нем побольше!

А у тебя был такой вид, будто ты, надевая рубашку, забыл вытащить вешалку! Что там с тобой происходит? Мамик звонила и бодро доложила, что все прекрасно, но честно говоря, я немного беспокоюсь.

Пожалуйста, черкни хоть пару строчек!

Твоя Лаура.

* * *

Дари глядела на огромный экран, где крупным планом показывали Василия – во втором заезде он пришел после Ставроса, но в третьем опять победил, – и думала, что у него очень красивая улыбка и вообще он ужасно пригож и напоминает античного героя... Наверное, если бы греки до сих пор создавали свои глиняные вазы с росписями, они бы изображали эти бега и победителей... А может, они и теперь такое делают?

– Послушай, Лари, а у вас тут не делают расписных ваз или статуэток... ну, как вот в античности, с изображениями героев, победителей на играх?

– Делают! Есть несколько фирм, которые этим занимаются, у нас в Городе «Лекиф», а самая известная – «Амфора» в Афинах, они даже по древней технологии делают вазы, но такие ужасно дорогие, по современной дешевле, конечно... Статуэтки тоже, да! А ты что, думаешь, изобразят ли Василя на вазе, если он победит?

Дари покраснела.

– Нет... Так просто, подумалось...

Она не решилась признаться Иларии, что думала о Василии. Ее саму смущало, что она слишком много о нем думает – и это вместо умной молитвы! Но какая молитва на ипподроме, в таком шуме, в таком азарте?! А вот Лари, она молится? Что-то не похоже... Но спрашивать об этом, наверное, неприлично – все-таки молитва это такое... интимное. Правда, в ее обители на родине сестры порой спрашивали друг у друга, «как идет умное делание», на какой вопрос было принято, смиренно потупя взор, отвечать нечто вроде: «Помаленьку, с Божией помощью, вашими молитвами», – но, пожив в обители Живоносного Источника, Дари уже усвоила, что тут не принято любопытствовать о мере духовного преуспеяния и вообще о внутренней жизни других: это было личное дело каждого, лезть в эту область без приглашения считалось дерзостью.

– На вазах изображают обычно только тех, кто взял, по крайней мере, три Великих приза, – поясняла между тем Лари. – А так – если только кто-нибудь закажет. Но вообще эти фирмы больше любят древние сюжеты – античность, средневековье... Правда, конечно, государя изображают и августу... А еще, когда у них дети рождаются, тоже выпускают специальные вазы, очень красивые, у моих родителей есть такая, в честь рождения принца Кесария! Там он с императором и императрицей изображен, принц у августы на руках, и еще принцесса рядом маленькая.

– А как твои родители относятся к тому, что ты хочешь стать монахиней? – рискнула спросить Дари. – Они не против? Ты же у них одна.

– Ох! – Лари горестно вздохнула. – Мама очень расстроилась, когда я поселилась в обители, даже плакала... Сейчас-то она вроде уже смирилась. А папа... он сказал: всё это ерунда и я сама пойму, что это не для меня. Смеялся даже, говорил: «Рыжая монашка – как дырявая рубашка!» Я тогда на него очень разозлилась! Мне даже вот нарочно хотелось ему доказать, что я могу так жить! Но у нас в обители не постригают до окончания института, поэтому я учусь, еще два года, а потом... не знаю. – На ее щеках внезапно проступил легкий румянец, и она быстро проговорила: – Мне, конечно, хотелось бы остаться!

– Так и останешься, если хочешь! У вас же никого не гонят, ты говорила... А почему ты вообще решила идти в монастырь?

– Из-за романа про Кассию. Я его прочла, как только он вышел, у нас в Универе его обсуждали много, особенно на истфаке, спорили даже, правильно ли там показано то или это. – Лари рассмеялась. – Ну вот, а у меня подруга на истфаке, она мне про него и сказала, я прочла, и во мне что-то такое... ну, как перевернулось! Так вот подумалось: здорово, такое вот всё это... высокая жизнь! И не тупая какая-то, не то чтобы залезть в пещеру и только молиться да

поститься... Ну, то есть, – она немного смутилась, – я не хочу сказать, что отшельники тупые, вообще-то у нас и сейчас много отшельников, особенно в Азии и в Сирии. Но такая жизнь – она ведь не для всех... То есть, если б я думала, что монашество это только поститься и молиться, сидеть в пещере и ни с кем не общаться, то я бы и не захотела так жить! А тут мне захотелось посмотреть, что это за Кассия Скиату и в каком монастыре живет, раз она романы такие пишет. Ну вот, и мне в обители очень понравилось, просто очень-очень! Так вот я там и оказалась.

– Да, у вас обитель чудесная! – с жаром сказала Дари. – Я и не поверила бы, что так бывает, если б сама не увидела! Но я всё хотела спросить: неужели у вас все монастыри такие?

– Нет, конечно, нет! Всекие есть. Есть и более традиционные, что называется, но это чаще за городом или где скиты и отшельники, они ведь до сих пор в древних пещерах живут, в ущельях, в горах... Мне наши сестры рассказывали, они бывали в Каппадокии, там древние монастыри, церкви, фрески потрясающие! Я тоже очень хочу туда съездить! Вот, хорошо, что ты спросила, я непременно покажу тебе, у нас есть несколько альбомов с фотографиями, о, как там красиво! Но там сурово, не как у нас! Каменное всё, и кельи, и трапезные, и всё-всё, и воду надо издалека носить, и колючки растут... Правда, во многие места теперь подвели воду, но есть и такие, где монахи за километр-два ходят за водой, представь! В общем, это подвиги там, да, нам такое и не снилось! Но там женщин мало живет. А в городах монастыри больше похожи на наш, хотя многие и попроще. А есть и плохие, где жизнь распущенная... То есть ты не думай, что у нас во всех монастырях переводами занимаются и книги издают! Просто тут у нас, понимаешь, столица, традиции такие, много ученых монастырей: Студийский, Сергие-Вакхов, Пантократор, Хора... Но это мужские, а из женских наш, наверное, самый известный, и еще Мирелейский. Еще в Элладе много ученых обителей, а вот в Вифинии и туда дальше в Азию, там уже всё суровее... Да тут и на Босфоре есть монастыри, где жизнь строже, чем у нас. Но вот мрачных лиц у нас и правда нигде нет, ну, то есть я не видела, я бывала с матушками в разных обителях... Есть такие, где сестры попроще и жизнь больше хозяйственная, но все-таки все радостные, и книги читают, и на все службы ходят. То есть не как у вас – работать-работать-работать, а потом упасть и всё, не-ет! У нас такого, думаю, нигде нет, я поэтому так и удивлялась, когда ты рассказала про всю эту вашу... каторгу!

– Да, хорошо вам! – Дари вздохнула.

Внезапно откуда-то донесся сильный аромат жареной рыбы, Дари даже оглянулась: сзади, чуть левее, сидели двое мужчин, держа в руках голубые коробочки с ярко-красной надписью. «Мега» – прочла Дари на одной, но дальше буквы закрывала рука едока, который с наслаждением обгрызал поджаристый рыбий хвостик, торчавший из коробочки.

– Что это они там сзади едят? – тихо спросила Дари.

Лари взглянула и с улыбкой ответила:

– Да это же мега! Меганикс, наши знаменитые ставридки! Вкуснотища, обожаю их! Разве до вашего царства они до сих пор не добрались?!

– Меганикс? – удивилась Дари. – Так это он и есть?! И у вас его тут вот так прямо едят... на улице?

– А что? – в свою очередь удивилась Лари. – У нас его везде едят! Это же быстрая еда!

– Ну, ничего себе, – протянула Дари. – А у нас это считается такой пищей для гурманов... В Хабаровске, например, всего один «Мега-Никс», я там никогда не была. Говорят, там дорого, с осетром, со стерлядью... А когда его открыли, туда вообще в первые месяцы стояли огромные очереди! Я сначала хотела пойти поглядеть, но так и забыла. А потом уже в монастырь ушла.

– Вот это да! – Лари была поражена. – С осетром?! Для гурманов?! У нас это все едят, «Мега-Никсы» тут на каждом шагу, вот и на ипподроме тут они при каждом секторе! Вот, знала бы я, так вчера бы не мороженого купила, а мегу, ты бы хоть попробовала... Ну, ничего, мы с тобой еще туда ходим! А что же у вас едят тогда... такое, чтобы для всех?

– У нас? Пирог. Пирожковые у нас на каждом углу, пирогов разных десятки, со всякими начинками, это тоже очень вкусно! И с рыбой пирогов много... Может, «Мега» у нас потому и не прижилась, что у нас к своему привыкли.

– Наверное, – согласилась Лари и умолкла; разговор о «Мега-Никсе» почему-то привел ее в задумчивость.

Дари тоже замолчала, размышляя о рассказе подруги про византийские монастыри.

– Нет, непонятно мне! – наконец, сказала она со вздохом. – Почему у нас всё совсем не так, как у вас?! Я имею в виду монашескую жизнь, а не пироги, – пояснила она с улыбкой. – Вроде бы и у нас православная страна, и у вас, и православие мы когда-то от вас получили...

– Никакая у нас не православная страна! – вдруг заявила Лари и нахмурилась.

– Почему?! – Дари опешила.

– А потому! Потому что, если б у нас была православная страна, то я бы вчера сказала этому Григорию, что я послушница в монастыре, а я... побоялась... Побоялась, как бы он не подумал обо мне... что-нибудь не то...

– Что же «не то»? – Дари была в недоумении. – Разве тут монахини – какая-то экзотика? Монастыри везде, и по улицам монахи ходят... Да ты же сама говорила, что в Университете знают, что ты послушница, и всё нормально, косо не смотрят!

– Ну, я не знаю! Не знаю. – Лари внезапно пригорюнилась, что было уже совсем удивительно.

– Может, ты чего-то другого побоялась? – нерешительно предположила Дари.

– Может быть, – тихо проговорила девушка. – Ладно, не обращай внимания, это я так, ерунду несерьезную говорю! Я ведь еще только учусь быть серьезной! Смотри, смотри, вон выходят акробаты с шестами, сейчас увидишь, какой будет трюк классный! Я его уже видела, с непривычки страшно немного, но ты не бойся, у них всегда получается!

Вскоре она уже смеялась и веселилась, как ни в чем не бывало. А Дари думала: «Что вообще значит – быть серьезной? Надо ли Лари быть серьезной? Разве она не самая лучшая вот такая, как есть, веселая и смешливая? А мне надо быть серьезной? Я ведь тоже... несерьезная. Я, как они говорят тут, унылая, а это же совсем другое!»

* * *

Его высокопреосвященство Кирик, митрополит Ираклийский, сидел в своем кабинете на втором этаже небольшого особняка, построенного для него в ограде монастыря Святой Гликерии, который недавно волей патриарха обратили в Ираклийское подворье. Кабинет был заставлен книгами – в количестве совершенно невероятном, – завешан фотографиями владыки и его духовных наставников, иконами и картинами. Митрополит был крупным мужчиной пятидесяти шести лет, довольно загорелым. Его пышные, но не длинные волосы цвета румяной булки заметно вились, короткая борода колечками была намного светлее шевелюры.

Перед Кириком на экране компьютера был сценарий очередной просветительной передачи. Но в тот момент, когда в дверь постучали, митрополит отвлекся и созерцал что-то происходящее за окном, на монастырском дворе.

– Разрешите, владыка святой?

В дверь кабинета просунулась кудрявая голова юноши, который тут же и вошел, не дожидаясь позволения. На юноше был черный подрясник; умное, несколько вытянутое лицо украшали круглые очки.

– Что, Димитрий? – Кирик очнулся и слегка потянулся в кресле.

На митрополите тоже был подрясник, но по причине жары совсем легкий, из бледно-лазоревого шелка.

– Вот, поглядите, владыка. По-моему, это важно, – Дмитрий, едва заметно изогнувшись, протянул митрополиту распечатку материала, появившегося утром на сайте «Синописа».

Статья Стратиотиса «Новые перспективы» поместилась на пяти листах красивой желтоватой бумаги, ключевые места были выделены алым маркером. Быстро пробежав текст, Кирик нахмурился и строго посмотрел на Дмитрия, который терпеливо стоял, изображая напряженное внимание.

– Так. Ты понимаешь, что это значит?

– Да, владыка...

– Значит, все сначала, да? Именно теперь, когда мы расслабились и меньше всего готовы?

– Понимаю, владыка... – Дмитрий, в свою очередь, нахмурился и скорбно опустил голову.

Высокий выпуклый лоб митрополита понемногу наливался краской, борода распушилась и стала походить на кипящую пену, а маленькие серые глазки, обычно казавшиеся благодетельными и доброжелательными, в эту минуту смотрели жестко и даже зло.

– Так, всё! Собрались! – Кирик прищурился. – Ты иди сейчас, набросай десяток лозунгов. Устраиваем молитвенное стояние. Прямо у ипподрома. Через два дня.

Глаза Дмитрия округлились.

– Владыка, да, но... каковы могут быть последствия? Ведь подумают, что мы...

– Они подумают, что если мы на такое осмелились и так быстро, то значит можем, значит за нами сила! – воскликнул Кирик и весело посмотрел на помощника. – Не дрейфь! Пиши. Помнишь, что мы обсуждали? «Сильная церковь – сильное государство», «Мы все родились православными», «Встань за веру, ромейская земля». Остальное про трубу и нефть. Живее, их же еще нарисовать нужно будет. И позвони Лидии. Скажи, что она мне нужна, пусть бросает всё и едет сюда. И пусть Анну захватит, больше никого. Впрочем, я сам поговорю. Быстрее!

Дмитрий выскользнул в приемную, постоял в задумчивости несколько секунд, затем посмотрел на популярный у православных плакат, висевший над письменным столом. Изображение напоминало герб Кантакузинов: два льва, стоя на задних лапах, передними подпирали дерево, в кроне которого явственно угадывались очертания имперских границ. Тело одного льва состояло из множества человеческих фигур – воинов, синклитиков, ученых, рабочих, земледельцев, во главе с самим императором; второй лев получился почти черным – его составляли монахи, священники и архиереи. Надпись на плакате гласила: «За наше равновесие!»

– Остается надеяться, что ломать равновесие посреди Ипподрома действительно будет не с руки, – пробормотал Дмитрий. – А то ведь так можно и костей не собрать...

Чуть слышно цыкнув зубом, он стал набирать номер Лидии.

– Да! Бог благословит! – поздоровался Кирик, схватив поднесенную трубку. – Срочно бросай все, и сюда. Никому не слова. Скажи: кому-нибудь плохо стало. Анну захвати по дороге. Жду!

Отдавая трубку помощнику, митрополит посмотрел на него уже спокойнее.

– Ну, и что же твои выкладки? Разве мы предполагали такой оборот?

Дмитрий слегка пожал плечами и открыл рот, но заговорить не успел.

– Ну, всё равно, – отчеканил Кирик. – Глупо было думать, что это затишье надолго. Всё было запрограммировано, начинается новая фаза отношений. Но каков Стратиотис! – процедил владыка сквозь зубы. – Благочестивец...

– Он не так плох. Теоретически, он наш единомышленник, владыка.

– Запомни, дружок, нам с тобой не нужны единомышленники, – наставительно заметил Кирик. – От них никакого толку, если они не свободны в действиях. Лучше один противник, который в нужный момент вынужден будет сделать то, что мы скажем, чем сто единомышленников, которые сделают потом то, что скажут другие. Пусть единомышленники лучше иконами машут, с ними нет смысла работать.

Митрополит, очевидно, уже совсем успокоился и вошел в обычный деловой раж. Его пальцы забегали по клавиатуре.

– Но вот с Панайотисом поработать придется, – произнес он неожиданно. – Чтобы другим неповадно было.

Лидия с Анной появились быстро. Совсем еще нестарые женщины, энергичные, хорошо и дорого одетые, они служили в солидных учреждениях, хотя и не на первых ролях. Примчавшись в Свято-Гликериевскую обитель посреди рабочего дня, дамы вошли в кабинет Кирика слегка запыхавшись и встали у порога с лицами, на которых читались обожание, радость и тревога.

Благословив посетительниц, митрополит сразу приступил к делу. Он был по-военному краток и точен.

– Собирайте как можно больше народа. Пусть девочки звонят всем, кого знают. Во все братства, во все сестричества. Тысячу человек, не меньше. Говорите, что церковь в беде. Вот, возьмите книжки, сколько унесете. Они уже с благословением.

Кирик указал на громоздившуюся в углу грудой изданий в глянцевых обложках. На каждой было написано «Митрополит Кирик Ираклийский. Как спастись современному человеку». Под названием красовалась цветная фотография: респектабельное семейство, выбравшись из автомобиля, направляется к дверям храма.

Пока встревоженные женщины набирали книги в большие пакеты, Кирик расхаживал по кабинету. Но когда Лидия с Анной подошли к нему под прощальное благословение, он вдруг удивленно воскликнул:

– Как! А вы разве обедать не останетесь? Мы сейчас обедать будем.

– Владыка, мы с радостью, но работа...

– Ничего, за пять минут не уйдет! Димитрий, звони послушнице, пусть собирает на стол.

На обед подали вареный в вине рис, три сорта сыра, множество салатов, белое вино в кувшинах. Но главным блюдом был, конечно, огромный налим, обложенный маслинами.

– Ешьте, ешьте, – приговаривал митрополит, накладывая яства в тарелки своих гостей; Димитрий тоже присоединился к пиршеству. – Я уж вчера хотел выбросить все это, но потом подумал: вдруг Лиди с Ани придут? – пошутил он и расхохотался.

Женщины тоже засмеялись.

– Владыка, вы такой веселый!

– Да! – ответил митрополит. – Я не люблю унывать!

Он и вправду веселился от души: перестал напряженно шуриться, шутил, резвился и предлагал тосты. Но когда от налима остался лишь хребет, владыка вдруг снова стал серьезен.

– Дорогие мои, – сказал он, – смех это хорошо, но дело нам предстоит нешуточное. Мы должны за Господа постоять, за церковь Его! Это все очень непросто, но у нас почетная миссия, есть от чего возгордиться. Если мы сейчас этого не сделаем, с нас потом спросится на страшном суде!

Дамы слушали с напряженным вниманием, боясь пропустить хоть словечко. Но Димитрий, понимая, что речь произносится не для него, погрузился, по-видимому, в научные раздумья.

– Вы на меня не смотрите, мне ничего не нужно! – вещал Кирик. – Меня завтра выгонят – я на чердаке смогу жить. Или в подвале. Но подумайте, что есть такие принципы, которыми нельзя поступаться! Нам нужно возродить церковь, чтобы она опять стала сильной, чтобы императоры с ней советовались, чтобы жизнь строилась на канонической основе. Нужно оправдание всей нашей жизни. Нужна любовь христианская... – Тут он умолк на мгновение и посмотрел куда-то в сторону и вверх, лицо его сделалось одухотворенным, глаза как будто даже намокли.

– Владыка, вас никто не выгонит! Все вас любят! Если что, мы за вас горой! Все настоящие православные с вами! – наперебой затараторили Лидия с Анной.

– Ну, добро, добро. Приведите мне хотя бы тысячу человек, а там поговорим, – отозвался митрополит. – Дмитрий, за тобой Академия и обе семинарии, – добавил он, повернувшись к верному помощнику. – Соберемся у храма святого Андрея Стратилата, там как раз будет престольный праздник, никто не удивится.

Прощаясь, обе женщины смотрели на митрополита с нескрываемым обожанием. Умилился и Кирик. Быстро подойдя, он обнял Анну с Лидией и прижал к себе обеими руками. Дамы на несколько секунд коснулись висками горячих архиерейских щек.

– Благословите, святейший владыка! – попросила Лидия, получив свободу.

– Ну, какой же я святейший? – Кирик мягко рассмеялся, осеняя ее крестным знамением; на его лице отчетливо отпечаталось удовольствие.

Проводив дам, его высокопреосвященство поднялся в кабинет и вскоре опять вызвал Дмитрия:

– Послушай, я всё никак не решу насчет Стратиотиса. У тебя есть какие-нибудь идеи?

– Пока нет, владыка, но... я не уверен, что это настолько уж важно. Ведь, в конце концов, он всего лишь огласил новую линию государства – что они все-таки хотят строить нефтепровод. Вот и всё.

– Да нет, ты, видно, самого главного-то не заметил! – воскликнул Кирик. – Ну да, ты пропустил его предложение!

– Это вы про... материальную компенсацию, отчисления?

– Именно!

– Но ведь, пожалуй, это было бы прекрасно, и это наша программа-минимум на данном этапе?

– Дмитрий, ты ничего не понимаешь в политике! Занимайся своими канонами, ты в них спец, а сейчас слушай меня, – сказал архиерей раздраженно. – Статья раскрывает наши карты! Причем, совершенно случайно, я уверен. Этот протяженносложенный остолоп думает о том, что по его представлениям справедливо, но выдает то, что сейчас не должно упоминаться. Нам нужно думать о ближайшем будущем. Если такой вопрос встанет до серьезных и тайных переговоров, то очень многие благочестивцы скажут, что мы подняли всю эту бурю из-за денег и всё зависит от того, будем мы получать аренду или не будем. И тогда многие побегут назад, к нашему святейшему бессребреннику. Они ведь не думают о реальности, не могут понять, что церкви нужны деньги для процветания, для внедрения наших идей, для новых газет, журналов, для радио, телевидения! Да даже и для того, чтобы такому ценному человеку, как ты, дом построить – что в этом плохого? И что они в этом понимают?

Дмитрий ухмыльнулся и скромно опустил глаза.

– Ну да, не смейся.

– Да они готовы у нас каждую лепту считать! – подхватил Дмитрий.

– Не говоря уж о том, что еще учат архиерея, чем ему заниматься в отпуске и в каких отелях проживать! Лыжи нельзя, яхта – неблагочестиво... тьфу. И вот, теперь Стратиотис поднимет всю эту муть со дна!

– Владыка, может быть, есть смысл связаться с Костакисом? – медленно и вкрадчиво проговорил Дмитрий.

Кирик поморщился.

– Нет, погоди, я не об этом, это неуместно. Ты найди мне лучше того паренька, что с компьютерами дружит. Помнишь?

– Конечно. Как благословите, владыка!

Лидия с Анной между тем вышли за ворота монастыря с восторженно-умиленными лицами, но тяжелым шагом – руки им оттягивали пакеты с книжками.

– Я думаю, мы еще увидим его иконы... – тихо промолвила Анна. – Он ведь такой подвижник! Мученик за веру!

– Ты что, ненормальная? – возмутилась Лидия. – Да пусть он еще нас переживет!

* * *

В шесть часов пополудни, когда августовский зной еще и не думал спадать, Панайотис Стратиотис в сопровождении Фомы Амиридиса вступил на мраморный помост Форума Константина. Это была одна из древнейших площадей Константинополя и уж точно самая знаменитая. В ее центре возвышалась Порфи́ровая колонна с большим крестом, воздвигнутая еще самим Константином Великим. Когда-то наверху стояла статуя основателя Города, изображенного в облики Аполлона, но она давно разбилась, и восстанавливать ее не сочли нужным. Крестonosцы едва не обрушили колонну, пытаясь добыть из ее основания заложенные туда, согласно легенде, реликвии: рукоятку от топора Ноя, кресало Моисея, остатки чудесно умножившихся евангельских хлебов и «Палладиум» – деревянную статуэтку Афины Паллады из Илиона, хранившуюся прежде в Риме. История умалчивала о том, оказались ли поиски бесплодными или нет. Но совершенно точно было известно, что после крестonosцев Форум пришел в полный упадок. Барельефы, украшавшие колонну, частью пропали, частью перекочевали в Венецию, а на месте древних портиков выросли разномастные постройки, в чьих стенах было немало древнего мрамора. Только красноватый столб с крестом возвышался над Городом. Его хорошо было видно даже из Галаты, хотя сооружение всё глубже уходило в землю.

Всё изменилось в середине девятнадцатого века, когда близ колонны случайно нашли массивный каменный куб в виде головы медузы. Он оказался основанием огромного тетрапилона. Начались раскопки, и постепенно археологи вышли на уровень мраморного покрытия площади, которое располагалось на глубине трех метров от поверхности. Вскоре родилась идея восстановления Форума, с чего, собственно, и началась научная реконструкция исторической части Константинополя. Вся позднейшая застройка в этом районе была разобрана, после чего открылись следы древних портиков и зданий. Конечно, о пропорциях большинства из них оставалось только догадываться, но все же удалось воссоздать круговую колоннаду, два арочных проезда, соединявших Форум со Средней улицей, фонтан со статуями и два храма – Богоматери и святого Константина. Позже возвели здание верхней палаты Синклита – в память о том, что в прежние времена он собирался где-то здесь. Из портиков были и выходы к Императорской библиотеке, Археологическому и Историческому музеям.

Беломраморная «чаша», к которой со Средней улицы вели два широких лестничных схода, конечно, затрудняла движение, поэтому двумя кварталами севернее проложили параллельный проспект, а древнюю дорогу от Августеона до Форума Константина, а затем и дальше, до самого до Форума Быка, сделали пешеходной зоной. Впрочем, по длинным участкам Средней между восстановленными площадями можно было бесплатно передвигаться на электро-мобилях, сцепленных в недлинные поезда.

Полированные камни Форума Константина сверкали и дышали жаром, от них рябило в глазах. И не только из-за блеска, но от того, что здесь был собран мрамор самых разных оттенков – от древнейших камней, серых и источенных непогодой, до современных вставок, которые хоть и подбирались по цвету, но все же явственно выделялись на общем фоне.

Сегодня друзья спешили не на заседание верхней палаты Синклита и даже не в читальный зал Императорской библиотеки, всё было гораздо прозаичнее: за Фомой и Панайотисом бесшумно закрылись стеклянные двери, и они очутились в недрах «Мега-Никса». Здесь было прохладно, нолюдно и шумно. Сразу запахло рыбой, разогретым маслом и свежей зеленью. Стратиотис недовольно поморщился: он не любил сильных запахов.

– Пойдем-пойдем! – Амиридис подтолкнул друга. – Увидишь, здесь очень мило!

Главный столичный «Мега-Никс» или, как его называли между собой сотрудники фирмы, «Дворец» располагался в двух шагах от Форума. К нему вел широкий проход, начинавшийся от южного портика. «Мегу» давно уже полюбили туристы, гуляющие по главной улице, покупатели, ошалевшие от толкотни Большого Базара, и, конечно, завсегдатаи Ипподрома, наводнявшие «Дворец» в праздничные дни. «Мега-Никс» занимал просторное здание, построенное специально для «быстрой еды». Конечно, архитектор не по своей воле ограничился двумя ярусами, но что было делать – пришлось вписывать заведение в формат одной из главных имперских площадей. Зато внутри фантазия зодчего разыгралась вовсю: здесь имелись общие залы, отделанные досками в морском стиле, уютные уголки на несколько столиков и даже трапезные, где посетитель мог пообедать в относительном уединении – длинные столы были там придвинуты вплотную к высоким мраморным перегородкам и дополнительно разделены на небольшие отсеки. К одному из таких отсеков и направились друзья. Фома погасил телеэкран, где молоденькая дикторша рассказывала о результатах сегодняшних забегов, и вызвал сенсорное меню.

– Смотри, Пан, всё просто.

Он потыкал пальцем в названия блюд, которые Стратиотис даже не успел прочесть, и вставил в гнездо банковскую карту.

– Две-три минуты – и наша рыбка приплывет пневмопочтой прямо сюда. Никакой толкотни!

Панайотис усмехнулся:

– Да, техника! Но, ты знаешь, мне всё же это не по душе. Еда – дело интимное, ее должен готовить старый повар, и чтобы верный слуга строго по расписанию подавал обед на фамильном фарфоре... А чем есть вот так, лучше вообще не есть.

– Ой-ёй! – Амиридис расхохотался. – Откуда в твоём монастыре слуги и фарфор? Разве они монахам полагаются?

– Да я же и не монах еще!

– Ты хуже монаха, ты зануда! Многие монахи веселее тебя, хотя и у них слуг не водятся.

– У них есть послушники и трапезники. – Стратиотис нахмурился.

– Ладно-ладно, не обижайся, я же шутейно! Не хочешь – не ешь, разве тебя заставляют? – Фома пожал плечами. – Ты же, бедняга, не по своей воле сюда притащился, а по воле твоего типа из «Византийской культуры». Ну, вот и сиди, впитывай, как наша культура здесь реализуется.

– Ой, наша ли? – усомнился Стратиотис. – Это все-таки турецкая выдумка и западная отчасти, а потому...

– А потому будь доволен, по крайней мере, тем, что здесь всегда постный стол!

– Да какой же постный, если рыба это практически скромный продукт! Так, по немощи, в праздники допускается, – заворчал Панайотис.

– На тебя совсем не угодишь!

– Отчего же, я очень восприимчив ко всему хорошему.

– Ну, вот и воспринимай хорошую рыбу в хорошем месте. Думаешь, сюда монахи не ходят, даже строгим постом? Ходят, не беспокойся. Да еще владыченькам носят вкусные кусочки.

– Вот видишь! Получается, мне нужно писать про дом обжорства!

– Почему сразу обжорства? Разве мы виноваты, что нам нужно что-то есть... хотя бы через два дня на третий! А турок ты зря помянул все, беды не от них. Если сейчас начать считать, что у нас турок придумал, а что венецианец или скиф, то, знаешь ли, дружок, мы себя сильно обедним. Пусть лучше все будет византийское!

В этот момент два теплых контейнера с тихим звоном выскочили из раздаточного шкафа. В них были белые булки, из которых торчали хвосты жареных ставридок, обернутые

листьями салата. К блюду прилагался пакетик с лимонным соком и маленькая бутылка пива «Эфес».

Пахли никсы аппетитно, и журналист невольно сглотнул.

– Давай-давай, ешь, не изображай доместика в отставке, – сказал Фома, открывая «Эфес». – Небось с утра голодный.

– Стоит ли? Мне еще, может быть, машину вечером вести. – Панайотис с сомнением осмотрел запотевшую бутылочку.

– У меня есть предчувствие, что сегодня ты обойдешься без машины. – Амиридис хохотнул. – Давай, за удачный репортаж!

– Да, спасибо! Без тебя уж и не знаю, что бы я тут делал...

Ставридки были обжарены до золотистой корочки, но не потеряли сочности. Уплетать их, поливая лимоном, было ни с чем несравнимым наслаждением. Когда друзья разделались со своими порциями, подошедший официант вежливо поинтересовался, все ли в порядке и не нужно ли чего еще.

– О, привет, Грига! – воскликнул Амиридис. – Не ожидал тебя увидеть.

– Здравствуйте, – медленно проговорил Панайотис, оборачиваясь.

– Ты не помнишь Григория? – Фома повернулся к другу. – Это же брат Лизи, она с ним в прошлом году приходила праздновать день Восшествия на престол!

– Ой, действительно, я запамятовал. Еще раз здравствуйте! Как вас Бог хранит?

– Хранит, не жалуемся. – Григорий усмехнулся.

– Вы знаете, ведь я здесь никогда не был. И сейчас-то по заданию одной газеты. Постигаю жизнь во всей ее неприглядности... то есть, я хотел сказать – во всех красках.

– Ну, и как вам нравится здесь? – спросил официант.

– В общем ничего, только вот эти запахи... Рыба, горелое масло...

– Да что вы, что вы! – Григорий замахал руками. – Это вы просто не знаете, как пахнет горелое масло. У нас за этим строго следят! Да и с кухни сюда ничего не проникнет. А рыба... Ну, что делать, еще не придумана рыба, чтобы... Вот не говорить она может, а не пахнуть – нет. Но разве плохой запах? Особенно если не нюхать его здесь каждый день.

– А что за публика здесь обычно?

– Публика разная. Походите, посмотрите, раз у вас репортаж. Да вам, наверное, и с директором неплохо встретиться?

– Я похожу, да, – сказал Стратиотис, медленно поднимаясь. – Кстати, где здесь у вас... – он что-то пролепетал одними губами, но Григорий понял и молча махнул рукой в конец зала.

Панайотис кивнул и попросил:

– А вы, кстати, может быть, принесете нам еще что-нибудь... поизысканнее? Я действительно проголодался.

– О, я вам рекомендую жареных кальмаров! – воскликнул Григорий. – Фирменное блюдо сегодняшнего шеф-повара. Только придется подождать, конечно, это не на конвейере.

Кальмары появились в виде толстых золотистых колец, приправленных сметаной. К ним Фома потребовал по бокалу белого вина. Он пытался поговорить с Григорием о том, о сем, но молодой человек сказал, что через полчаса кончится его смена и тогда – пожалуйста.

– А то у нас здесь строго, долго стоять не разрешают. И так-то платят не ахти, а заметят, что бездельничаю, – влетит...

В ожидании Григория друзья смаковали кальмаров и попивали холодное вино.

– Должен признаться, я был неправ, здесь действительно хорошо, – сказал вдруг Панайотис. – И кормят вкусно. Люблю, когда не нужно придумывать положительных явлений.

– Ну, вот видишь! Если б тебя хорошо кормили во всех местах, куда посылают на задания, то, глядишь, в твоих репортажах было бы поменьше перца.

– Ну да, больше перца на столе – меньше на бумаге, – согласился Стратиотис; он явно впадал в мечтательность. – Как же странно мы устроены! Ничего не можем оценить с первого взгляда, вечно все сначала кажется пошлым, грязным, недостойным... Только потом, если вникнешь поглубже... Вот я сейчас прошелся по залам, вижу – вроде сидят нормальные люди, о чем-то беседуют, спорят. Пусть громче чем нужно, но, наверное, так полагается? Признаться, я воображал себе, что здесь какой-то притон разбойников и бродяг. Общедоступный ресторан в таком историческом месте... Короче говоря, вникнуть стоило! Но обычно некогда вникать, приходится сразу выдавать впечатления. Наверное, поэтому меня все сторонятся, да?

– Ну что ты, кто тебя сторонится? – стал утешать его Фома и вдруг почувствовал, что не вполне искренен.

По счастью, в этот момент подошел Григорий, уже освободившийся от ало-голубой униформы. Он плюхнулся на стул и устало улыбнулся.

– Как поживает ваша сестра? – любопытствовал Стратиотис.

– Лизи? Она же собиралась у вас в редакции сегодня что-то программировать. Разве вы не встретились?

– Ах, да, конечно, но она со мной не очень-то... – грустно заметил Панайотис.

– Она устает. Все-таки две работы.

– Ну вот, так я и знал. Устает... А ведь я ей предлагал похлопотать, устроить к нам начальником программистов, на полную ставку. А она мне даже почти и не ответила ничего. – Тут спецкор уныло понурился.

Григорий внимательно поглядел на него.

– Не обижайтесь, ей правда очень важны эти работы для «Гелиоса».

– Неужели Лизи рвется в космос? – сострил Фома.

– В детстве мечтала. – Григорий кивнул. – Но теперь просто хотела бы с ними работать. А у нее и получится, думаю. Она талантливая!

– Еще какая! – Панайотис на миг оживился, но тут же опять сник: – Только что же, если она устроится к астронавтам, то от нас, наверное, совсем уйдет?

– Не знаю. Может быть. Но до этого еще далеко, – осторожно ответил Григорий.

– Уйдет, конечно, – успокоил всех Амиридис. – Там перспективы, творчество, а у нас одни ньюсмейкеры да имиджбрейкеры...

– А как вам нынешний Ипподром? – сменил тему Григорий.

– Зрелища – не мой профиль. – Панайотис слегка скривился.

– Очень интересно! – отозвался Фома. – Много новых имен, а старые знакомцы вылетают, как пробки! Я, кстати, заметил на одной колеснице приспособления, известные по сирийским раскопкам. Представьте себе, в том месте, куда приходит главное дышло... Э, Грига, а ты сам-то, наверное, не ходил?

– Мы были вчера с сестрой, сидели на прекрасных местах в Сфенде.

– О, потратились, наверное! – воскликнул Амиридис.

– Да нет, нам в этот раз повезло: Василь подарил Лизи билеты на все семь дней.

– Какой Василь? Неужели Феотоки?

– Он самый, – подтвердил Григорий, но, взглянув на Панайотиса, понял, что сболтнул лишнее.

Поджав губы и нахмурившись, журналист процедил:

– Ну конечно! Им же бесплатные билеты целыми пачками дают, почему бы не пустить пыль в глаза!

Стратиотис замолк на несколько минут, после чего стал раскланиваться:

– Друзья мои, вы тут сидите, а я действительно должен пойти переговорить со здешним начальством.

– Ступай лучше на кухню да поговори с поваром! – Фома хохотнул. – У него наверняка самое вкусное припасено для дорогих гостей!

Панайотис не ответил на шутку друга. Григорий посмотрел вслед журналисту и задумчиво потер переносицу.

* * *

Пока кувикулария затягивала шнуровку на корсете августы, Евдокия ядовито размышляла о представителях литературного бомонда, с которыми она дважды в месяц устраивала встречи в дворцовом ресторане «Парнас». Поначалу, когда дочь сообщила ей о двух романах Киннама, которые, оказывается, уже давно вовсю обсуждали в школах и в Университете, особенно первый, посвященный жизни людей науки, императрица поразилась, что до сих пор ничего о них не знала, хотя на «парнасских вечерах» обычно обсуждались наиболее интересные литературные новинки – как, впрочем, и оказывавшиеся на поверку не особенно интересными и даже более чем посредственными. Катерина тоже удивилась, узнав, что мать до сих пор не читала «Записок великого ритора».

– Я была уверена, что ты их давно прочла! – воскликнула она. – Всё собиралась спросить, как они тебе, но так и забыла... Неужели твои «парнасцы» ничего про них не говорили?

Да, «парнасцы» помалкивали, и Евдокия, прочтя романы Киннама, отлично поняла причину этого молчания: великий ритор оказался настолько талантлив, что большинство произведений, которые читались их авторами на «августейших» литературных вечерах и нередко издавались при финансовой помощи первой женщины Империи, не выдерживали сравнения с его романами – обстоятельство тем более обидное для всех этих сочинителей, что Феодор только начал пробовать свои силы в области художественной литературы, если, конечно, не считать его предыдущей переводческой деятельностью. Будь он писателем одного уровня с большинством литераторов, они бы, естественно, обсудили его и вынесли с высоты «Парнаса» вердикт. Но, несмотря на всё свое самолюбие и самолюбование, над которыми так любил подтрунивать Цец в юморесках из серии «Парнасская плесень», они осознали, что имеют дело с литературой совсем другого уровня... и предпочли промолчать – опасаясь, конечно, как бы августа, прочтя новые романы, не сделала их автора своим литературным фаворитом.

Разумеется, подобное отношение друг ко другу собратьев по перу не было новостью для Евдокии, но сейчас оно вызвало у нее больше раздражения, чем иронии, и даже навело на мысли о том, не теряет ли она время, опекая всю это пишущую братию. В самом деле, за последние два года наиболее удачными литературными проектами из тех, которым она помогла финансово, было издание первого романа Кассии Скиату, сборника стихов Катерины Канаки и романа Антония Евгениана «Водоросли» – они имели большой успех, и для своих следующих произведений эти авторы уже легко нашли издателей сами. Но, что характерно, именно эти авторы наименее охотно обсуждались в кругу постоянных посетителей «парнасских вечеров», а если и обсуждались, то больше на предмет недостатков, чем достоинств. Более того, о романе Кассии августа узнала тоже со стороны и почти случайно – от синкелла, благодаря которому она затем связалась с автором по электронной почте и получила на прочтение рукопись. Сама Кассия до сих пор не бывала ни на одной из «парнасских встреч»; императрица неоднократно собиралась пригласить ее, но, представляя, как в эту довольно молодую и, конечно, не слишком искушенную в светской жизни монахиню вцепятся такие «акулы» как Сергей Лукарис, каждый раз передумывала. Теперь, после случая с романами Киннама, эта зависимость от мнений литературного бомонда показалась ей почти оскорбительной.

«Не пора ли мне уже поменять состав этих посиделок? – думала Евдокия. – Что толку, например, в Лукарисе? Он явно исписался! Его первые романы были оригинальны, а теперь он увяз в бесконечных продолжениях, причем ему даже лень раскинуть умом и придумать

что-нибудь по-настоящему захватывающее и со смыслом... Хотя, казалось бы, фантастика дает для этого все возможности – сочиняй, не хочу! Зато с каким чудовищным апломбом он громил в последний раз Аплухира, а ведь его роман очень даже приличный, особенно для начинающего... А Мириниди с ее детективами? Ну, сколько можно забрасывать несчастного сыщика то в Москву, то в Луджайни, а то чуть ли не в Антарктиду? Как будто, если в книге есть экстрим вроде снега, злых аборигенов, пираний или пингвинов, можно уже не слишком заботиться о проработке сюжета... И сколько их тут ходит, таких писателей! Кому нужны деньги, кому награды, кому похвалы... Но тех, кто действительно заслуживает похвал и премий, не так и много... Даже вот, можно годами вращаться среди этих знатоков современной литературы и не знать о лучших произведениях! Как же неудобно вышло с Киннамом, это просто... не знаю, как и назвать!»

– Так хорошо, ваше величество или еще подтянуть? – спросила Анастасия, молоденькая кувиклария, которая трепетала перед своей госпожой и так восхищалась ею, что, кажется, готова была сдуть с нее малейшую пылинку.

– Да, Ася, оставь так, спасибо.

Августа повернулась перед зеркалом сначала в одну сторону, потом в другую: новое платье из вишневого шелка смотрелся замечательно, прическу Дионисий ей снова сделал чудесную, нужно было только подобрать украшения, но здесь не могло быть сомнений – конечно, рубины! Императрица подошла к туалетному столику и, открыв один из ящиков, достала коробочку, обтянутую драгоценной парчой с замысловатым узором, и вынула оттуда золотые серьги и ожерелье с темными рубинами бриллиантовой огранки – великолепный подарок набога Восточной Индии, «цари самоцветов для царицы мира». Несколько мгновений она любовалась таинственным блеском прекрасных камней, и мысли ее принимали всё более решительное направление.

Да, эти завистливые литераторы поистине заслуживают суровой кары! Надо уже к следующей встрече на «Парнасе» пересмотреть список приглашенных. Может быть, пригласить кого-нибудь из молодых... а главное – побольше тех, кто пишет по зову души, а не для того, чтобы заработать на жизнь! Прихлебателей и так довольно толпится у придворной кормушки. Пожалуй, о том, насколько хороши новые книги и каким писателям стоит помогать издаться, лучше судить по отзывам не профессиональных литераторов, а студентов или старшеклассников вроде Катерины... или хоть парикмахера Дионисия. Как он хорошо сказал о том, что каждый, кто вдохновенно делает свое дело, испытывает похожие чувства! А эти зануды вроде Лукариса как начнут рассуждать о погрешностях стиля или сходстве рифм, так не обрящешь ни начал, ни концов! Да, пора изменить всю концепцию «парнасских встреч»!

А пока августу хотелось как можно больше общаться с Киннамом. Она заметила, как на балу к нему подходили и Лукарис, и некоторые другие именитые завсегдатаи ее литературных вечеров, и догадалась, что теперь, узнав о том, как высоко оценила императрица его романы – в перерывах между танцами она несколько раз хвалила их перед гостями и своими постоянными поклонниками, – литераторы начнут добиваться его благосклонности. Они с Феодором уже едко пошутили на эту тему, танцуя Босфорский вальс, и великий ритор дал ей понять, что совершенно не собирается заводить пламенную дружбу с этой публикой. Так почему же она, «божественная августа» и «повелительница мира», как величают ее во время церемоний, должна поддерживать с ними отношения? Нет, хватит, они уже получили свою порцию внимания за прошлые годы! По их милости константинопольский «Парнас» начал зарастать плесенью, Цец прав! С этим определенно нужно покончить. Надо подумать, как организовать литературные мероприятия так, чтобы на них было интересно людям вроде Киннама. Пожалуй, без свежего притока молодых тут никак не обойтись... Не подключить ли к этому делу Катерину? Она уже взрослая, вышла в свет. Почему бы с ее помощью не начать устраивать литературные вечера для молодежи? Да, надо всё это обдумать после Ипподрома...

Евдокия примерила ожерелье: к ее наряду оно шло изумительно, и августа довольно улыбнулась. Ладно, о бесталанных графоманах и исписавшихся талантах она подумает после, а сегодня ее ждет замечательный вечер в обществе по-настоящему талантливого человека, с которым всегда так интересно общаться! Вот и сегодня в историческом музее он рассказал ей столько любопытных вещей, о которых не знала не только она, но и экскурсовод. В конце концов она вместе с великим ритором немного отстала от прочих гостей, и Киннам подарил ей индивидуальную экскурсию: они застряли в залах, посвященных Элладе, и, если б не ограничение во времени, могли бы провести там остаток дня, настолько увлекательно говорил Феодор. Хотя августа считала своим долгом сгладить то невольное невнимание к творчеству Киннама, на которое он мог обидеться, она ощущала, что исполнять этот долг ей чрезвычайно приятно. Право, Феодор совершенно очарователен! И сейчас, на представлении в театре Акрополя, она непременно посадит его рядом, расскажет об актерах – в этот раз состав труппы изменился почти полностью, – они поговорят об их игре... и вообще поговорят, и пусть все эти «имени-тые» или «подающие надежды» писатели полопаются от зависти к великому ритору!

* * *

«Эрот, Эрот, о ты, вливающий
Нам в очи страсть, блаженство сладкое
Вводящий в души, против коих ополчился ты,
Да не явишься никогда ко мне со злом...»

Хор начал петь первый музыкальный антракт, после которого должны были объявить антракт настоящий, и принцесса чувствовала легкое волнение. Сидя рядом с Василием в третьем ряду Кинегия – античного амфитеатра, восстановленного на Акрополе в девятнадцатом веке, под темневшим небом, где уже загорались звезды, Катерина время от времени тихонько перекидывалась с возницей фразами по поводу актеров, костюмов и самого действия трагедии Еврипида, которая казалась древней, как мир, но ей хотелось поговорить с Феотоки о другом, и она собиралась сделать это в антракте.

Принцесса второй день общалась с Василием так близко и много, как никогда раньше, и в глубине души начала ощущать что-то подозрительно смахивающее на разочарование. До нынешних бегов ей приходилось разговаривать с Феотоки лишь в Свято-Мамантовом, где проходили тренировки будущих претендентов на Великий приз Золотого Ипподрома, и там разговоры шли о лошадях, бегах, приемах обгона или верховой езды, истории скачек; Василий всегда очень воодушевлялся, говорил горячо, спорил, рассуждал, рассказывал, доказывал... Когда он горячился, то становился особенно красивым, а стоя на колеснице, походил на античного героя. Принцессе казалось, что он такой и в обычной жизни – горячий и увлекающийся. Но, пообщавшись с ним в неипподромной обстановке, она к своему удивлению обнаружила, что на самом деле он очень спокойный, пожалуй, даже чересчур рассудительный... Нет, он мог и шутить, и веселиться, но... он казался принцессе слишком взрослым. Ему было двадцать пять, и Катерина почти физически ощущала, что он старше ее на целых десять лет: она чувствовала себя рядом с ним девчонкой, и от этого становилось неудобно. Но почему она не ощущала ничего подобного, например, общаясь с Киннамом, который гораздо старше ее?... Она не могла понять, в чем тут разница, и это начинало ее злить. Может, она еще не нашла «ключ» к Василию? Ей не хотелось так просто отказаться от своих романтических мечтаний, и теперь она собиралась поговорить с возницей на более «опасные» темы.

В антракте они отправились в смежный с театром большой сводчатый триклин, где располагалась уютная кофейня, взяли по чашке черного кофе и по пирожному и устроились за столиком возле окна, откуда открывался чудесный вид на парк.

– Ну, как тебе «Ипполит»? – спросила Катерина.

– Очень здорово! Я впервые в жизни вижу древнюю пьесу в такой аутентичной обстановке – амфитеатр под открытым небом... Всё воспринимается совсем иначе!

– Ага, словно проваливаешься сквозь толщу веков. Я обожаю представления в этом театре! А Еврипида вообще особенно люблю. Из всех античных трагиков он мне нравится больше всего. А тебе?

– Даже не знаю, – Василий немного смутился. – Я его читал давно, еще в школе, а потом не перечитывал... Я вообще не любитель древней литературы, больше современную люблю.

– А я разную люблю. Современную тоже. Например... Впрочем, ладно, это после! Но вот «Ипполит» тебе нравится?

– В общем да, интересный сюжет!

– И что ты думаешь о Федре? Скажем, если отбросить всех этих богов, которыми греки пытались объяснить всякие зигзаги жизни и психологии, то получается: муж уехал в дальние края и неизвестно, когда вернется, жена молодая, ей скучно, а тут пасынок красивый, вот она и влюбляется. Сильно ли она виновата?

– По-моему, это всё от безделья! Тесею, прежде чем уезжать, надо было подумать, чем ее занять, чтоб она не скучала без него и меньше по сторонам глядела.

– Сурово! – Катерина приподняла брови.

– Зато справедливо! – Молодой человек рассмеялся. – Одиссей, вон, не был дома гораздо дольше, но ведь Пенелопа не заглядывалась ни на кого, хотя вокруг женихи толпами ходили! Она сына воспитывала, хозяйством занималась, а потом нашла занятие – ткать полотно... Нет, правда, разве ты не согласна, что люди часто накручивают себе всякие страдания и проблемы только от безделья? Вот взять мою сестру: она раньше таким нытиком была, всё время чем-то недовольна, от еды до погоды... А это она просто не знала, куда себя деть. Она всегда была слабого здоровья, тихоня, все дома сидела, подруг почти не было, а по дому делами заниматься мать ей не давала – жалела, и отец, когда был жив, запрещал ее напрягать, он ее любил очень, боялся, что надорвется... Но стоило ей в монастырь поступить, так она прямо преобразилась – ни хандры, ни уныния, такая веселая стала, просто не узнать!

– Она ушла в монастырь, когда ваш отец погиб?

– Да. Для нас это все было тяжело, и мама часто стала ходить в монастырь на службы, мы живем недалеко... Сестра с ней тоже ходила, и ей там так понравилось, что она решила остаться.

– А это, кажется, там монахиня Кассия Скиату живет?

– Да. Ты читала ее роман «Кассия»?

– Читала, мне очень понравилось! Наверное, там хороший монастырь, раз монахини могут писать романы. – Катерина улыбнулась.

– Они там вообще умницы! И переводят, и книги издают... Я там иногда бываю. В общем, я рад, что сестра нашла свое место в жизни. Заодно, может, и наши грехи замолит. – Василий улыбнулся.

– Значит, ты в монастырь не собираешься, хочется еще погрешить? – Принцесса лукаво посмотрела на него.

– Не без того! – весело отозвался он. – Но особо буянить я не собираюсь... Мне главное, чтоб лошади были рядом!

– Только лошади? А... семья?

– Ну, если найдется девушка, которая захочет пройти со мной по жизни... и с которой я захочу соединить жизнь...

Катерина бросила на него быстрый, но пристальный взгляд. Думает ли он сейчас о ком-то определенном или рассуждает только теоретически? Не похоже, чтоб он волновался хоть немного... В самом деле, ну хоть бы смутился чуть-чуть! Как вчера Луиджи, например... Она повела глазами и сразу заметила молодого Враччи: он стоял неподалеку возле одноногого сто-

лика со стаканом сока в руке... и смотрел на нее! Принцесса тут же насмешливо заулыбалась и сказала, чуть повернув лицо к Василию, но продолжая глядеть на Луиджи, точно говорила о нем:

– И каково же твое видение семейной жизни? Идеальная жена, по-твоему, должна быть похожа на Пенелопу? То есть ты будешь нарезать круги по арене, а она будет дома терпеливо ждать, ткать, наполнять закрома, воспитывать детей...

Феотоки расхохотался. Луиджи гневно сверкнул глазами и повернулся к ним спиной.

– Вы почти угадали, ваше высочество! – ответил Василий. – Мне хочется, чтобы дома было спокойно и уютно. Дом – это как пристань, куда возвращаешься после жизненных бегов.

Катерина наморщила нос.

– А если твоей жене тоже захочется каких-нибудь приключений, жизненной встряски... в общем, скачек? Или, по-твоему, она должна сиднем сидеть дома?

– Не то, чтобы сиднем, но мне хотелось бы, чтоб она была в целом, так сказать, домашней: создавала бы уют, вкусно готовила... – Феотоки допил свой кофе и, поглядев на пустую чашку, сказал: – Я вот, например, люблю кофе, смолотый вручную. Раньше всегда Евстолия с утра молола нам всем, а теперь некому. Фрося, правда, порывалась, но она маленькая еще, сил не хватает. А мама как стала молоть, так вообще уронила кофемолку, и у нее ручка отлетела. Так что я давно уже вкусного кофе не пил, вот, вспомнилось... Соскучился даже!

– И тебе, значит, нужна жена, которая с утра бы вставала и молола тебе вручную кофе? – с иронией спросила принцесса.

– Почему бы и нет? Я знаю таких, которым нравится этот процесс.

– По-моему, это какое-то нездоровое эстетство! – Катерина фыркнула. – Сидеть полчаса крутить ручку, когда можно нажать кнопку и за минуту всё будет готово! Я знаю, говорят, вручную смолотый кофе вкуснее, но я бы не стала тратить столько времени... ради убления вкусовых рецепторов! В конце концов жизнь слишком коротка, и есть много занятий поинтереснее... Да я лучше книжку читаю лишние полчаса!

– Но тебя, думаю, муж и не попросит молоть кофе. – Василий засмеялся. – Ты... мне кажется, ты совсем не «домашняя». То есть я не хочу сказать ничего обидного, – добавил он, точно извиняясь, – просто у тебя другой характер и интересы. Ты умная, любишь книжки, науку, опыты всякие... Было бы преступлением заставлять тебя заниматься такими вещами как домашнее хозяйство или... вышивка крестом! Но тебе ведь это и не грозит.

Принцесса чуть прикусила губу. Кажется, он даже не представляет себе возможности соединить с ней жизнь! Неужели она ему совсем не нравится?! Или он настолько смиренный, так четко «знает свое место» в обществе, что у него и мыслей подобных не возникает? Или он говорит всё это нарочно, чтобы испытать ее, узнать, как она к нему относится? Да нет, не похоже – он, кажется, не любитель уловок...

Она заметила, как Луиджи резко поставил на столик опустошенный стакан из-под сока и зашагал к выходу из кофейни. Зачем она обидела его? В самом деле, она повела себя по-свински! Он, пожалуй, подумает, что она плохо воспитана – смеется над ним в глаза со своим знакомым, который... «Какой-то вообще тюфяк, а не мужчина! – вдруг подумала она раздраженно. – Или мне еще не удалось его расшевелить?»

Катерина покраснела, допила свой кофе и с облегчением услышала переливчатую трель, объявившую о конце антракта. Второе и третье действия она просидела молча, следя за происходящим на сцене, и больше не разговаривала с Василием. Но молодой возница, похоже, от этого нисколько не страдал.

* * *

От кого: «Луиджи Врачи» <luigivracci@graphe.koin>

Кому: «Лаура Враччи» <laura-vracci@graphe.koin>

Отправлено: Среда, 18 августа 2010 01:51

Тема: Re: мы на месте

—

Милая Лаура!

Я дико извиняюсь за молчание! У меня не было свободного времени, я тону во впечатлениях и еще в раздразе из-за этой принцессы... Попробую рассказать кое-что, хотя при здешнем распорядке это почти геройство: мы встаем ни свет, ни заря, а домой приходим почти в полночь, я просто с ног валюсь!

Посылаю тебе мноооого фото и пояснения в отдельном файле, но немного – некогда разбирать, вот приеду, расскажу обо всем. Там много августы, надеюсь, ты будешь довольна) Великолепная женщина, манеры изумительны, блестящее чувство юмора и незаурядный ум. А как она одевается! Даже я, хотя ничего в этих тряпках не смыслю, понимаю, что это нечто особенное, а мамик целыми днями так и ест глазами ее платья и костюмы))

А принцесса... Когда нас представили друг другу, она держалась так высокомерно и холодно, что я чуть не превратился в ледяную статую – почти не шутка :-/ А потом она на меня и не глядела, даже слова не сказала, хотя в Кафизме нас посадили рядом! Если б не этот несчастный Феодосиев порт, я бы спокойно решил, что она надутая дура, и сказал бы папе, что не буду с ней знакомиться «получше», т.к. снежные королевы не в моем вкусе. Но я был в порту сегодня после обеда, там и правда царит полное уныние – археологи лихорадочно пытаются успеть побольше раскопать, но понимают, что уже мало успеют, и проклинают строителей туннеля и все на свете. Мне их, конечно, страшно жалко стало – я-то знаю, как это, когда на раскопе торопят!!

Ну, думаю, ладно, хоть принцесса и окатила ледяной водой, все же поищу к ней подход. По крайней мере, надо попробовать, чтоб не вышло так, что я вообще ничего не пытался сделать для спасения порта! Вот если попытаюсь, а не выйдет, значит не судьба. Да и вообще странно, что это она со мной так обращается? Вроде ведь я ничего ей не сделал плохого! Мне прямо даже выяснить захотелось. А мамик может и правда на пустом месте возомнила насчет женитьбы! Ты меня успокоила немного этой догадкой))

А вечером был бал, и принцесса явилась туда... нет, я даже не берусь описать ее, там есть несколько фото, сама увидишь – и правда настоящая принцесса, как из сказки. Никакого холода в помине, глаза блестят, поздоровалась со мной, даже улыбнулась, да как! Но вся эта радость была вовсе не из-за меня, это мне отраженные лучи перепали, а сияла она оттого что там был этот самый Феотоки, «красавец-возница»! Принцесса точно на него запала: танцевала с ним несколько раз, а в перерывах почти от него не отходила. Но это я потом заметил, а сначала я ничего не понимал конечно, выждал немного, чтоб не вышло, будто я сразу бегу ее приглашать, а после первых двух танцев подошел и попросил ее станцевать со мной венецианский вальс. А она и говорит: «Сожалею, господин Враччи, но этот танец у меня уже занят». Холодно так. Но я упорно улыбаюсь: «Это не страшно, ваше высочество! Надеюсь, у вас найдется для меня другой свободный танец?» А она: «Увы, господин Враччи! У меня все танцы уже разобраны. Как-нибудь в другой раз». Я удивился, конечно, что так быстро разобрали танцы, но думаю, чего не бывает, у нее же первый бал – может, ажиотаж и пр. Но и рассердился – подсуропил мне папик задачку!!

И что ты думаешь? В середине бала в перерыве, я оказался от принцессы недалеко, смотрю – подходит к ней Франц Меркель, канцлерский сынок, мамик нас уже познакомила. Мамик вообще так рвется знакомиться с высшим светом, что мне даже неловко ((А этот Франц – такой весь из себя франт, о-о! Рядом с его фраком просто дыхнуть страшно! И принцесса с ним болтает-смеется, такая вся сияющая, как будто они уже давние знакомые, а потом он с поклоном что-то ей говорит – явно на танец приглашает. И что же? Она спокойненько

открывает бальную книжку и пишет там. А он опять кланяется – благодарит, значит. Т.е. она меня обманула!!! Она просто не желала со мной танцевать!

Ух, как я обозлился!! Вот какого черта мне вертеться вокруг нее, когда она явно воротит нос?! В общем, я злился и на нее, и на папика с его политикой, и кажется был не очень любезен с дамами. А где-то в последней трети бала августа объявила белый танец. И гляжу – идет ко мне принцесса, улыбается и говорит: «Не соблаговолите ли, господин Враччи, подарить мне этот вальс?» Я от растерянности смог только пробормотать: «С удовольствием, ваше высочество!»

О, как она танцует!! Но в танцах-то меня мало кто перещеголяет, ты знаешь, так что я не ударил в грязь лицом!;) И уж точно я танцую получше этого возницы, и ей, похоже, понравилось – раздумянулась так и сказала под конец: «Хорошо танцуешь!» Сразу на ты перешла, прикинь! Она и впрямь прекрасно говорит по-итальянски, почти без акцента. А с Феотоки она после этого почти не разговаривала, я заметил.

А августа вроде особенно благосклонна к великому ритору Киннаму – даже пригласила его на белый вальс! Это ректор Афинской академии, говорят, очень ученый (погляди-ка в инете, что за тип, а то мне тут некогда). Кажется он историк, а я сначала подумал, что какой-то деятель искусства – такой холеный мужик, умный и самоуверенный, мастак на шутки и комплименты, и вообще говорит – заслушаешься. Мы с предками в начале бала заходили в ложу к августе, и Киннам там зажигал, о-о. Мамик так заслушалась и засмотрелась, что папик ее еле утащил оттуда)) К тому же Киннам еще и романы пишет – папик сказал, но про что, он не знает. Может, ты в сети о них найдешь?

Император танцевал совсем мало, он все больше с разными ЛИЦАМИ в соседнем зале играл в бильярд, видно, дела обсуждали в неформальной обстановке. Я тоже сунулся в бильярдную, думал, только погляжу и уйду, но застрял надолго – от удивления! Знаешь, кто там был душой общества? Монах! Настоящий, в черном одеянии и все такое. Я выпал в осадок, но папик (он там почти весь вечер проторчал) пояснил, что это синкелл Иоанн – ответственный по связям церкви и государства, важное лицо и любимец императора. Он жутко классный, всех забавлял остротами, цитировал поэтов и писателей, я многих и не знаю, да и с греческим у меня пока не очень, но тамошняя публика куда образованнее: узнавали с лету, смеялись, даже аплодировали. При этом он всех обыграл на бильярде в пух и прах! Кроме императора)) Правда тот его подзуживал и приказывал не играть в поддавки, но синкелл уверял, что император и правда играет лучше, «и я никак не в состоянии доказать обратное»))

А еще представь, на балу я познакомился с Фомой Амиридисом! Он оказывается очень классный и веселый, совсем не скажешь по нему, что серьезный ученый) Мы с ним выпили за успех археологии и за дружбу народов;)) Он мне свою визитку дал, сказал – если что, можно обращаться с вопросами. Он отлично говорит по-итальянски и вообще отличный!

В общем, бал был классный, и я отцу вечером не стал говорить, что с принцессой не буду «дружиться», а теперь не знаю, то ли ругать себя, то ли... Но буду по порядку! Честно говоря, после белого вальса я подумал, что ради такой девушки я бы и с Амирией повременил...

Но я рано раскатал губу! Сегодня в Кафизме она только поздоровалась, а потом опять ни слова, а когда Феотоки выигрывал, кричала чуть не громче всех в ложе. Я снова стал злиться и подумал, что ничего у меня не выйдет ни с дружбой, ни со спасением порта. Но после обеда принцесса куда-то исчезла, а потом является в брючном костюме, а я собирался с предками пойти в археологический музей, а Катерина подходит и говорит папику: «Господин Враччи, вы позволите увести от вас сына?» Папик натурально позволил, и они с мамой ретировались, а принцесса мне без предисловий: «Пойдем верхом покатаемся!» Я уже начал «С удоволь...» и тут подумал, что выгляжу как дурак, все одну и ту же фразу повторяю. А она говорит: «Да оставь ты все эти высочества! Зови меня на ты и Катериной». И повела меня на их площадку для верховой езды, там и конюшни, мы зашли, она говорит: выбирай лошадь! А там стоят не лошади – сказка! Но вижу сразу – все с норовом, одна только посмирнее, в другое время

ее бы взял, но К. смотрит – выберу эту, точно засмеет, видно, на это и рассчитывает! И я выбрал такого вороного, что ух! ногами так и переставлял, косился на меня, фыркал. Ну, думаю, погибну, так хоть не трусом! К. хмыкнула, но ничего не сказала, позвала конюха, приказала седлать. А сама взяла из другого стойла такого коника... Честно, я б на него под дулом пистолета не сел – огонь, а не конь! А она с ним управлялась, как с ручной болонкой! Тут я решил, что смерть мне пришла – К. как пошла скакать через барьеры, а я что – за ней, не показывать же, что я к таким упражнениям не привык! И гоняла же она меня! Я весь взмок, несколько раз чуть не сверзился, но пронесло. Вот только костюм мой после этого можно выбросить – тут ведь бриджи нужны, а не мои брючки! Ну да черт с ним!))

Наконец К. сама видно устала, подъезжает и говорит: ну что, хватит на сегодня? А у меня уже азарт: ну, думаю, если ты хочешь мне доказать, что я ничего не стою, так я тебе докажу обратное! И говорю ей: если больше не хочешь, давай закончим, а так я не прочь и продолжить. Она: «Сегодня хватит, а на днях можно продолжить». А я: «С наслаждением!» И посмотрел так с вызовом. Она хмыкнула и отвернулась – поняла!

А сейчас вечером мы были в театре, смотрели «Ипполита». Амфитеатр древний, каменные скамьи и все такое (а сидели мы на подушечках), акустика отличная, играли блестяще. Опять Феотоки был, и К. с ним рядом села, а я сзади них выше сидел и видел, как они перешептывались. Ко мне она вообще не подходила и не глядела в мою сторону, а в антракте они с Феотоки кофе пили и кажется, она что-то ему про меня сказала и посмеялась. Я жутко разочлился! Но после представления она вдруг подошла и спрашивает: «Как тебе пьеса?» Я похвалил – было за что! А она: «Нравится тебе Федра?» Я говорю: «Не то чтобы очень. Если уж она повеситься решила, то вольному воля, но зачем было на Ипполита лгать?» Она: «Подлю, да. Но как там говорится, „Киприда больше, чем богиня“, это она хотела погубить его и нашла подходящее орудие. „Зло с его фальшивым блеском“. Ты кстати согласен?» Я: «С чем? Что женщины зло?» Она: «Нет, с тем, что Киприда сильнее всех богов!» А у самой в глазах так прямо чертики пляшут. Я говорю: «Не знаю, на меня пока не действует» – и чувствую, что краснею (дурак! идиот!!) К. рассмеялась, сказала: «До завтра, Ипполит!» – только ее и след простыл.

Таковы мои успехи на сегодня. Не знаю, что обо всем этом и думать. Похоже на скачки: каждый раз новый заезд... но чем эти бега окончатся, не знаю. Сам не понимаю, хотел бы я дружить с принцессой или нет. Уж больно она своеобразная. Но зато конечно, с ней не соскучишься! Правда боюсь, не слишком ли я пресен для нее... Видишь, меня с горя потянуло на самокритику :-/

У, сколько я понакатал! Но больше таких длинных писем не будет, уволь. Черт, уже почти два часа, а завтра подъем опять в 7!!

Все, пока, до встречи в эфире!

Твой Л.

День третий

Когда начался второй заезд и Феотоки, уже победивший в первом, снова вырвался вперед, Григорий подумал, что сестра, пожалуй, и правда выиграет спор, а может, получит и возницу: принцесса, судя по кратким экскурсам в императорскую ложу, которые транслировали на экранах, уже не так бурно восторгалась Василием, как в первые два дня Ипподрома, и даже обменивалась краткими репликами с молодым итальянцем – он по-прежнему сидел в ложе рядом с ней и больше не выглядел таким обескураженным, как в день открытия бегов. Хотя, конечно, если билеты, подаренные Лизи Василием, достались ему бесплатно, то сестра явно преувеличивает степень его симпатии к ней... и, может быть, недооценивает чувства Панайотиса. Впрочем, кто его знает, что у него там за чувства! Станный все-таки тип. Откуда в нем столько снобизма и занудства? Недаром Лизи над ним потешается! Но иногда в нем проглядывают и вполне нормальные черты... Может, все это его благочестие наносное? Вероятно, Лизи даже сумела бы, что называется, грамотно настроить Стратиотиса... Не потому ли он так невозможен, что до сих пор просто было некому с умом за него взяться?

Впрочем, если намерения Василя в отношении Лизи и впрямь серьезны, то она, конечно, и не взглянет в сторону Пана. Бедняга Пан!

Тут Лизи завопила, подпрыгивая на сиденье:

– Ура-а-а! Ва-силь! Ва-силь!

Трибуны безумствовали.

– Да, похоже, ты и правда выиграешь пари! – прокричал Григорий сестре.

– А то! – Она с улыбкой повернулась к нему. – Но мы ведь уже выиграли денег и еще выиграем, подсвечник ты себе всё равно купишь!

– Ну, да, – согласился молодой человек. – Ладно, я пойду погуляю.

На самом деле за последние два дня он почти не вспоминал о девушке, с которой познакомился на Мамантовом ипподроме три недели назад: она произвела на него столь сильное впечатление, что он вознамерился пригласить ее домой на «романтический ужин», но теперь эта мысль уже не занимала его. Выйдя в проход между секторами, Григорий взбежал по ступенькам до тридцатого ряда и, присмотревшись к сидящим, поднялся на галерею, шедшую по верху ипподрома. Пройдя до следующего сектора, он вышел в проход и сразу увидел огненно-рыжую копну волос: Илария сидела с самого края, рядом с девушкой в сиреневом платье, с золотисто-русыми волосами, заплетенными в тяжелую длинную косу. Когда Григорий подошел, Лари как раз поднялась с места и, выйдя из ряда, столкнулась с молодым человеком почти нос к носу.

– Ой! – сказала она растерянно, поднимая на него глаза. – Это вы, Григорий? Здравствуйте! – Она заулыбалась. – Как неожиданно! Как вы сюда попали?

– Да вот, захотелось повидать вас, госпожа Илария, – без обиняков заявил Григорий. – Вы меня заинтриговали своим стремлением к серьезной жизни... и рассказом о вашей сибирской подруге. Буду очень рад продолжить наше знакомство, если, конечно, вы ничего не имеете против.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.